М. ГОРѢЛОВЪ

НА РѢКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ

(Замѣтки бѣженца)

Всему часъ, и время всякой вещи подъ небомъ: время убивать, и время лѣчить, время разрушать и время строить.

(Екклезіастъ, III, 1, 3.)

Какъ теперь видитъ, не знаемъ, или кто отверзъ ему очи, мы не знаемъ. Самъ въ совершенныхъ лѣтахъ, самого спросите: пусть самъ о себѣ скажетъ.

(Іоанна, IX, 21.)

1921.

М. ГОРѢЛОВЪ

НА РѢКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ

(Замѣтки бѣженца)

Всему часъ, и время всякой вещи подъ небомъ: время убивать, и время лѣчить, время разрушать и время строить.

(Екклезіастъ, III, 1, 3.)

Какъ теперь видитъ, не знаемъ, или кто отверзъ ему очи, мы не знаемъ. Самъ въ совершенныхъ лѣтахъ, самого спросите: пусть самъ о себѣ скажетъ.

(Іоанна, IX, 21.)

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Съ чисто галльскими находчивостью и тонкостью Франція создала и олицетворила культъ національнаго самопожертвованія въ образѣ Неизвѣстнаго Солдата. Чрезъ войну, особенно русскую, гражданскую войну, прошла, однако, не только армія, но и мирное населеніе, сотни миліоновъ Bourgeois Inconnu. Не всѣ же они поголовно обогащались на крови, отсиживались въ гнусной раковинѣ отчужденія отъ общаго дѣла или злорадствовали надъ родной арміей. Добрая часть этихъ Bourgeois Inconnu не могла не восчувствовать уроковъ исторіи. Оставимъ въ сторонѣ партійныхъ схоластовъ: они говорятъ не такъ, какъ думаютъ, а какъ ц.-к. велитъ. Но ядро, но масса, продѣлавшая русскую viam dolorosam, отъ кн. Львова чрезъ Керенскаго до Ленина, отъ Петрограда, чрезъ Кіевъ, Одессу, Ростовъ и Севастополь, до заграницы, эти Неизвѣстные Граждане чему они научились и что позабыли? Съ новымъ-ли, и какимъ именно, міросозерцаніемъ вернемся мы на родину или, слѣпые, по прежнему пойдемъ за слѣпыми поводырями? Самъ одинъ изъ Bourgeois Inconnu, авторъ не страдаетъ самомнѣніемъ, да еще настолько, чтобы собственное прозрѣніе считать показательнымъ, но мыслитъ небезполезнымъ опубликованіе сдѣланныхъ имъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. Это, если хотите, маленькая самовивисекція. Она можетъ быть поучительною, если ту же операцію надъ собою продѣлаетъ и читатель и не побоится самъ себѣ признаться во вновь открывшихся истинахъ. Тогда выяснится, одинокъ-ли авторъ или у него есть спутники. Сочувствіе-ли встрѣтятъ его мысли или тотъ святой протестъ, что дороже иной разъ сочувствія, — не важно. Желательно одно: загляните въ свою душу и скажите: Вы еще Савлъ или Вы уже Павелъ?...

1.

Чудовищнымъ открытіемъ обязаны мы большевизму: *никто* въ Россіи не зналъ русскаго мужика. Ни Герценъ, ждавшій отъ мужика спасительнаго слова для „гибнущаго Запада“, ни славянофилы, вѣровавшіе въ соборный умъ и соборную совѣсть мужика, ни Достоевскій, называвшій его „богоносцемъ“, ни Толстой, съ мармеладнымъ Платономъ Каратаевымъ, ни Горькій и Андреевъ, рисовавшіе его какимъ-то Чайльдъ-Гарольдомъ въ опоркахъ... Никто! Всѣ проморгали мужика: и правительство, и церковь, и школа, и литература, и публицистика, и лѣвые, и правые. Всѣ рисовали мужика по образу и подобію своему: власть — терпѣливымъ животнымъ, литература — свѣточемъ и оправданіемъ жизни, реакція — оплотомъ противъ революціи, революція — идейнымъ ея носителемъ. Мужикъ снялъ маску, нами же самими ему намалеванную. Подъ нею оказалось тупое лицо насильника; „богоносецъ“ выявилъ свои политическіе идеалы — онъ не признаетъ никакой власти, не желаетъ платить податей и не согласенъ давать рекрутовъ. Остальное его не касается. А Россія? Никакой Россіи онъ не знаетъ: онъ — пскопской или калуцкій... — Намъ, что микадо, что Микола (Николай II) — все равно, — говорили крестяне еще въ 1904 году: „и тотъ и другой подать требовать будетъ...“

2.

Кто виноватъ, что народъ, своею грудью спасшій европейскую цивилизацію отъ татарщины, построившій государство въ шестую часть свѣта, подарившій человѣчеству рядъ духовныхъ свѣточей, когда-то терпѣливѣйшій и трудолюбивѣйшій, одичалъ, послѣ тысячи лѣтъ историческаго существованія, — до политико-моральнаго уровня зулусовъ?

Виноваты всѣ мы, — самъ-то народъ меньше всѣхъ. Виновата бездарная династія, которая наиболѣе ей, казалось бы, дорогой монархическій принципъ позволила вывалять въ навозѣ; виноваты бюрократія, рабствовавшая и продажная, духовенство, забывшее Христа и обратившееся въ рясофорныхъ жандармовъ, школа, оскоплявшая молодыя души, семья, развращавшая дѣтей, интеллигенція, оплевывавшая родину, какъ будто всѣ эти мужики, которымъ интеллигенція кадила ладанъ, не составляли общую родину. Виноваты всѣ. И трехъ праведниковъ не было среди насъ. И долженъ былъ снизойти очистительный огонь на Новые Содомъ и Гоммору!

3.

Лизавета Смердящая (помните, изъ „Братьевъ Карамазовыхъ?) — это русская Мадонна, Григорій Распутинъ — вотъ, въ глазахъ несчастнаго Николая II, спасительный мостъ между верховной властью и народомъ. Отъ Лизаветы родился Смердяковъ, духовный отецъ большевизма. Какъ Ленинъ, Смердяковъ говоритъ:

— Я всю Россію ненавижу... Русскій народъ пороть надо-съ!...

Поротый (буквально!) Распутинъ — вотъ, чѣмъ русская дѣйствительность отвѣтила на толстовскую сказку о Каратаевѣ. Распутинъ — высочайше утвержденный „богоносецъ", въ промежуткѣ между пѣніемъ цыганъ на Villa Rodé и ужиномъ у „Яра" назначающій митрополитовъ и увольняющій министровъ!

4.

Россія есть страна рабовъ. Нельзя безнаказанно ни владѣть рабами, ни самому быть рабомъ, ни даже дышать воздухомъ рабства. Въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, убѣжденія и поступки которыхъ не расходятся съ ихъ словами. Рабъ или на вѣру принимаетъ все или, разъ сорвавшись съ цѣпи, всѣ авторитеты и истины, не исключая таблицы умноженія, валитъ въ сорную яму. Сперва византійское прислужничество, затѣмъ батоги татаръ и опричники Грознаго склонили все предъ земнымъ богомъ. Института царства у насъ не было. У насъ набольшій бояринъ подписывался

не челобитной царю „холопъ твой“. Вы представляете себѣ въ Россіи маркиза Позу? Въ русскихъ условіяхъ онъ будетъ Акакій Акакіевичъ. Вездѣ конституція вырывается народомъ у монарховъ. Въ 1731 г. Анна Іоанновна, давшая Россіи конституцію, по просьбѣ шляхетства рветъ ее. Биронъ, Аракчеевъ, Николай I, Плеве и Ленинъ — неразрывныя звенья одной цѣпи: сами повитые рабствамъ, они живы только имъ, они творятъ его дальше.

5.

Кто онъ былъ, этотъ страшный Левъ, воплотившій въ себѣ день и ночь, всю природу русскаго человѣка? Богъ? Дьяволъ? Непротивленіе злу, идущее дальше даже Христова всепрощенія, вѣдь это не только попустительство большевизму, это — его оправданіе, это — его апологія. Два Льва, Толстой и Троцкій, стоятъ какъ будто на разныхъ полюсахъ русской общественности, а какъ они близки другъ другу. И оба они — рабы. Ибо сектантъ — всегда рабъ. Онъ лишенъ духа свободы, повелѣвающей не только имѣть собственное сужденіе, но и признавать равноцѣнность такогоже и у другихъ. *Сужденія, сужденія*, но не претворенія его въ кровавое дѣло, послѣ чего всякое непротивленіе злу — есть преступленіе.

6.

Большевизмъ держится рабствомъ. Рабы доктрины палками вбиваютъ ее рабамъ духа. Иностранцы не могутъ понять, какъ 300.000 коммунистовъ распоряжаются полутораста милліонами враждебно къ нимъ настроенныхъ людей. Но численность бельгійцевъ въ Конго пропорціонально къ чернымъ еще меньше. И однако... Тяжко теперь жить русскому человѣку. Богъ есть боль страха смерти? Я думаю, Богъ сейчасъ есть боль страха жизни. Жить труднѣе, нежели умереть. Какъ и къ чему жить русскому безъ Россіи? Ни жизни, ни Бога: одинъ страхъ.

7.

Рабственность есть *сердцевина* русскаго народа. Духъ рабства излучается, какъ радій, и охватываетъ всѣ проявленія русской жизни. Отсюда — наши лживость, лукавство

и вороватость. Только въ Россіи возможенъ Хлестаковъ. Тартаренъ можетъ встрѣтиться вездѣ, но повсюду онъ комиченъ. Хлестаковъ — фигура трагическая и „Ревизоръ" — лучшая наша національная трагедія. Это понималъ одинъ Гоголь. Совсѣмъ недавно Хлестаковъ правилъ нами. Только въ странѣ рабовъ, гдѣ живутъ чужими штампами и стыдятся собственнаго мнѣнія, власть могла перейти къ Керенскому. И какъ славословила его печать рабовъ!... Печать страны, гдѣ, по библейскому сказанію о Валаамѣ, пророки молчатъ и проповѣдуютъ ослы.

8.

Большевизмъ — съ самаго начала антихристіанство: торжество его равнозначуще гибели и православія и католицизма. Пора уже не подумать только, а дѣйствительно приступить къ соединенію церквей. Что насъ раздѣляетъ? Не говорю о Filioque, ибо ни тѣ, кто его принимаютъ, ни тѣ, кто его отвергаютъ, не могутъ удобовразумительными словами объяснить, что именно они принимаютъ или что отвергаютъ. Не говорю объ обрядахъ; тутъ, кажется, и спора быть не можетъ. Не говорю о целибатѣ. Пѣтушиное начало, которое оставляетъ онъ за католическимъ священникомъ, позволяетъ клиру быть независимымъ отъ свѣтской власти. Нѣтъ „законной" жены, нѣтъ „законныхъ" дѣтей и патеръ, въ случаѣ столкновенія съ властью, укладываетъ сутану въ чемоданъ и безтрепетно ѣдетъ въ другой приходъ или въ ссылку. Вспомните дѣятельность французскаго духовенства въ 1789 г. Передъ глазами русскаго попа всегда стоятъ его многочисленныя дѣти. На необезпеченности и многосемейности русскаго духовенства сыгралъ Побѣдоносцевъ, — этотъ дѣйствительный тайный большевикъ, обративъ русскую церковь въ одинъ изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Догматы, интересные только для гвардейцевъ теологіи, ритуалъ, занимающій лишь массы, могутъ тормазить соединеніе церквей, но не въ силахъ воспрепятствовать ему. Славянофилы хотѣли посмотрѣть какъ будто глубже, въ корень вещей. Достоевскій утверждалъ, что „Римъ провозгласилъ Христа, поддавшагося на третье дьяволово искушеніе; возвѣстивъ всему свѣту, что Христосъ безъ царства земнаго на землѣ устоять не можетъ, католи-

чество тѣмъ самымъ провозгласило антихриста и тѣмъ погубило весь западный міръ.“ Хомяковъ и остальные фраконосные отцы московской церкви самымъ цѣннымъ отличіемъ православія отъ католицизма считали соборность перваго въ отличіе отъ автократіи папы. Но духъ соборности давно оставилъ православіе; съ Петра I оно стало цезарепапизмомъ. Оно тоже не осилило „третьяго искушенія“, только продало свое первородство совсѣмъ уже за фикцію. Непогрѣшимость папы? Да вѣдь это-то всего болѣе нужно намъ въ вѣкъ смятенія душъ и испепеленія морали. Отвѣтственность за собственное спасеніе передать въ руки Непогрѣшимаго — какое облегченіе, какое блаженство! Непогрѣшимъ онъ или нѣтъ — пусть спорятъ другіе, но для меня-то онъ будетъ непогрѣшимъ, если я повѣрю въ это и если, вообще, нужны посредники между человѣкомъ и Непознаваемымъ!

9.

Русскій народъ вѣками дрессировали на ненависти къ католицизму. Если бы не Византія, откуда, вмѣстѣ съ крещеніемъ, мы получили первую прививку рабства, спрутъ государственности не задавилъ бы русскую церковь и она сыграла бы воспитательную роль въ дѣлѣ образованія народнаго характера. Католикофобію поддерживалъ у насъ византійствующій русскій клиръ, изъ чисто практическихъ соображеній свѣтской политики; царизмъ сѣлъ на православіе, какъ въ сѣдло, чего не могъ бы сдѣлать съ католицизмомъ. Царизмъ лишился громадной культурной силы, свелъ ее на нѣтъ и въ трагическую минуту остался одинокимъ. Уцѣлѣетъ-ли православіе, столь неразрывно съ нимъ соединенное? Не нужно-ли убавить въ немъ лигатуру государственности и прибавить чистаго золота Христа вселенскаго, стоящаго *надъ* государственностью, *надъ* народностью? Церкви соединятся теперь, или никогда.

10.

Такія полицейскія бѣльма были у насъ на глазахъ, что въ Россіи смѣшивали вѣроисповѣдные признаки съ національными. Умный человѣкъ, самъ Достоевскій, заявлялъ: „неправославный не можетъ быть русскимъ“. Некрасовъ пишетъ: „я однажды смѣялся до коликъ, слыша,

какъ князь NN говорилъ: „я, душа моя, славянофилъ“. — „А религія ваша?“ — „Католикъ.“ Перемѣна религіи долго понималась у насъ закономъ и — еще хуже — общественнымъ сознаніемъ, какъ измѣна родинѣ. На ряду съ этимъ примѣнялась жестокая и лицемѣрная система уловленія въ сѣти православія несчастныхъ евреевъ, путемъ дарованія имъ гражданскаго равноправія послѣ погруженія въ воду, и уніатовъ, — этихъ, впрочемъ, просто палками. На послѣднемъ поприщѣ особенно отличился холмскій губернскій жандармскій начальникъ Громека. И ничего! Николай I прислалъ апостолу въ голубомъ мундирѣ спеціально выбитую медаль (1839 г.) съ надписью: „Отторженная возвратихъ.“ Приказали бы какому-либо бравому полковнику (одно время оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода былъ у насъ гусарскій полковникъ Протасовъ), и онъ стремительно скомандовалъ бы Россіи перемѣну съ православнаго „фрунта“ на магометанскій, на любой, по указанію свыше. И церковь терпѣла все это и вторично кровоточили раны Распятаго...

11.

Иноземецъ, прибывшій въ XVI столѣтіи, зимою, въ Москву, отправился осмотрѣть городъ. На него накинулась стая собакъ; желая отбиться отъ нихъ, онъ тщетно пытался схватить примерзшій къ землѣ камень. „Удивительная страна, — закричалъ несчастный: гдѣ собаки гуляютъ на свободѣ, а камни привязаны!“ Дѣйствительно, удивительная страна! Прожила тысячу слишкомъ лѣтъ, и не выработала основы всякаго государственнаго бытія, элементарнаго правового чувства. Умолчимъ о такой роскоши, какъ національная система права. Начиная съ „Русской правды“ Ярослава Мудраго, кончая Сперанскимъ и думскою „вермишелью“, въ области законодательства мы — обезьяны и жалкія побирушки. Заря нашей исторической жизни и ея предреволюціонный вечеръ въ правовомъ отношеніи столь недалеко ушли другъ отъ друга, что трудно уловить различіе между фигурами обоихъ отечественныхъ Соломоновъ, древняго — Шемяки и новаго — градоначальника города Глупова. Правительство, съ Гостомысла до Щегловитова, настойчиво воспитывало народъ въ безправіи. Задолго до прихода Ленина народъ былъ подготовленъ къ пріятію безграмотнаго и кар-

рикатурнаго „суда революціоннаго самосознанія“. Проститутка, красноармеецъ и рабочій — таковы Юстиніаны большевизма. Римское право было однимъ изъ элементовъ позднѣйшей романской культуры, однимъ изъ спутниковъ римской церкви. Римскую церковь мы объявили врагомъ; въ ткань нашей государственно-общественной структуры не вошла римская основа. Государственнѣйшая изъ цивилизующихъ силъ не коснулась насъ. Большевистское „грабь награбленное“ потому такъ и пришлось народу по душѣ, что было стройнымъ и логическимъ завершеніемъ родной пирамиды безправія.

12.

Татарщина, византійщина, нѣметчина — на этихъ трехъ китахъ держится корявая, неумытая Русь. И такою дорога она намъ. Родного урода какъ-то любишь еще крѣпче.

13.

Рядъ исключительныхъ талантовъ, даже геніевъ, въ области художественнаго слова, и ни одного серьезнаго независимаго политическаго мыслителя. Радужное разнообразіе темъ и формъ въ изящной литературѣ, музыкѣ, живописи, театрѣ — и ни одного оазиса въ Сахарѣ чужихъ политическихъ шаблоновъ. Кто за все время русской исторіи мыслилъ самостоятельно? Только Чаадаевъ и Комаринскій Мужикъ, эти Алконостъ и Сиринъ, Гераклитъ и Демокритъ русской общественности. Чаадаевъ, приговоривъ Россію къ небытію, ушелъ отъ нея въ католицизмъ, Комаринскій Мужикъ самоутвердился въ кабакѣ и возславилъ знаменитою своею пляскою будущее мессіаническое торжество Россіи надъ прочими народами. Кто безпардоннѣе — сказать трудно. Космополитически настроенная публицистика склонялась болѣе къ Чаадаеву, славянофилы — держались комаринскихъ воззрѣній.

14.

Литература, и по-истинѣ прекрасная литература, и *ни одного* положительнаго образа на тысячи отрицательныхъ! Пытался Гоголь показать во второй части „Мертвыхъ Душъ“ нѣсколько положительныхъ русскихъ хатактеровъ, но такъ

фальшивило перо его, что авторъ бросилъ рукопись въ каминъ и бѣдный мозгъ его изнемогъ въ тщетной попыткѣ пріукрасить несовершенства нашей жизни. Гоголь, Гончаровъ и Тургеневъ попробовали отойти отъ отрицательныхъ героевъ и дали Костанжогло, Шульца и Инсарова. Но какія же это мертвыя, надуманныя фигуры! И вдобавокъ: Костанжогло — грекъ, Шульцъ — нѣмецъ, Инсаровъ — болгаринъ! А мы-то гдѣ?

15.

Что такое россійская интеллигенція? Величайшій идеализмъ, постоянное пареніе духа горѣ, настроеніе жертвенности до конца, какой-то собирательный Францискъ Ассизскій. А доведись до приложенія высокихъ принциповъ къ жизни и получается вонючая грязь, испошленіе, безнадежное, постыднѣйшее банкротство и самой идеи и ея проповѣдниковъ. Если это и святой, то именно тотъ, съ песьей головою, что иногда встрѣчается въ старообрядческихъ лицевикахъ. Въ мартѣ 1917 г. власть перешла къ буржуазной интеллигенціи. Въ лицѣ Львова она обнаружила государственный кретинизмъ. Смѣнившая ее въ октябрѣ соціалистическая интеллигенція оказалась могильщикомъ и государственности и соціализма. 40 лѣтъ Моисей умышленно водилъ свой народъ вокругъ до около Палестины, чтобы сперва вымерло поколѣніе, выросшее подъ игомъ египтянъ, ибо въ обѣтованной странѣ свободы нѣтъ мѣста рабамъ. Для пользы общей нужно, чтобы, — конечно не физически, но политически, — умерли представители той интеллигенціи, которая завела насъ въ трясину. Иначе и черезъ 40 лѣтъ не попадемъ мы въ обѣтованную Новую Россію.

16.

Нигилизмъ 60-хъ годовъ такъ относится къ нынѣшнему большевизму, какъ крохотный головастикъ къ вполнѣ сформировавшейся безобразной жабѣ. При наносности русской культуры, при безгосударственности русскаго общества, при боязни русской интеллигенціи мыслить самостоятельно, нигилизмъ совсѣмъ помутнилъ и безъ того не ясное національное самосознаніе. Будучи сплошнымъ отрицаніемъ, онъ собралъ подъ своимъ знаменемъ все молодое поколѣніе, такъ какъ

для исповѣданія отрицательныхъ идеаловъ не нужно ничего, кромѣ наглости, а для защиты положительныхъ — необходимы знанія и трудъ. Наглости, навѣжеству, духу озорства и разрушенія, — свойственнымъ каждому малокультурному человѣку, — т. е. качествамъ, которыя прежде скрывали и которыхъ стыдились, нигилизмъ далъ теперь право ходить по бѣлу свѣту, нисколько не стѣсняясь. Наглость нигилизмъ назвалъ смѣлостью мышленія, невѣжество — результатомъ нежеланія засорять мозги старымъ вздоромъ, озорство — однимъ изъ пріемовъ воспитанія массъ, разрушеніе — гражданскимъ долгомъ. Нигилизмъ оплевалъ идею отечества, какъ одинъ изъ вреднѣйшихъ предразсудковъ и тѣмъ подготовилъ теперешнее торжество интернаціонализма; онъ возставалъ противъ всякаго порядка, — безразлично, воплощаемаго монархическимъ или республиканскимъ строемъ, — и тѣмъ создалъ почву для „совѣтовъ"; онъ отрицалъ частную собственность и Россія коммунизируется четвертый годъ. Николай Палкинъ родилъ Бакунина, Бакунинъ родилъ Ленина, Ленинъ родитъ диктатора.

17.

Педантъ отъ головы до пятъ, видящій въ живыхъ людяхъ однѣ лишь алгебраическія формулы, безстрастный экспериментаторъ, мономанъ, эгоцентристъ, презирающій все человѣчество, — таковъ Ленинъ. Если факты противорѣчатъ его теоріи, тѣмъ, по мнѣнію Ленина, хуже для... фактовъ. Всѣ могутъ ошибаться: въ одинъ день кратчайшее разстояніе между двумя точками окажется не прямою, а кривою линіей, солнце станетъ вращаться вокругъ земли, деревья начнутъ рости корнями вверхъ, одно только невозможно на свѣтѣ: невозможно, чтобы Ленинъ когда-либо и въ чемъ-либо ошибся. Тэнъ, желая лаконично охарактеризовать трехъ главнѣйшихъ дѣятелей, французской революціи назвалъ: Дантона — fou, Марата — barbare и Робеспьера — cuistre. Ленинъ — это fou, barbare и cuistre — одновременно и неразрывно. Изувѣръ, варваръ, педантъ!

18.

Ленинъ — это статика большевизма, Троцкій — его динамика. Ленинъ — покой и созерцаніе; онъ сидитъ въ

своей кремлевской лабораторіи и никуда не показывается. Троцкій — это большевистскій Figaro-ci, Figaro-la, его сразу можно видѣть чуть не въ пяти мѣстахъ: то онъ дѣлаетъ смотръ московскому гарнизону, то мчится на границу Румыніи, то спѣшитъ въ Афганистанъ, то отправляется на Донъ налаживать угольную промышленность, то идетъ штурмовать Кронштадтъ. Троцкій — вѣчное кипѣнье, вѣчная судорога, неврастеническая попытка объять необъятное, самая безпокойная и самая дѣятельная спирохета большевизма. Онъ циниченъ до той степени, которая отдаетъ уже не то райскимъ невѣденіемъ, не то моральнымъ безуміемъ. Развѣ не актъ, по истинѣ, вселенскаго цинизма подписаніе брестъ-литовскаго договора, безъ прочтенія текста? „Россія глупа, тѣмъ хуже для Россіи", цинично заявляетъ Троцкій. Это — Каинъ, вмѣсто палицы орудующій коммунистическимъ манифестомъ.

19.

Мессіанизмъ славянофиловъ — это фанатическая, противорѣчащая всему опыту исторіи и чувству справедливости, вѣра въ то, будто только *мой* народъ призванъ спасти весь міръ и лучше прочихъ, а эти прочіе должны быть лишь удобреніемъ для пышнаго расцвѣта *моей* націи. Такое возвеличеніе себя и уничиженіе другихъ — претятъ объективно мыслящему человѣку. Поэтому ультра-націоналисты духовно гораздо ближе къ большевикамъ, нежели космополитически настроенные люди. Ультра-націоналистовъ роднятъ съ большевиками присущія и тѣмъ и другимъ сектанскія узость, исключительность и нетерпимость. Вотъ въ чемъ горе русской антибольшевистской интеллигенціи: ея прогрессивное теченіе не было національнымъ, ея національное теченіе было реакціоннымъ. Народныя массы были холодны къ первому, потому что чувствовали его къ нимъ пренебреженіе и непониманіе, и отворачивались отъ второго, такъ какъ инстинктивно чуяли необходимость движенія впередъ.

20.

Во время войны 14 года мы на опытѣ познакомились съ новымъ видомъ оружія, — авіацей. Октябрьская революція

17 года обнаружила существованіе пятаго рода *военнаго* оружія: умѣлая агитація и пропаганда дѣйствительнѣе двѣнадцати-дюймовыхъ страшилищъ. Кто властвуетъ надъ умами, тотъ командуетъ и руками, держащими винтовку, и направляетъ дуло, куда хочетъ. Когда большевикамъ приходится круто, они въ первую очередь посылаютъ на фронтъ опытныхъ агитаторовъ. Ніагару золота сыплятъ они на пропаганду. У насъ дѣло агитаціи было поручено профессорамъ, т. е. людямъ по пріемамъ мышленія и навыкамъ работы, не темпераментнымъ, не бойцамъ. Вдобавокъ, и профессора-то попались бездарные; къ нимъ примазались различные неудачники, обозная калѣчь всякихъ партій и журналисты, наименѣе талантливые, наиболѣе приспособляющіе я. Словомъ, развелось столько спасателей Россіи, что порядочному человѣку страшно было на улицу выйти. Въ газетахъ процвѣталъ казенный оптимизмъ, когда надъ головами уже собиралась буря; суконнымъ, коснѣющимъ языкамъ писались льстивыя біографіи начальствующихъ лицъ, и это называлось антибольшевистской пропагандой! У насъ — Молчалины и Тряпичкины, а тамъ — Горькіе и Брюсовы!

21.

Чудесную оцѣнку нашей пропагандѣ далъ простой народъ. Мнѣ довелось присутствовать въ Новочеркасскѣ на засѣданіи войскового круга, когда какой-то генералъ пушилъ станичнаго атамана за то, что тотъ съ большимъ опозданіемъ поднялъ возстаніе противъ мѣстныхъ большевиковъ.

— Вѣдь было же вамъ извѣстно, — кипятился генералъ, — что мы идемъ къ вамъ навыручку?

— Та мы, ваше — ство, не знали, чи то правда, чи то пропаганда...

22.

Ругань по адресу большевиковъ, описанія ихъ звѣрствъ, даже фотографіи жертвъ чрезвычаекъ, — все это совсѣмъ не пропаганда. Не говорю уже про насъ, — людей съ оканатченными нервами, — но и на Западѣ, гдѣ къ крови все-таки относятся бережнѣе, чѣмъ къ водѣ, пріемы эти не даютъ желательныхъ результатовъ. Вамъ отвѣчаютъ: „ко-

нечно, ужасно! Но и то сказать: революціи не дѣлаются въ перчаткахъ. Вспомните французовъ, сентябрьскія убійства въ Парижѣ, потопленія въ Луарѣ, расправу съ Ліономъ... Все живое, въ томъ числѣ и свобода, рождается въ крови и слезахъ". Безгранично несостоятельны эти аргументы, но и безгранична власть ихъ надъ плоскими умами. Стройной, діалектически, на первый взглядъ, весьма сильной, демагогически соблазнительной идеологіи большевизма должна быть противопоставлена пламенная и убѣдительная *антибольшевистская идеологія.* А она еще и не выработана... Надо показать массамъ, что идея классовой солидарности жизненнѣе и благодѣтельнѣе идеи классовой борьбы, что соціализмъ, по природѣ своей, есть врагъ демократіи, а коммунизмъ не можетъ не быть деспотизмомъ, и не потому мы погибаемъ, что у насъ была буржуазія, а оттого, что у насъ, къ сожалѣнію, ея не было, и т. д., и т. д. Цензура и тюрьма не помогаютъ въ борьбѣ съ идеями; репрессіи заставятъ только притаиться, но вѣдь нельзя заглянуть каждому подъ черепную крышку, чтобъ потомъ отдѣлить козлищъ отъ овецъ. Надо, чтобъ черепа сами охотно заполнялись антибольшевистскими идеями. Пропаганда добьется намѣченныхъ цѣлей, когда ее не будутъ, какъ въ Новочеркасскѣ, противополагать правдѣ.

23.

Русская революція завершилась 2 марта, когда Николай и Михаилъ Александровичи отреклись отъ престола; со слѣдующаго дня начался бунтъ. Нужно-ли „пріять" революцію? Да какъ же ея не пріять, когда она сама уже пріяла насъ всѣхъ? Конечно, было бы лучше, еслибъ она вспыхнула послѣ войны, но, не приди она, страна задохнулась бы въ собственныхъ нечистотахъ. Вѣдь мы дышали сѣроводородомъ, вѣдь мы разлагались заживо, вѣдь одно существованіе Распутина вело къ убійству націи. Это хорошо поняли в. кн. Дмитрій Павловичъ и Сумароковъ-Эльстонъ. Ихъ выстрѣлы были первыми салютами въ честь революціи. Революція спасетъ Россію, бунтъ ее погубитъ. Онъ долженъ быть и будетъ подавленъ.

24.

„Углубленіе революціи“... „перманентная революція“... Какое непониманіе сущности революціи, какое искаженіе ея процесса. Революція — это извлеченіе щипцами плода, который все равно дала бы исторія, можетъ быть съ меньшими муками и потрясеніями, но за то, возможно, и съ такимъ опозданіемъ, которое грозило бы гибелью и плоду и всему организму. За революціоннымъ разрушеніемъ немедленно наступаетъ пора созиданія. Но „перманентная“ революція... но революція, ставшая повседневностью, заводимая, какъ будильникъ, идущая по выработанному росписанію, точно желѣзнодорожный поѣздъ, вѣдь это уже перемѣщеніе не только названій, но и ролей: когда революція есть нормальное состояніе государства, тогда, во имя желанія опять стать на путь эволюціи, вспыхиваетъ новая революція. „Революція для революціи“, можетъ быть, и выгодна тѣмъ, кто сдѣлалъ себѣ профессію изъ нея, но для блага большинства (а ни что иное никакой революціи въ мірѣ оправдать не можетъ) она не сулитъ единственнаго, во имя чего она была сдѣлана: замѣны ея — эволюціей, только въ болѣе для эволюціи благопріятныхъ, чѣмъ прежде, условіяхъ.

25.

И чего они опять закопошились въ Парижѣ, Загорѣцкіе русской революціи, ея мародеры и прихвостни? Какъ надо презирать цѣлый народъ, какую бритую душу надо имѣть, чтобы, назвавши росою плевокъ, который въ ихъ лица послала Россія, снова, послѣ безпримѣрнаго моральнаго и политическаго провала, мечтать, будто страна когда-либо вручитъ имъ власть. А какое самомнѣніе! Этотъ Керенскій, революціонный моллюскъ, хотѣвшій раздуться въ Левіафана, этотъ Черновъ, волостной писарь по кругозору и политическій кокетъ изъ парикмахерской, этотъ Чайковскій, выслужившій отъ партійнаго департамента пряжку за 35-лѣтнюю болтовню и страдающій геморроемъ революціоннаго словоблудства, — всѣ они опять заговорили, да съ какимъ апломбомъ. Читаешь отчеты о засѣданіяхъ парижской „Учредилки“ (именно „Учредилки“!) и невольно вспоминаешь старый анекдотъ. „Правда, что тебя, за исполненіе роли

Гамлета, била публика въ Тетюшахъ?", — спрашиваютъ актера. — „Ну, и городъ же нашелъ... Всего три тысячи жителей", отвѣчаетъ, не теряясь, лицедѣй. Когда 5 января 1918 г. матросу Желѣзняку надоѣло слушать болтовню предсѣдателя всероссійскаго учредительнаго собранія, Чернова, онъ подошелъ къ оратору, хлопнулъ его по плечу и сказалъ: „Ну, довольно!" Черновъ собралъ съ каѳедры свои шпаргалки и куда-то скрылся чрезъ заднюю калитку Таврическаго дворца. И страстная мечта цѣлыхъ поколѣній, за которую люди шли въ Акатуй и, не моргнувъ, подымались на эшафотъ, растаяла, рухнула, свалилась въ грязь! Въ какомъ же свѣтѣ Черновъ представилъ свое позорное поведеніе членамъ парижской „учредилки"? — „Какъ предсѣдатель Учредительнаго Собранія, какъ стражъ его достоинства, я не подчинился ни насилію Колчака, ни насилію Ленина!..." Слышите: онъ не подчинился! Такъ гордо и торжественно говорилъ, пожалуй, одинъ Моисей, вернувшись съ вершины Синая. Бѣдный, милый тетюшскій актеръ! До ты не воплощеніе скромности, ты — какой-то элефантіазисъ скромности въ сравненіи съ Черновымъ! Нѣтъ, нѣтъ! Осиновый колъ всенароднаго презрѣнія надо воткнуть въ спину этимъ политическимъ мертвецамъ, чтобы не выходили они больше изъ могилъ!

26.

... „Ничтожный человѣкъ. Даже пустые люди называютъ его пустѣйшимъ. Никогда бы ему въ жизни не случилось сдѣлать дѣла, способнаго обратить чье-нибудь вниманіе. Но сила всеобщаго страха создала изъ него замѣчательное лицо. Страхъ, отуманивши глаза всѣхъ, далъ ему поприще... Обрываемый и обрѣзываемый доселѣ во всемъ, даже и въ замашкѣ пройтись козыремъ по Невскому проспекту, онъ почувствовалъ просторъ и вдругъ развернулся неожиданно для самого себя. Въ немъ все сюрпризъ и неожиданность для него самого. Онъ даже весьма долго не въ силахъ догадаться, отчего къ нему такое вниманіе, уваженіе. Онъ почувствовалъ только пріятность и удовольствіе, видя, что его слушаютъ, угождаютъ, исполняютъ все, что онъ хочетъ, ловятъ съ жадностью все, что ни произноситъ онъ. Темы для разговоровъ ему даютъ вывѣдывающіе. Онъ

чувствуетъ, что онъ и въ литературѣ господинъ... и, наконецъ, что онъ государственный человѣкъ. Не имѣя никакого желанія надувать, онъ позабываетъ самъ, что онъ лжетъ." Это написано не о Керенскомъ. Это писалъ Гоголь о Хлестаковѣ. Я не перемѣнилъ и не вставилъ ни одного слова. („Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя", подъ редакціей П. В. Смирновскаго, изданіе 8^{е}, Петроградъ, 1917 г., стр. 545.)

27.

Классическимъ вѣкомъ авантюризма считался XVIII-ый. Вся Европа стала носить умъ, точно шапку, на-бекрень. Вліяніе раціоналистовъ распространялось и на троны или, вѣрнѣе, троны заигрывали съ раціоналистами, какъ благоразумный человѣкъ гладитъ свирѣпаго пса. Вольтеръ игралъ въ Санъ-Суси дуэты на флейтѣ съ Фридрихомъ, Екатерина завела литературный флиртъ съ энциклопедистами. И въ этомъ царствѣ разума вдругъ вставали и дѣйствовали (да еще какъ) какія-то призрачныя фигуры: „Петръ Федоровичъ" Пугачевъ, — по всѣмъ нашимъ „одобреннымъ" Иловайскимъ, — пьяный казакъ, а по новѣйшимъ научнымъ даннымъ — просвѣщенный для своего времени человѣкъ, полковникъ, отлично владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, и исключительно одаренный стратегъ, — княжна Тараканова, не то дочь русской императрицы, не то персидская потаскушка, Казанова, который считалъ себя Агасферомъ, кавалеръ д'Эонъ, который самъ никакъ не могъ разобрать, мужчина онъ или женщина... Да и сколько ихъ было! И одно не мѣшало другому: раціоналисты подкапывали вѣру во что бы то ни было, кромѣ разума, а авантюристы, наперекоръ всякому разуму, собирали толпу, которая вѣрила въ нихъ. Думается, въ смыслѣ расцвѣта авантюризма, Россія нашихъ дней побила даже осьмнадцатое столѣтіе. Кучка душевно-больныхъ, невѣжественныхъ и уголовныхъ людей вступила въ обладаніе могущественнѣйшей автократіей. Провинціальный, — вдобавокъ, низкаго пошиба, — фельетонистъ командуетъ милліонною арміей. Содержатель публичнаго дома сталъ президентомъ республики. Горизонталка возглавляетъ вѣдомство общественнаго призрѣнія. Каторжанинъ, осужденный за грабежъ, назначается коммиссаромъ юстиціи. Б. террористы стали охранниками,

б. охранники стали террористами, генералы чистятъ сапоги на улицахъ, а корпусами командуютъ фельдшера. Что за маскарадъ! Такія „мелочи“, какъ присвоеніе чиновъ, орденовъ, титуловъ — вызываютъ только снисходительную улыбку. Назовите мнѣ хоть одного бойкаго адвоката или репертера, который не побывалъ бы министромъ того или другого „государства“. Прямо, какіе-то „Веселые дни Расплюева“, а не жизнь

28.

Пріятно было бы видѣть кн. Львова архіереемъ, слушать его проповѣди и цѣловать благословляющую руку: владыка онъ былъ бы благостный и праведной жизни. Пріятно было бы выдать дочь за кн. Львова: былъ бы онъ примѣрный мужъ и почтительный зять. Пріятно было бы въ своемъ домѣ сдать квартиру кн. Львову: хорошій былъ бы онъ жилецъ, тихій, деньги аккуратно платилъ бы, не запустилъ бы ни ванны, ни уборной. Много еще хорошихъ качествъ имѣетъ кн. Львовъ, но какъ со всѣми ими смѣлъ онъ взяться за управленіе государствомъ, когда и курятникомъ онъ управить не можетъ?

29.

Кто-то сказалъ, что румыны — не нація, а профессія — и прескверная, добавлю отъ себя. Политическіе сутенеры и шуллера. У насъ они подтибрили Бессарабію, какъ воришка крадетъ кошелекъ у упавшаго въ обморокъ человѣка. Когда мы встанемъ, съ тысячами извиненій они возвратятъ украденное, объяснивъ все происшедшее „недоразумѣніемъ“, любимѣйшее слово всѣхъ нечистыхъ игроковъ. Воевать съ ними не придется.

30.

Русскимъ друзьямъ Польши не за Россію страшно, а за Польшу. Россія переболѣетъ, подымется и укрѣпится. Будущее Польши — только въ Россіи. Достаточно будетъ намъ закрыть границу для польскихъ фабрикатовъ и Польшу ждетъ банкротство. Куда она повезетъ ихъ? Имъ нѣтъ сбыта, кромѣ русскаго востока. Политически всегда угрожаемая Германіей, находясь въ экономической зависимости

отъ насъ, не должна-ли была бы Польша подготовлять почву для будущаго братскаго сожительства съ Великою Россіей, не должена-ли была бы всячески содѣйствовать возрожденію Россіи? Вмѣсто этого она заключила въ октябрѣ 1920 г. перемиріе съ большевиками, чѣмъ, въ конечномъ счетѣ, было вызвано паденіе Врангеля; подписала рижскій миръ, представляющій попытку расхитить наше достояніе; устами своихъ государственныхъ дѣятелей заявляетъ, что анархическій развалъ Россіи выгоднѣе для Польши, нежели возстановленіе порядка. Какая ошибочная, по истинѣ самоубійственная политика! Или не проходитъ даромъ вѣковое угнетеніе, которому особенно подвергались русская и нѣмецкая „дѣльницы" Польши и народъ, даже вновь выйдя на свѣтъ свободы, первое время стоитъ, точно ослѣпленный, и съ трудомъ разбирается въ окружающемъ?

31.

Ни одинъ серьезный русскій политикъ и помыслить не можетъ о покушеніи на польскую независимость. Подъяремная Польша всегда была не только живымъ упрекомъ народной совѣсти нашей (съ этимъ не считались), но и болѣзненнымъ наростомъ на тѣлѣ русскаго государства. Она заслуженно портила нашу международную репутацію, создавая намъ славу насильниковъ, и заставляя славянскія народности Балканъ и Австріи брать насъ подъ подозрѣніе, ибо, разсуждали онѣ, хорошо же славянофильство той державы, которая держитъ въ кутузкѣ такую же точно славянскую національность. Руссификаторы, точно оводы облѣпившіе несчастную Польшу, были отвратительнѣйшимъ типомъ русскаго чиновника и ядомъ бюрократизма заражали не только Польшу, но всю Россію. Наконецъ, „неравный бракъ", по выраженію московской поэтессы, и въ матеріальномъ отношеніи былъ намъ невыгоденъ: фискъ больше тратилъ на Польшу, чѣмъ получалъ съ нея; фабрики Лодзи и Бѣлостока весьма успѣшно конкуррировали съ московскимъ и иваново-вознесенскимъ раіонами. И моральныя, и политическія и матеріальныя соображенія заставляютъ насъ искренне привѣтствовать свободный взлетъ и счастливое пареніе Бѣлаго Орла. „Великая" Польша (конечно, только безъ посягательства на наши исконныя области) всегда бу-

детъ добрымъ барьеромъ между нами и нѣмцами; союзъ же между Германіей и Польшей, послѣдствія котораго были бы довольно тягостны для насъ, не можетъ быть заключенъ раньше того дня, когда волкъ и ягненокъ возлягутъ вмѣстѣ, безъ дурныхъ для ягненка послѣдствій. Впрочемъ, по отношенію къ рижскому договору Польшу никакъ нельзя уподобить ягненку...

32.

Ллойдъ-Джорджъ въ области внутренней политики исполняетъ танецъ факира межь ножей, а въ области внѣшней — пытается впречь бѣшеннаго пса въ свою телѣжку.

33.

Польскій примѣръ — бодрящій примѣръ. Государство мало того что умертвили, но и самый трупъ раздробили на три отдѣльныя части и на каждую навалили по такой скалѣ, какъ Россія или Германія. Прошло сто слишнимъ лѣтъ и новый Лазарь выходитъ изъ мрачной пещеры здоровымъ и бодрымъ. Поляковъ было 20 милліоновъ, насъ 150. Ихъ давили колоссы, надъ нами измывается, въ концѣ концовъ, ужь не столь многочисленная шайка. Встала Польша: можно оглушить, но нельзя добить культурную націю. Встанетъ и Россія: кто огосударствилъ шестую часть міра, тотъ сумѣетъ на-ново огосударствить себя.

34.

Совѣтскій режимъ — ночной пожаръ въ отдѣленіи для буйныхъ. Пожаръ не тушатъ и грабители-сосѣди волокутъ, что попало.

35.

Польскій примѣръ поучителенъ. Чтобы воскреснуть, Польшѣ надо было перевоспитать себя. Что сгубило Польшу? Это была свободолюбивѣйшая изъ странъ, но свобода существовала здѣсь только для шляхты, такъ какъ шляхта искренне проглядѣла существованіе громаднаго соціальнаго класса — крестьянъ. Въ погонѣ за огражденіемъ правъ меньшинства, Польша для своей олигархической республики

выработала нелѣпый институтъ „liberum veto“. Польша болѣла ультра-монтанствомъ и потому религіозныя и племенныя распри и гоненія здѣсь не прекращались. Чтобъ оздоровить націю, надо было выкорчевать всѣ эти болѣзнетворныя начала. Органическая работа надъ перевоспитаніемъ народа („праця органична“) началась послѣ страшнаго 1863 года, когда выяснилась безнадежность попытокъ вернуть свободу путемъ оружія. Тихою сапою велся гигантскій трудъ утвержденія новыхъ обще-національныхъ идеаловъ и засыпки пропасти, отдѣлявшей „пана“ отъ „хлопа“. Польша нашихъ дней — демократическая страна, гдѣ крестьяне-собственники играютъ преобладающую роль, чуждая романтики и увлеченій ультра-монтанства. Чтобы воскреснуть, и Россія должна будетъ перевоспитаться. Ветхій Адамъ долженъ быть совлеченъ и намъ надо креститься водою новаго Духа. Людямъ стараго духа не понять и не поднять Новую Россію.

36.

Никакъ не могу понять, почему ѣзда пойдетъ лучше, если на козлы посадить лошадь, а въ оглобли впречь извозчика. Почему самому заурядному рабочему предоставлено исключительное право государствованія, а, скажемъ, профессору государственнаго права это совѣтскими декретами воспрещено? Не оттого же только, что рабочіе въ массѣ забиты, невѣжественны, нечистоплотны. Диктатура класса? Но вѣдь и профессоръ — тотъ же пролетарій, такъ что и съ этой точки зрѣнія возраженій быть не можетъ. Нѣтъ, это страхъ передъ просвѣщеніемъ, опредѣленная ненависть ко всему, что единою линіей превышаетъ ординаръ. И какой ординаръ!

37.

Иди, иди, иди!

Такъ повелѣлъ Іисусъ Агасферу, когда тотъ грубо толкнулъ Страданіе на пути къ Голгофѣ. Съ той далекой поры мѣнялись климаты и нравы, зарождались и исчезали религіи, создавались и погибали цивилизаціи, а Вѣчный Жидъ, отверженный всѣми, продолжаетъ страшное странствіе. Напрасно зоветъ онъ милосердную Смерть. Едва рас-

положится онъ на покой, какъ неумлимый голосъ подымаетъ его:

— Иди, иди, иди!

Бѣженская Россія, какъ Агасферъ, взяла посохъ и тронулась въ невѣдомую даль. Голодную, израненную, въ пыльныхъ лохмотьяхъ, какъ встрѣтили ее народы?

— Иди! кричитъ ей Константинополь, первая остановка русскаго шествія на Голгофу, Константинополь, гдѣ русскимъ женщинамъ открыта одна дорога — въ публичный домъ, а мужчинамъ — только въ тюрьму: работы нѣтъ ни для кого.

— Иди! — надменно толкаетъ ее Англія, расчленившая Россію и заключившая непристойный договоръ съ Совѣтами.

— Иди! — сухо совѣтуетъ ей Франція, предлагая солдатамъ Врангеля пожаловать „къ стѣнкѣ“ въ Совдепію, та самая Франція, которую потому только не раздавилъ тяжелый сапогъ тевтона, что русскіе, еще не кончивъ мобилизаціи, съ голыми руками, бросились на Восточную Пруссію, оттянули нѣмцевъ на себя и тѣмъ обезпечили побѣду на Марнѣ.

— Иди! говорятъ своей матери наблагодарныя дѣти, славянскія народности. Россія, послѣ вѣковыхъ войнъ съ Турціей, дала имъ политическое бытіе. Теперь „дѣти“, съ брезгливостью, бросаютъ жалкія подачки и думаютъ про себя: какая непріятная старуха...

— Иди, иди, иди!

И вотъ сотни тысячъ дѣтей, женщинъ, стариковъ, прославленныхъ героевъ войны, европейски извѣстныхъ ученыхъ, блестящихъ писателей, недавнихъ богачей, простыхъ рабочихъ, мирныхъ священниковъ, — стали людскою пылью, которую вѣтеръ безсердечія бросаетъ изъ страны въ страну...

Тяжело новому Агасферу.

38.

Березки. Клейкіе листочки. Прорѣзь неба между вѣтвями. Бѣлое, зеленое, синее. Гудящій воздухъ. Тишина, которая кричитъ. Поодаль — разгульный просторъ полей. Медвяный запахъ травы, соха и колокольный звонъ — да развѣ ты можешь сгинуть, Родная? Погостъ и рай нашъ!

39.

Насъ называютъ эмигрантами. Это неправильно: мы бѣженцы. Эмиграція существовала въ Россіи за много лѣтъ до революціи. Ежегодно десятки тысячъ людей добровольно оставляли страну и переплывали океанъ, ища новой родины. Не добровольно оставили мы Россію, — насиліе сбросило насъ съ ея территоріи и не ищемъ мы новой родины: старая милѣе намъ жизни.

40.

Русское бѣженство имѣло какія-то свои волны, чередовавшіяся съ точностью математическаго закона. И въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и въ Крыму, и въ Новороссійскѣ, однимъ словомъ всюду, куда ни кидалъ и откуда ни выкидывалъ насъ штыкъ красноармейца, первымъ пріѣзжалъ или соотвѣтственно выѣзжалъ извѣстный сахарный король Бабушкинъ, вторымъ — В. М. Пуришкевичъ, третьимъ — проф. Э. Д. Гриммъ, четвертымъ — Жанъ Гулеско. Послѣ прибытія Гулеско являлась увѣренность, что эвакуація такого-то раіона закончена благополучно, а послѣ отбытія Бабушкина, — что такой-то раіонъ находится подъ ударомъ и всѣмъ приходится опять лѣзть въ теплушки.

41.

Когда Маратъ, еще будучи врачомъ, хотѣлъ удержать своего младшаго брата отъ разврата, онъ сводилъ юношу въ венерологическій госпиталь: молодой человѣкъ навсегда остался дѣвственникомъ. Новые Мараты показали русскому народу такія язвы анархіи, что надолго, если не на всегда. отучили его отъ бунтарства. Народъ стосковался по порядку: съ температурою въ 42 градуса, живутъ часы, а не годы; длиться она не можетъ, — больной долженъ выздоровѣть, либо умереть.

42.

Если все сгнило, — гуммозная интеллигенція, проворовавшаяся бюрократія, ожандармленное духовенство, если расхищены заводскія машины, потушены доменныя печи, стали желѣзныя дороги, торговый флотъ уведенъ союзни-

ками, военный лежитъ на днѣ, не добываются уголь и нефть, не засѣвается земля, — какъ, кому, и изъ чего строить Новую Россію? Не махнуть-ли на все рукою и не примириться-ли со взглядомъ на Россію, какъ на факторію, англійскую, бельгійскую или итальянскую, въ зависимости отъ того, кому, въ видѣ концессіи, уступятъ большевики извѣстную часть родины? Но не уготована Россіи роль „Конго Европы", какъ бы ни хлопотали объ этомъ Ллойдъ-Джорджъ и Красинъ. Мы встанемъ, какъ только вылѣчимся отъ мессіанической mania grandiosa. Старая гордыня объ избранности нашего народа смѣшна. Не бываетъ дурныхъ народовъ; бываютъ дурныя правительства, которыя воспитываютъ народы по своему подобію и образу. *Для насъ* — русскій народъ, конечно, лучше всѣхъ, какъ для француза или нѣмца, — естественно, всѣхъ лучше — свой. Нашъ народъ терпѣливъ, предпріимчивъ, способенъ къ развитію. Военныя и финансовыя нужды московской Руси потребовали закрѣпощенія „смерда". Императорскій періодъ русской исторіи довершилъ „орабленіе" мужика. Въ вѣкъ, когда русскій тронъ трещалъ и легко переходилъ отъ одной августѣйшей просто пріятной дамы, къ другой — пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, новыя и новыя углубленія крѣпостнаго права были монетою, которою монархія покупала себѣ поддержку помѣщиковъ. Но въ Россіи послѣ Грознаго уже не было дворянства, какъ государственно-дѣйствующаго класса. Это было служилое сословіе — вылѣзшіе въ бумажную знать подъячіе. Павелъ I великолѣпно охарактеризовалъ истинное положеніе вещей, сказавши: „въ моей имперіи — дворянинъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, и покуда я съ нимъ говорю". Царизмъ поставилъ ставку на дворянъ, вмѣстѣ того, чтобы опереться на мужика. Поэтому царизмъ не могъ не рухнуть, когда дворянство, лишенное политической силы, утратило и экономическую мощь, начавъ послѣ 1861 г. массовую распродажу земель. Народъ триста лѣтъ былъ забытъ правительствомъ, запущенъ, опаршивѣлъ и выросъ тѣмъ злымъ волченкомъ, какимъ выростаютъ заброшенныя дѣти... Спасеніе Россіи — въ перевоспитаніи народа. Но, чтобы перевоспитать народъ, сперва должна перевоспитаться интеллигенція.

43.

Въ Россіи будущее принадлежитъ не нынѣшней интеллигенціи (свои строительскіе таланты она проявила достаточно), не плутократіи, которая только зарождается, не габочимъ, которыхъ у насъ слишкомъ мало, но исключительно крестьянамъ, тѣмъ мелкимъ земельнымъ собственникамъ, которыхъ, вслѣдствіе идеализаціи первороднаго грѣха нашего-общины, не знала до сихъ поръ Великороссія и которыхъ, на горе себѣ и помимо собственной воли, создалъ Ленинъ. На первыхъ порахъ Россія будетъ гигантскою Болгаріей, потомъ, когда вымремъ мы, послѣдніе интеллигентскіе межеумки, и страна получитъ интеллигенцію уже изъ нѣдръ народа, и не порвавшую съ нимъ, Россія станетъ улучшеннымъ подобіемъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ съ ихъ сказочнымъ техническимъ и матеріальнымъ розмахомъ и съ тѣмъ культурнымъ развитіемъ, которое дадутъ мужику великія русскія литература и искусство. И не черезъ 200—300 лѣтъ, какъ грустно мечталъ Чеховъ, а черезъ одно-два поколѣнія Россія утвердитъ такое политическое и экономическое могущество, предъ которымъ померкнетъ все былое!

44.

Къ своему перевоспитанію интеллигенція, можетъ быть незамѣтно для самой себя, приступила уже въ мартѣ 17 г. Пускай парижскіе и пражскіе рыцари этикетокъ и невольники формулъ дрожащими руками ищутъ въ партійнымъ требникахъ магическія заклинанія противъ духа новаго времени, — жизнь не ждетъ, и, какъ карточные домики, валитъ всѣ ихъ старыя построенія. Жизнь сложнѣе, разнообразнѣе, а, главное, мудрѣе и логичнѣе самой тонкой діалектики, самой несокрушимой, казалось бы, логики. *Всѣмъ* нынѣшнимъ русскимъ политическимъ партіямъ пришелъ конецъ; несостоятельность прежнихъ программъ до боли рѣзко выяснилась всенародному разуму. Идутъ новые боги и если бы кто-нибудь захотѣлъ еще поклоняться старымъ, то онъ принужденъ былъ бы это дѣлать тайкомъ и въ одиночку, какъ крещенный чувашинъ въ лѣсу, съ оглядкою, мажетъ саломъ губы своему идолу...

45.

Въ какомъ направленіи должна перевоспитать себя интеллигенція? Обвиненія ея въ дряблости, безволіи, мягкотѣлости набили оскомину; пройдемъ мимо ихъ еще и и потому, что всѣ эти качества являются производными отъ основнаго грѣха: интеллигенція наша не народна, не имѣетъ корней въ народѣ, *не корневая* интеллигенція! У ней нѣтъ общаго съ народомъ языка, она не сумѣла выявить и развить народные идеалы; народъ живетъ въ ямѣ, интеллигенція на Марсѣ. Она не презирала его, какъ правительство, не пренебрегала народомъ, нѣтъ! Она даже каялась предъ народомъ („кающійся дворянинъ" 70-хъ годовъ), „ходила въ народъ", но народъ то этотъ былъ неподлинный, а выдуманный ею; она играла въ народъ, какъ дѣти — въ куклы. Институтскимъ „обожаніемъ" нельзя взять мужика. Интеллигенція ничего не дала народу; поэтому онъ отвернулся отъ нея. Красноармейск й михрютка, настоящій сынъ народа, спокойно, какъ индюка, рѣзалъ буржуазную интеллигенцію. „Двѣнадцать" Блока столь же невозмутимо вырѣжутъ и соціалистическую интеллигенцію, когда придетъ конецъ пайку и возможности грабить, за окончательнымъ разграбленіемъ всего.

46.

Вечеръ 5 мая 16 г. у Контана въ честь французовъ — Вивіани и Альбера Тома. За центральнымъ столами Штюрмеръ, Щегловитовъ и прочіе звѣздоносные пигмеи, чь, кости разбросаны теперь по Ходынкѣ. Послѣ гостей выступаетъ рядъ ораторовъ; послѣднимъ, по французски, говоритъ В. А. Маклаковъ, начинающій съ просьбы о снисхожденіи, такъ какъ онъ не привыкъ къ публичнымъ выступленіямъ на чужомъ языкѣ. Помните Тургеневскихъ „Пѣвцовъ"? Такое же захватывающее состязаніе, только въ краснорѣчіи, происходило тогда въ залѣ ресторана. Какъ охарактеризовать рѣчь Маклакова? Онъ, какъ хозяинъ, вошелъ въ душу слушателя, въ свои руки захватилъ волю и разумъ толпы и направилъ туда, куда и какъ хотѣлъ, и все это на чудеснѣйшемъ французкомъ языкѣ, съ тою непосредственностью, простотою и легкостью, которыя являются показателями

изощренія искусства и упорнаго труда . . . Вивіани и Тома сказали, что Маклаковъ достоинъ стоять въ ряду первыхъ ораторовъ Франціи (въ устахъ француза нѣтъ похвалы выше). Затѣмъ, подъ аккомпаниментъ А. Г. Глазунова, Шаляпинъ solo спѣлъ „Марсельезу". Со слезами на глазахъ гости нашли, что весь оркестръ и весь хоръ парижской Grande Opèra звучатъ менѣе внушительно, нежели шаляпинское пѣніе въ глазуновскомъ сопровожденіи. Вспоминая этихъ трехъ представителей россійской интеллигенціи, справедливо вызывавшихъ восторги Европы, невольно думаешь: „орхидеи въ снѣгу! Вѣдь вотъ всѣ трое — несомнѣннѣйшіе избранные русскіе люди, одинъ — даже самъ вышелъ изъ народа, а общаго у нихъ съ живымъ, не иллюзорнымъ русскимъ народомъ, сермяжнымъ, заикающимся („таё", „таё"), безграмотнымъ и вонючимъ, столько же, сколько у орхидеи — общаго со снѣгомъ... Или орхидеи должны вымерзнуть, или приполярный климатъ, благопріятный только для клюквы, долженъ смѣниться тропическимъ, — вмѣстѣ имъ не жить. Нынѣшняя интеллигенція не нужна народу; но народъ нуженъ интеллигенціи. Интеллигенціи осталось мало въ Россіи, народъ и не замѣтилъ этого. Но когда интеллигенція поняла, что у нея нѣтъ никакихъ корней въ народѣ, ей пришлось или „строиться къ стѣнкѣ" предъ тѣмъ же народомъ или бѣжать туда, гдѣ нѣтъ русскаго народа. „Орхидеи въ снѣгу!"

47.

Пройдемся по кладбищу русскихъ политическихъ партій. Вотъ лежатъ крайніе правые. По истинѣ, удивительна твердокаменность непониманія, которую они обнаруживаютъ. Скорѣе возродятся ихтіозавры и дамы начнутъ водить ихъ на цѣпочкѣ, точно болонокъ, чѣмъ даже въ какомъ-либо изъ полудикихъ уголковъ Азіи будетъ возстановленъ абсолютизмъ, въ которомъ крайніе правые видятъ свой идеалъ. Они ссылаются на монархическія симпатіи народа, на „завѣты исторіи"... Какое расхожденіе съ истиною! На зарѣ исторіи народъ нашъ былъ именно республиканцемъ (Новгородъ, Псковъ, сѣверныя пятины, князья, приглашавшіеся, какъ временные и отвѣтственные руководители вооруженными силами); такъ что объ историческихъ „тради-

ціяхъ“ лучше не толковать. Въ соціальной тяжбѣ съ владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ мужикъ усматривалъ назначеніе и роль царя, какъ его, мужикова, защитника и оберегателя отъ барина. Но монархическій принципъ въ Россіи самъ вырылъ себѣ могилу, когда заключилъ съ помѣщикомъ союзъ противъ крестьянина. Цари не хотѣли ступить на путь демократическаго цезаризма и народъ оставилъ ихъ. Угнетеніе и невѣжество додѣлали остальное и, если вообще говорить о какой-либо 'αρχή въ Россіи, то народъ нашъ, конечно, ан-архистъ. Недавно, на нашихъ глазахъ, свергали царя. Изъ 180 милліоновъ не нашлось *ни одного,* буквально — ни одного, человѣка, который выступилъ бы на защиту его словомъ или дѣломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Швейцарскіе наемные гвардейцы сложили свои головы за Людовика XVI; „собственный его величества конвой“, ко всѣмъ чинамъ котораго царская семья относилась дѣйствительно, какъ къ роднымъ, бросилъ женщину и больныхъ дѣтей на произволъ пьянаго гарнизона и на рысяхъ поспѣшилъ изъявить знаки вѣрноподданичества М. В. Родзянкѣ, за широкою спиною котораго уже всѣмъ хороводилъ „совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“. Кто изъ первыхъ поспѣшилъ къ царю съ требованіемъ отреченія? В. В. Шульгинъ, идеологъ самодержавія. Говорятъ, онъ принялъ участіе въ думской депутаціи изъ боязни, что, въ случаѣ отказа, его мѣсто займетъ Гегечкори. По этой логикѣ, слѣдуетъ самому вѣшать приговореннаго къ казни друга, изъ боязни, чтобы палачъ не осквернилъ его своимъ прикосновеніемъ... За мѣсяцъ до страшнаго убійства царя большевики напечатали извѣстіе объ этомъ въ своихъ газетахъ, которое потомъ сами же черезъ день опровергли. Убѣдившись, что „монархическая“ страна отнеслась безучастно къ сообщенію, которое должно было потрясти всякую живую душу, — ибо что же можетъ быть подлѣе расправы, безъ суда, надъ безоружными, надъ женщинами, надъ дѣтьми и надъ человѣкомъ, который добровольно отрекся отъ престола и не звалъ къ себѣ, какъ Людовикъ, иноземцевъ на помощь противъ родины — убѣдившись въ равнодушіи и нѣмотѣ страны, большевики сказали Бѣлобородову: „кончай!“ И это — народъ съ „монархическими наклонностями“?!

48.

Марковъ II — роковая для монархизма фигура, какой-то Печоринъ монархизма. Печоринъ привязанъ къ Вѣрѣ, но это не мѣшаетъ ему губить ее. Марковъ дышитъ монархизмомъ, но марковское дыханіе смертоносно для для монархизма, какъ анчаръ. Какъ человѣкъ, Шульгинъ заслуживаетъ уваженія: онъ все отдалъ родинѣ. О Марковѣ нельзя сказать и этого. Что онъ топитъ свою идею ея утрировкой, это хорошо. Но онъ невольно играетъ въ руку большевикамъ, позволяя имъ утверждать, со ссылкою на Маркова, будто враги коммунизма стремятся къ реставраціи стараго строя, съ его помѣщиками и урядниками, достаточно осточертѣвшими народу. Реставраторское пугало кидаетъ крестьянъ въ пифоновы объятія большевиковъ, ибо ни помѣщичьихъ земель никогда крестьянинъ не отдастъ обратно, ни прежней полицейской опеки не допуститъ. В. М. Дорошевичъ пресерьезно увѣрялъ меня, будто большевики не позволятъ, чтобы волосъ упалъ съ головы Маркова, такъ цѣнно имъ, для политической пропаганды, его существованіе. Гипербола, въ основѣ содержащая вѣрную мысль. Не менѣе, однако, вѣрно и то, что, по тому же закону равенства угла отраженія углу паденія, большевики трудятся надъ возстановленіемъ въ Россіи самодержавія.

49.

Кромѣ монархистовъ, такъ сказать, долювіальнаго типа, не усвоившихъ предметнаго урока исторіи, дѣйствительность нашихъ дней выработала и новыхъ, которые этотъ урокъ учли и приняли къ руководству. Б. великій князь Дмитрій Павловичъ заявилъ: если суждено въ Россіи воскреснуть монархіи, то послѣднюю онъ рисуетъ себѣ только парламентарною. Такъ думаетъ не одинъ онъ. Въ подобной постановкѣ вопросъ о монархизмѣ теряетъ свою остроту и больше переходитъ въ игру словами. Рѣчь сводится къ признанію демократическаго принципа руководящимъ для будущей россійской государствености. Разнорѣчія могутъ касаться того, кому возглавлять эту демократію: пожизненному и наслѣдственному президенту, называемому въ нѣкоторыхъ

парламентарныхъ странахъ монархомъ, или же избираемому на опредѣленный срокъ монарху, только безъ блеска и вредной мистики этого титула, называемому въ другихъ, тоже парламентарныхъ, странахъ президентомъ. Важны не слова, а реальность, которая за ними скрывается. Бывали республики, въ которыхъ народъ жали, точно творогъ подъ прессомъ (Польша, Венецiя). Бывали монархiи, представлявшiя народовластiе чистѣйшей воды, гдѣ за монархомъ оставалась только роль верховнаго жреца (Эллада). Въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ С. А. министры не отвѣтственны передъ конгрессомъ и президентъ болѣе автократиченъ, чѣмъ король Великобританiи и императоръ Индiи. Форма правленiя, при послѣдовательномъ, сверху до низу, проведенiи демократическаго начала въ жизнь, играетъ на Западѣ, дѣйствительно, второстепенную роль. Не то у насъ, гдѣ старая династiя скомпрометирована безнадежно, нѣтъ общенацiональныхъ кандидатовъ для новой и никогда не было монархическаго пiэтета. Сверженiе монарха, даже недостойнаго, можетъ потрясти само государство. Удаленiе президента производится безболѣзненно. Вильсонъ, зять Греви, сталъ торговать орденами и тесть былъ принужденъ тотчасъ стушеваться. Когда же нечистыми дѣлами начинаютъ заниматься родственники монарха, то прокуратурѣ приходится стыдливо закрывать глаза. Примѣровъ не приводить стать. Думается, поэтому, что едва-ли будетъ когда-либо праздникъ на улицѣ русскихъ монархистовъ даже умѣреннаго толка. Вѣдь на свѣтѣ есть только одна настоящая династiя: Народъ.

50.

Настоятель глухой таежной церкви разсказывалъ мнѣ, что сибирскiе лѣса, такъ сказать, полюбовно подѣлены медвѣдями: въ опредѣленный участокъ, занимаемый однимъ Топтыгинымъ, никогда не посмѣетъ явиться другой. „Нотарiальныя купчiя у нихъ что-ль существуютъ?“ — съ недовѣрiемъ спросилъ я. — „Нѣтъ-съ, гораздо проще: облюбовавшiй себѣ лѣсную чащу медвѣдь выбираетъ на видномъ мѣстѣ бросающееся въ глаза дерево, становится на дыбы, тянется сколь возможно и верхнею лапою дѣлаетъ глубокiй надрѣзъ коры. Появившiйся послѣ него, второй косматый переселенецъ, завидѣвъ такое дерево, самъ продѣлываетъ ту

же операцію, т. е. обдираетъ кору, сколько ростъ позволяетъ. Если зарубка на корѣ будетъ у второго Мишки выше, т. е., слѣдовательно, если онъ рослѣе и сильнѣе перваго, то хозяиномъ участка, безъ единоборства, признается второй медвѣдь; если зарубка придется ниже, то лѣсомъ володѣетъ первый, а пришлецъ идетъ искать счастья дальше..." Скажите, это — не признаніе права частной собственности? А смертные бои, которые при защитѣ своихъ гнѣздъ ведутъ пернатыя? И своими декретами большевики пытаются вытравить инстинктъ, буквально инстинктъ, одинаково присущій и человѣку и животному. Не тогда явилось право собственности, когда, по разсказу Руссо, человѣкъ первый разъ огородилъ поле и сказалъ: „это мое", а когда человѣкъ впервые взялъ заступъ, чтобъ обрабатывать поле. Частная собственность — сердце труда; нѣтъ перспективы собственности — будетъ, изъ подъ-палки, каррикатура на трудъ. „Собственность — воровство" только для тѣхъ, для кого воровство есть собственность.

51.

Всѣ труды человѣка — для рта его и инстинкта продолженія рода. Удаляя, какъ геологъ, пластъ за пластомъ всѣ позднѣйшія надслойки, приходишь къ *материку*, къ глубиннымъ стихійнымъ силамъ, опредѣляющимъ человѣкотворчество съ момента, когда впервые раздался плачъ Homo Sapiens. Процессъ питанія и размноженія — вотъ, чѣмъ опредѣляется и направляется вся историческая дѣятельность „Царя Природы", какую бы горделивую позу онъ не принималъ. Въ этомъ отношеніи „Царь" ни на шагъ не ушелъ впередъ отъ земляного червя. Всѣ институты и понятія, которыми мы гордимся, суть *производныя* отъ двухъ названныхъ основныхъ силъ: и право, и государство, и религія, и искусство — все, все выросло, чтобы потребности питанія и воспроизведенія нашли найболѣе полное и найменѣе затруднительное удовлетвореніе. Отвергая частную собственность, коммунизмъ объявляетъ войну самой природѣ человѣка, потому что частная собственность — найболѣе удобный коконъ для процессовъ питанія и размноженія. Коммунизмъ можетъ восторжествовать только тогда, когда человѣкъ станетъ без-

полымъ и ненуждающимся въ пищѣ. Но тогда это уже будутъ не люди, а боги или — и это вѣрнѣе — обоготворившіе себя скоты.

52.

Кто былъ первымъ вѣстникомъ русской „свободы“? Лаффайэтовъ у насъ не водится. Какая-нибудь прекрасная дѣвушка въ фригійскомъ колпакѣ, съ гордо развѣвающимся знаменемъ въ рукѣ? Нѣтъ, Иванъ Феодоровичъ Манасевичъ-Мануйловъ, стремглавъ летѣвшій, не запахивая полъ халата, въ арестанскихъ „котахъ“ чрезъ Литейный мостъ къ себѣ домой. „Свободный“ народъ началъ съ того, что поджегъ зданіе суда и освободилъ всѣхъ уголовныхъ, — изъ нихъ Манасевичъ-Мануйловъ, какъ наиболѣе быстроногій, раньше другихъ прибѣжалъ въ городъ.

53.

Много было неискренности, ходульныхъ восторговъ, а то и прямой лжи въ первые дни мартовской революціи. Сколько слезъ было выдавлено, какія пышныя глупости говорились на „похоронахъ жертвъ революціи“, сколько извели кумачу и какъ неустанно, до поздняго вечера, мѣсили уличную грязь различныя депутаціи отъ „товарищей-ломовиковъ“. А вѣдь весь городъ отлично зналъ, что хоронятъ не героевъ революціи (ихъ не было, да и не могло быть, такъ какъ войска и полиція не стрѣляли въ народъ), а нѣсколько городовыхъ, безвинно убитыхъ революціонерами. „Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“ неоднократно откладывалъ похороны, все ища подходящихъ труповъ; „жертвъ“, однако, такъ и не нашлось и потому, въ концѣ концовъ, „фараоновъ“ пришлось разсыропить какими-то несчастными богадѣлками. Большевики, донынѣ поклоняющіеся на Марсовомъ полѣ трупамъ городовыхъ!

54.

Кадеты... Вотъ несчастная партія! Кто только и справа и слѣва не обливалъ ее помоями! Въ борьбѣ соціалистической Россіи съ зубро-помѣщичьей роль кадетовъ на-

поминала незавидное положеніе Пиквикка, пытавшагося примирить неугомонныхъ издателей „Итансвилльскаго Журавля“ и „Итансвилльской Синицы“; достопочтенный мистеръ принялъ на себя удары, съ одной стороны — кочергою, съ другою — чемоданомъ. Судьба кадетской партіи была, пожалуй, хуже, чѣмъ президента пиквикскаго клуба: его тузили только справа и слѣва, а ее еще и сверху — тупое правительство, принявшее единственнаго своего возможнаго спасителя за врага. Иронія исторіи: умѣренная по русскимъ понятіямъ буржуазная партія, — вездѣ, кромѣ нашего отечества, она именовалась бы радикальною, — должна была бы стать опорою власти противъ соціалистическаго Ахерона, вмѣсто этого ее всенародно объявили троянскимъ конемъ. Говорятъ, что Столыпинъ былъ крупнымъ государственнымъ человѣкомъ. Совершенно правильный, но смертельно запоздавшій планъ насажденія въ Россіи мелкой земельной собственности принадлежитъ не ему; А. А. Лопухинъ разсказывалъ мнѣ, что эта мысль была подана б. царю президентомъ Лубэ во время посѣщенія Реймса. Всю же свою недюжинную энергію, и уже дѣйствительно по собственному почину, Столыпинъ цѣликомъ расходовалъ на жестокую и, въ своей жестокости, мелочную и унизительную борьбу съ кадетами. Д. Ф. Треповъ, съ здравымъ солдатскимъ смысломъ, догадался, что въ 1906 году кадетское министерство могло еще спасти Россію отъ надвигавшейся соціальной революціи. „Великій умъ“, Столыпинъ, не уразумѣлъ этого. И, по существу, какими гнусными мотивами руководилась бюрократія, поднявшая гоненіе на кадетъ. Въ революцію она совершенно не вѣрила, считая, что „мужичекъ не выдастъ“, что воображаемаго пейзанина патріотическая слеза прошибаетъ отъ одной мысли о батюшкѣ-царѣ. Непріятелемъ и весьма серьознымъ, оставались для бюрократіи, слѣдовательно, одни кадеты: эти, придя къ власти, крупныхъ чиновниковъ погонятъ всѣхъ, а мелкимъ не дозволятъ больше воровать! *Нельзя будетъ кушать Россію.* Отсюда какая-то зеленая злоба петербургскихъ канцелярій противъ кадетовъ. Къ сожалѣнію, Столыпину не удалось дожить до нашихъ дней и увидѣть плоды рукъ своихъ, послѣ того какъ „мужичекъ выдалъ“. Для того одного должно бы существовать безсмертіе души, чтобы покойники, хотябы на томъ свѣтѣ,

иногда чувствовали себя, какъ невоспитанные щенки — на этомъ, когда ихъ тычутъ носомъ въ коверъ, и сами пеняли бы на себя: „не надо было шкодить, не надо было!“

55.

Кадеты существовали задолго до того, какъ было произнесено это слово. Не такъ образовалась эта партія, что сперва собрались единомышленники, выработали программу и затѣмъ стали собирать сторонниковъ. Здѣсь было иначе: сперва появились знамя и программа, потомъ только — знаменосцы и программные толкователи и осуществители. Собственно говоря, кадеты — не партія. Извѣстный, — и весьма высокій, — уровень культуры, извѣстная, — и очень возвышенная, — идеалистичность міросозерцанія, избытокъ теоретизма и — увы! — отсутствіе политическаго темперамента, вотъ совокупность причинъ, дѣлающихъ человѣка кадетомъ, задолго до того, какъ онъ себя имъ почувствуетъ. Первый русскій кадетъ это кн. Курбскій, защищающій предъ Іоанномъ Грознымъ, на языкѣ и въ понятіяхъ того времени, конституціонно-демократическую программу. Развѣ не кадеты Радищевъ и Новиковъ? Развѣ Милюковъ и Гессенъ не законнѣйшія дѣти декабристовъ? Кадетство было раньше кадетовъ.

56.

Благодѣтельныя феи щедро осыпали дарами колыбель кадетской партіи: одно забыли положить они туда — темпераментъ. Въ годы потрясеній боецъ безъ темперамента — обреченъ на жертву противнику гораздо, быть можетъ, менѣе сильному и менѣе ловкому, но въ комъ бушующая кровь творитъ чудеса силы и ловкости. Кадеты не горячи, не холодны, и только такими, а не демагогами, могутъ быть люди, претендующіе на государственное водительство; но именно потому, что они не холодны и не горячи, а лишь теплы, народъ изблевалъ ихъ изъ устъ своихъ. Возьмите кадетское выступленіе 14 декабря 1825 года. Власти растерялись. Въ Зимнемъ дворцѣ, оставленномъ безъ охраны, дрожитъ со своей семьей Николай I. Что дѣлаютъ кадеты? Занимаютъ дворецъ, разсыпаютъ цѣпи предъ казармами колеблющихся полковъ, захватываютъ петропавловскую крѣ-

пость, зовутъ къ себѣ гарнизоны Царскаго Села и Павловска? Нѣтъ, они устраиваютъ митингъ на Сенатской площади и митингуютъ до тѣхъ поръ, пока картечь не топитъ въ полыньяхъ Невы и ихъ и русскую конституцію. Промитинговали Россію кадеты и въ 1917 году, когда вмѣсто того, чтобы, съ темпераментомъ Троцкаго, обезвредить, по совѣту Г. Эрве, какой-нибудь десятокъ главарей большевизма, они пытались до конца выдержать роль лояйльнѣйшаго изъ правительствъ, правительства-пэтиметра, съ граціей и изысканностью манеръ непревосходимыми. Вѣдь это кабинетъ кн. Львова заявилъ дипломатическій протестъ, когда Англія отказалась пропустить въ Россію того же Троцкаго, котораго репутація давно всѣмъ была хорошо извѣстна. Вѣдь это кабинетъ кн. Львова не препятствовалъ тому, чтобы Ленину и прочимъ каннибаламъ соціализма петроградскій гарнизонъ устраивалъ встрѣчи на вокзалахъ и оваціи, которыхъ никогда не удостаивался, даже въ день своей коронаціи, ни одинъ государь. Все промитинговали, все потеряли, боясь запачкать свои свѣтлыя ризы. Но истинно лойальна не та власть, которая всегда щеголяетъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, а та, что въ грозную минуту скидываетъ ихъ и надѣваетъ ежовыя рукавицы.

57.

Почти вся лучшая часть русской интеллигенціи, уже по самому своему умоначертанію, является кадетами, явными или безсознательными. Въ этомъ сила кадетской партіи, и въ этомъ ея величайшая слабость, причина ея политической импотенціи. Кадетизмъ — это подборъ по лучшему, но хорошихъ гораздо больше, чѣмъ лучшихъ, а среднихъ несоизмѣримо болѣе, чѣмъ хорошихъ. Кадетство не по плечу среднему уму, средней совѣсти; вотъ почему оно не имѣетъ корней въ массахъ. Кто не опирается на массы, тотъ практически безсиленъ. Въ первой государственной Думѣ кадетамъ принадлежало чуть не 90% голосовъ. Въ воскресенье 9 іюля 1906 г., послѣ разгона перваго русскаго парламента, бульвары были переполнены гуляющими, вездѣ гремѣла музыка; народъ не только не безмолвствовалъ, пораженный происшедшимъ, но веселился во всю. А гнѣвъ народный, который, по чаяніямъ кадетовъ, долженъ былъ испепелить

насильниковъ? Въ неизмѣнныхъ бѣлыхъ перчаткахъ кадеты направились въ Выборгъ и тутъ, въ ресторанѣ „Бельведеръ", рѣшили доканать деспотизмъ, предложивъ для этого народу не платить податей и не давать рекрутовъ. „Почему вы не подписали выборгскаго воззванія?" спросилъ я одного изъ лидеровъ польскаго кола. „Мы не смѣли; еслибы мы подписали, наши крестьяне послушались бы, и въ результатѣ пролилась бы кровь." Но избранники русскаго народа, какъ искренне себя именовали кадеты, и самъ народъ не были соединены тою незримою пуповиною, что польскіе крестьяне и ихъ депутаты. Вмѣсто задуманной трагедіи получился фарсъ. Добрая половина кадетъ уѣхала на обычный лѣтній отдыхъ заграницу и, запасаясь паспортами, сама же первая уплатила соотвѣтствующій паспортный сборъ, т. е. ту же подать. Осенью рекруты переполнили залы воинскихъ присутствій, гдѣ преисправно предсѣдательствовали тѣ изъ кадетъ, которые состояли въ должности предводителей дворянства. Надо много лѣтъ окультуренія народа, дабы онъ не то, что увѣровалъ бы въ кадетскую программу, а хотябы только уразумѣлъ ее. До той же поры кадетская партія всегда будетъ куполомъ св. Софіи на соломенномъ овинѣ.

58.

Иногда вечеромъ хочется выбѣжать на улицу, стать на четвереньки и, повернувъ лицо къ небу, завыть, какъ волкъ, отъ смертной тоски, протяжно и страшно. Но весело бѣгутъ вагоны трамваевъ, мигаютъ вывѣски кинематографовъ, сытые, глухіе къ чужому горю люди переполняютъ улицы. Воющаго человѣка не услышатъ ни земля, ни небо: ему одно мѣсто — въ участкѣ. Для бѣженца весь міръ — участокъ и Сибирь — теплѣе Сициліи!

59.

Старикъ Жанъ-Батистъ Сэй училъ, что, когда стоимость фунта хлѣба повышается на четверть копѣйки, то женская честь находится въ опасности. Ну, а если эта цѣна повышается не на четверть копѣйки, а становится въ *десятки тысячъ* разъ больше прежней (фунтъ чернаго хлѣба теперь вмѣсто 3 коп. стоитъ 2000 руб.), тогда что должно статься съ женскою честью? Бѣдная русская жен-

щина! Въ Константинополѣ ты стала собирательною Сонею Мармеладовою, и всетаки ты такъ же чиста и близка къ Христу, какъ Соня.

60.

Въ каждой культурной странѣ Милюковъ считался бы украшеніемъ отечества. У насъ, за исключеніемъ „своихъ“, онъ стяжалъ почти всеобщую ненависть. За что? Онъ виноватъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что родился слишкомъ рано. Нація не доросла до роскоши имѣть такихъ представителей. Послѣ разгрома царскихъ погребовъ, я видѣлъ, на тротуарѣ, близъ Зимняго, какого-то свободнаго гражданина, тянувшаго шампанское изъ горлышка бутылки и закусывавшаго головкою сырого лука. Пьющій при этомъ нещадно ругалъ извращенный вкусъ бaръ. Что прикажете дѣлать? Черновъ, ото всей политической физіогноміи котораго пахнетъ, какъ отъ ногъ полотера въ іюльскій день, ближе народной душѣ, чѣмъ Милюковъ. Напрасны и унизительны попытки Милюкова образовать общій фронтъ съ эсъ-эрами. Черновъ заложилъ руки въ карманы и нагло посвистываетъ, не замѣчая протянутой ему для пожатія длани. Очередь дѣятелей типа Милюкова придетъ не скоро: лишь когда совершенно утихнетъ взбаломученное русское море. Милюковъ — капитанъ, а не лоцманъ.

61.

Слишкомъ часто упрекаютъ Милюкова въ перемѣнѣ тактики: сегодня горячій сторонникъ Антанты, онъ дѣлается завтра германофиломъ, чтобы послѣ-завтра осудить эту позицію. Утромъ онъ — за интервенцію, въ полдень — противъ и неизвѣстно — что, по этому поводу, онъ скажетъ вечеромъ. По моему, не въ этихъ неожиданностяхъ бѣда: онѣ показываютъ, что Милюковъ хочетъ прислушиваться къ голосу жизни, что духъ ея дороже ему партійной буквы. Въ томъ бѣда — и большая, что неожиданности эти никогда не бываютъ достаточно обоснованы. Это — зигзаги и внезапности политической неврастеніи. Гладстонъ началъ свою парламентскую карьеру съ защиты рабовладѣнія въ Южныхъ Штатахъ Америки; шагъ за шагомъ прослѣдите его дѣятельность и вы поймете, какъ крѣпостникъ обратился въ

служителя свободы. Но многія трансформаціи Милюкова обьективно не уяснимы. Недавній партизанъ врангелевскаго дѣла, Милюковъ полагаетъ теперь, что освобожденіе Россіи отъ большевиковъ пойдетъ скорѣе, если будутъ распылены послѣднія военныя анти-большевистскія силы. Почему? Или это — отчаяніе человѣка, который, видя, съ какимъ трудомъ отворяется замокъ, въ нетерпѣніи начинаетъ вертѣть ключъ въ противоположную сторону, хотя отлично понимаетъ, что такъ можно только испортить механизмъ? Идя за Милюковымъ, вы застрахованы отъ пожара, но отъ *воды*, отъ того, что утонете вмѣстѣ съ нимъ?

62.

Повинуясь слову Христа, много бѣсовъ, въ образѣ свиней, погибло въ тиверіадскомъ озорѣ, но много милліоновъ ихъ еще не только гуляетъ въ Россіи на свободѣ, но распоряжается великою страною, какъ хлѣвомъ. Гдѣ новый Іисусъ, у ногъ котораго, какъ нѣкогда тиверіадскій бѣсноватый, послушно сядетъ исцѣленная Русь?

63.

Небезслѣдно прошла революція для кадетской группы, возглавляемой Набоковымъ и Гессеномъ. И не сдвигъ направо здѣсь наблюдается, какъ объ этомъ со злорадствомъ кричитъ „Воля Россіи“. Нѣтъ! партійныя позиціи остались тѣ же, но тутъ происходитъ великое таинство оплодотворенія прогрессивнаго политическаго начала національною идеею. Въ Первой Государственной Думѣ, одинъ изъ виднѣйшихъ кадетовъ, проф. Н. И Карѣевъ заявилъ, что недурно было бы перемѣнить названіе нашего государства: столько народностей входитъ въ составъ его, а называется оно „Россіей“ — по имени лишь одной. Если отъ такой смердяковщины партія пришла теперь въ самоканоссу нео-національзма, то, значитъ, близка она къ источнику живой воды. Сумѣетъ ли партія сохранить единство или расколется — дѣло второе; *это* теченіе выживетъ. Кадетская партія не имѣетъ и не будетъ имѣть корней въ народѣ. Но если она онароднитъ интеллигенцію, то велика, безмѣрно велика, будетъ ея заслуга!

64.

Мнѣ кажется, что та русская интеллигенція, которая, изъ низовъ народа, придетъ, къ счастью, на смѣну намъ, будетъ во многомъ напоминать И. Д. Сытина. Удивительный человѣкъ: сочетаніе Нью-Іорка съ Хивою. Исполинская ширь замысловъ при точнѣйшемъ аптекарскомъ учетѣ послѣдней мелочи. Безграничный идеализмъ на почвѣ трезваго коммерческаго расчета и самой реальной выгоды. Молельная и касса вмѣстѣ, причемъ поклоненіе божеству нисколько не профанируется подсчетомъ монеты. Поэтъ и купецъ. Самъ малограмотный (съ формальной точки зрѣнія), этотъ человѣкъ одинъ сдѣлалъ для культуры Россіи больше, нежели все вѣдомство народнаго просвѣщенія за сто лѣтъ существованія. Справедливые соотечественники, какъ разъ именно изъ тѣхъ словъ народа, которымъ онъ преимущественно отдалъ свою жизнь, достойно возблагодарили его. Большевики захватили все имущество Сытина, и старикъ, которому пошелъ уже восьмой десятокъ, добываетъ себѣ хлѣбъ, служа въ прежде собственной, а нынѣ — „государственной“ типографіи.

65.

Послѣ революціи антисемитизмъ замѣтно пошелъ на прибыль. Не въ народѣ: народъ нашъ никогда не былъ антисемитомъ. Великороссія просто не знаетъ „еврейскаго вопроса“; на Украинѣ онъ существуетъ, но совсѣмъ не какъ еврейскій, а какъ вопросъ экономической конкурренціи. Вѣроисповѣдное и расовое различія тутъ во вниманіе не принимаются. Антисемитически настроена у насъ всегда была бюрократія: во-первыхъ, по звѣриному національзму своему, враждовавшему съ евреями, впрочемъ какъ и съ поляками, финнами и т. д.; далѣе, въ силу удобства имѣть, въ лицѣ евреевъ, всегда готовый клапанъ для выпуска паровъ народнаго недовольства по линіи наименьшаго сопротивленія; и наконецъ изъ-за тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя безправіе евреевъ давало чиновникамъ — вымогателямъ. Русская интеллигенція до сихъ поръ антисемитизмомъ никогда не грѣшила и скорѣе пересаливала въ другую сторону, — слащавою идеализаціей еврейства, что, если не оскорбляло,

то нѣсколько коробило серьезно мыслящихъ самихъ же евреевъ. Вл. Соловьевъ всю жизнь горѣлъ правдою, но фальшью звучитъ его предсмертная молитва объ Израилѣ, какъ одинаково фальшива была бы такая же молитва Т. Герцля о Россіи. Оба народа одинаково много грѣшны и одинаково несчастны, чтобы ихъ національные праведники молились, на подобіе одной изъ фигуръ кадрили, chaussè croisé. Эта сентиментальность, теперь, *среди русской интеллигенціи*, уступаетъ мѣсто антисемитизму. Конечно, безъ выпусканія пуха изъ перинъ, безъ вспарыванія животовъ, не погромному, но не менѣе откровенному и, пожалуй, болѣе опасному. Нарождается „культурный" антисемитизмъ. Идеологія стараго антисемитизма была столь наивна, что предназначалась для людей, силлогизмы которыхъ строятся вообще безъ посылокъ: „жиды Христа распяли", а потому, какъ гласила знаменитая резолюція императрицы Елизаветы: „не хочу прибытку отъ враговъ рода человѣческаго". Культурные антисемиты прекрасно понимаютъ, что мы сами распинаемъ Христа каждый день и даже каждый часъ, а власть, разумѣется, не верховная, но агенты ея, сверху до низа, весьма этого „прибытку" хотѣли. О, культурные антисемиты признаютъ только культурную борьбу: не надо физическаго насилія, достаточно духовной и правовой блокады! Большинство коммиссаровъ были евреи. Не посуда была разбита здѣсь, а вся Россія, и за разбитую Россію должно платить еврейство. Имъ нѣтъ мѣста среди зодчихъ новой Россіи! Пускай евреи устраиваютъ свои школы, свои банки, свои газеты, лѣчатся у собственныхъ врачей, ходятъ въ собственные театры! Къ себѣ мы имъ не пустимъ и сами не не пойдемъ къ нимъ. Табу на нихъ! Пусть будутъ изгоями на общей родинѣ! Какъ видите, прежніе погромы отличаются отъ замышляемыхъ новыхъ, тѣмъ что первые длились часами, послѣ чего наступало продолжительное перемиріе, а срокъ вторымъ не опредѣленъ и опредѣленъ быть не можетъ, ибо пароксизмъ науськанной злобы имѣетъ быстрый конецъ, а холодная месть можетъ длиться безъ конца. Послѣдствія же антисемитизма и зоологическаго и „культурнаго" одинаковы: вслѣдствіе запрета государственнаго творчества стойкая, жизнеспособная и талантливая группа населенія, не имѣя точекъ приложенія духовныхъ силъ, вынуждена напра-

вить энергію на разрушеніе условій, не дающихъ людямъ возможности жить полюдски. Еврейство, лишенное равноправія, не можетъ не быть разрушительною силою.

66.

„Знаете-ли вы, какъ великъ процентъ евреевъ среди политическихъ преступниковъ?“ спросилъ меня В. К. Плеве. Благообразный чиновникъ немедленно подалъ министру нужную справку: „80! ого! Не дурно?“ съ побѣднымъ видомъ провозгласилъ Плеве. Временщикъ дѣлалъ отсюда выводъ; стоять за еврейское равноправіе — значитъ потворствовать восьмидесяти процентамъ „политическихъ преступниковъ“, т. е. разрушителей государства. Я же полагалъ и полагаю, что дать евреямъ равноправіе однозначуще уменьшенію числа разрушителей государства именно на восемьдесятъ процентовъ.

67.

Существуютъ два способа *радикальнаго* разрѣшенія еврейскаго вопроса (на мигъ оставимъ въ сторонѣ всякія велѣнія морали и государственной цѣлесообразности): или поголовно вырѣзать всѣхъ евреевъ, ихъ женъ и дѣтей, или же сдѣлать ихъ не лицемѣрными слугами общей нашей родины. т. е. направить исключительныя способности этого племени на укрѣпленіе государства. Третьяго способа нѣтъ. Сколько уже тысячъ лѣтъ человѣчество пробуетъ первый: и вавилоняне, и ассиріяне, и египтяне, и римляне, и святѣйшая инквизиція, кто, кто только, кончая карликами Плеве и Петлюрою, не дѣлалъ кровавыхъ опытовъ въ этомъ направленіи Оказывается, нѣтъ — хоть кинь — возможности, просто физической возможности уничтожить старый, культурный народъ, численностью въ 15–20 милл., разсѣянный по всему міру. Такъ не бросить-ли этотъ безнадежный методъ и не перейти-ли намъ, въ Россіи, гдѣ евреевъ всего болѣе, къ новому? Ихъ должно сдѣлать не чужаками, которыхъ едва терпятъ, а такими же полноправными гражданами, какъ мы. Надо, чтобы еврейство не противополагало болѣе собственные интересы интересамъ государства, видя въ немъ антагонизирующую силу. Надо, чтобъ евреи перестали разсуждать и чувствовать по формулѣ: „чѣмъ хуже для государства, тѣмъ лучше для насъ“, а пришли бы къ практическому познанію истины:

„чѣмъ лучше для государства, тѣмъ лучше и для насъ, ибо государство теперь не враждебно намъ, евреямъ, но мы, какъ и всѣ прочіе, его составляемъ, творимъ и направляемъ.“

68.

„Еврейское засилье“ — вотъ старый шаблонъ возраженія противъ участія евреевъ въ государственномъ строительствѣ. „Не было равноправія, и то они заполонили адвокатуру, банки, всѣ редакціи; послѣ равноправія они захватятъ магистратуру, администрацію, университеты и слопаютъ насъ, какъ гусеницы уничтожаютъ плодоносное дерево.“ Подавляющій процентъ евреевъ присяжныхъ повѣренныхъ, журналистовъ и банковскихъ дѣятелей и не могъ быть инымъ; куда же еще можно было имъ идти, когда всѣ другія поприща были закрыты? Несомнѣнно, массами ринутся они и на государственныя должности и дай намъ Богъ поболѣе такихъ судей, какъ англійскій еврей Айзексъ, нынѣ лордъ Руфиксъ, вице-король Индіи, такихъ министровъ, какъ Д'Израэли и много, много другихъ. Не надѣяться же на собственную жизнеспособность, бояться, что, безъ ограничительныхъ законовъ, насъ можетъ кто-нибудь „слопать“, — это значитъ не только глубоко и незаслуженно презирать русскій народъ, но и не знать его. Ничто не можетъ насъ слопать, кромѣ собственнаго невѣжества и хамства.

69.

Указываютъ на цѣлый рядъ національныхъ пороковъ еврейства: искательство, назойливость, трусость, корыстолюбіе, предательство, непотизмъ... Списокъ этотъ можно пополнить. Но не проявленіями этихъ пороковъ создана еврейская исторія: исторія еврейскаго угнетенія создала эти пороки. Наша жизнь куда была менѣе многострадальною, нежели еврейская, а разверните-ка свитокъ нашихъ историческихъ пороковъ. И вся совокупность ихъ не помѣшала намъ стать великимъ народомъ, какъ и мрачныя стороны еврейскаго національнаго духа не мѣшаютъ Израилю быть по истинѣ великимъ. Бездонна народная душа, одной изъ граней которой является Іисусъ, другою — Марксъ. „Но эта еврейская обособленность.“ Да чѣмъ же она создается, какъ не исключительными законами? Именно еврейской обо-

собленности будетъ въ первую очередь нанесенъ жестокій ударъ установленіемъ равноправія. Будетъ положенъ конецъ садкамъ на злобу, которыми доѣзжачій — правительство развращалъ оба народа, русскій — какъ борзую, еврейскій — какъ травимаго звѣря, и національная психологія Израиля во многомъ измѣнится къ лучшему. „На это нужны многіе и многіе годы.“ Хуже! На это нужны многіе десятки лѣтъ, скажу я. „И все это время терпѣть?“ Совершенно вѣрно: все это время терпѣть, памятуя, что нѣтъ другого пути для рѣшенія еврейскаго вопроса. Свои политическіе расчеты мы должны строить не на часы, а именно на десятки лѣтъ: для жизни народовъ десятки лѣтъ какъ разъ есть часы.

70.

Каждый русскій, любящій родину, не потому долженъ бороться съ антисемитизмомъ, что этотъ послѣдній опасенъ для еврейства, а потому, что антисемитизмъ въ первую голову гибеленъ для Россіи; долженъ отстаивать равноправіе не потому, что оно выгодно евреямъ, а потому, что оно полезно Россіи. Эти требованія диктуются не комическими „Протоколами Сіонскихъ Мудрецовъ“, а умомъ и совѣстью каждаго изъ насъ.

71.

Придетъ-ли въ умъ кому злорадствовать теперь надъ несчастными соотечественниками? А невольно какая-то кислая улыбка кривитъ ротъ, когда видишь недавняго звѣздоносца, прежнюю грозу цѣлаго вѣдомства, униженно выпрашивающаго визу и получающаго грубый отказъ. „Чтожь-это? ворчитъ онъ, — новое крѣпостное право?“ „Нѣтъ, ваше превосходительство“, хочется отвѣтить: „это только слабое подобіе правилъ объ ограниченіи права жительства и права передвиженія евреевъ; неуклоннаго соблюденія этихъ правилъ вы сами всегда требовали такъ строго. Неугодно-ли на себѣ примѣрить путы, въ которыхъ вы держали другихъ. Сладко?“ Кстати о визахъ: почему Франція, почти не дающая ихъ, не требовала визъ, когда мы доставили нѣсколько десятковъ тысячъ своихъ солдатъ изъ Владивостока въ Шампань? Или Марсель — портофранко, когда нужно умирать за Францію, и закрытая гавань — когда хочешь

жить во Франціи? Почему Сербія, совсѣмъ теперь недающая визъ русскимъ, въ 1916 году заполонила, безо всякихъ визъ, весь гостепріимный югъ Россіи, и, совершенно справедливо, установленіе паспортныхъ рогатокъ для сербскихъ бѣженцевъ сочла бы гнусностью?

72.

Одинъ только народъ далъ нелицемѣрное и исчерпывающее опредѣленіе понятію войны. По румынски война — „разбой". Тѣмъ не менѣе Кантъ былъ правъ, утверждая, что вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ. Сами румыны воюютъ, да еще преподло, чуть не каждый годъ. Пацифизмъ — не болѣе какъ курительная бумажка, которая должна смягчить тяжелый запахъ, неизбѣжный при нѣкоторыхъ отправленіяхъ организма.

73.

Война — отвратительная вещь, но, не будь ея, помутнились бы источники жизни и тиною покрылась бы жизнь. Только въ чаяніи блага — вѣрномъ или ошибочномъ — берется человѣкъ за оружіе. Еще отвратительнѣе, казалось бы, гражданская война. Она страшнѣе морально и матеріально: я убиваю моего брата, я раззоряю мою родину. Братоубійство ведется во имя братолюбія. Обѣ борющіяся стороны считаютъ себя Авелемъ. Не готтентотскую-ли мораль проповѣдую я, говоря, что хорошо, когда антибольшевикъ убиваетъ большевика и плохо, когда большевикъ убиваетъ антибольшевика? Нѣтъ, правъ только антибольшевикъ, и правъ потому, что на братоубійство онъ идетъ во имя Россіи, какъ Россіи, во имя національнаго начала, во имя родины, для которой никакая жертва, въ томъ числѣ и рѣшимость убить брата, не бываетъ достаточною. У большевика же не наше русское отечество, а свое „соціалистическое", не во имя національной идеи поднялъ онъ винтовку, а во имя интернаціонала, не возсоздать онъ хочетъ совершенно реальную родину нашу, осязаемую, видимую, стоявшую до него тысячу лѣтъ, а уничтожить ее, чтобы на ея мѣстѣ насадить миражъ, нигдѣ пока не существовавшій и никогда не осуществимый. Идея отечества — единая спайка государственности — оправдываетъ антибольшевика и осуждаетъ боль-

шевика. У большевика нѣтъ родины и потому родина не можетъ дать ему отпущенія грѣха. Когда, при государственномъ строительствѣ, большевикъ вычеркнулъ изъ своего словаря слово „націонализмъ“, онъ самъ подвелъ подъ категорію уголовщины законнѣйшее средство защиты этого строительства — оружіе. Ну, а если онъ опять впишетъ его туда, т. е. если большевикъ признаетъ національное начало и подчинится ему? Тогда онъ перестанетъ быть большевикомъ и братоубійство прекратится.

74.

„Подумайте, сколько евреевъ среди большевиковъ и какъ жестоки они всѣ.“ Да, полагаю, что процентъ ихъ значительно выше, чѣмъ долженъ бы быть, пропорціонально числу евреевъ. Однако, могло-ли быть иначе? Если въ домѣ, гдѣ я живу, мнѣ отведена холодная, сырая, темная комната, если меня держатъ впроголодь, если хозяинъ не выпускаетъ меня и не позволяетъ перемѣнить на лучшую, если, встрѣтивъ меня, онъ измывается, бросаетъ въ меня полѣньями или обливаетъ кипяткомъ, какія чувства стану питать я и къ постылому дому и къ жестокому хозяину? Когда пожаръ охватитъ домъ, стану-ли я заливать пламя или буду спокойно глядѣть, какъ разрушается ненавистная темница? Когда разбойники нападутъ на хозяина, пойду-ли я, съ опасностью для собственной жизни, защищать его, или же равнодушно скрещу руки, а то и самъ дамъ подножку сзади?... Вѣдь хуже, съ приходомъ разбойниковъ, не будетъ. Этотъ домъ — Россія, этотъ хозяинъ — бюрократія, этотъ жилецъ — еврейство. Я ничего не оправдываю, я только объясняю. Еврейская молодежь бросилась, очертя голову, въ большевизмъ, порвавъ съ консервативно настроеннымъ старшимъ поколѣніемъ. Въ тысячу первый разъ повторилась, столь же болѣзненно, какъ и въ первый, драма взаимнаго непониманія близкихъ плотью и далекихъ духомъ. Въ подвалахъ чрезвычаекъ сидѣли отцы, въ верхнихъ этажахъ орудовали дѣти. „Грѣхъ нашъ — на дѣтяхъ нашихъ“, кричали евреи во дворѣ Понтія Пилата. Но почему возлагать на отцовъ отвѣтственность за дѣтей? Или мы — новые Понтіи, которымъ бы лишь найти формально виноватыхъ, а тамъ вымыть руки и приступить къ трапезѣ?

75.

Какое дивное, совсѣмъ, можно сказать, неизпользованное, орудіе политической пропаганды — кинематографъ! А главное — пропаганда зрительная, найболѣе запоминающаяся, дѣйствующая и на безграмотныхъ и на дѣтей. Все содержаніе современныхъ фильмъ сводится къ одному: сперва вскрываютъ несгораемый шкафъ, потомъ ѣдутъ на автомобилѣ, или обратно. Хороши будутъ плоды такой невольной „пропаганды“.

76.

Міровая война не могла не вспыхнуть. Но какому дьяволу вообще принесла она пользу? Скажутъ, Англіи: она бросила Россію и Францію, точно деревянные шары, на нѣмецкія кегли и заинтересована въ дальнѣйшей участи шаровъ не больше, чѣмъ спортсмэнъ, выигравшій партію. Разбиты: Франція (увы! она все-таки только въ спискѣ, но не въ числѣ странъ-побѣдительницъ), Россія, Германія, Австрія; о валетахъ европейской политической колоды не говорю. Ну, а дальше? Развѣ Англія побѣдила? Почему же у побѣдителя дрожатъ колѣна? Сумѣетъ ли „побѣдитель“ найти общій языкъ съ ирландскими синфейнерами? А если сумѣетъ, что за новое зарево подымается въ Индіи? Гордая Англія, разговаривающая съ московскою шайкою мазуриковъ, какъ съ равными? Старая Англія держалась независимостью и правотою своего суда; британецъ съ гордостью говорилъ: „весь флотъ Британіи существуетъ, чтобы 12 человѣкъ съ улицы могли спокойно сказать правдивое слово“. Въ Англіи Ллойдъ-Джорджа судъ теперь — Ванька-Встанька: по одному и тому же дѣлу, до заключенія договора съ большевиками выносится одинъ приговоръ, послѣ заключенія договора — другой. „Фактически золото въ рукахъ большевиковъ, — заявляетъ сэръ Горнъ: отчего не заключить договора съ ними?“ Логика громилъ въ оврагѣ, въ глухую ночь, когда слышатся неувѣренные шаги прохожаго. Не будемъ говорить о нравственномъ паденіи; вопросъ, съ точки зрѣнія Ллойдъ-Джоржа, сводится къ тому, сколько за это паденіе получено. Но начинаетъ трещать и политическій престижъ Англіи. Заокеанскій „кузенъ“ несмѣтно

разбогатѣлъ отъ войны, поставляя первые годы ея обоимъ фронтамъ. Грозитъ перейти къ нему то первенство на моряхъ, изъ-за котораго Англія заварила всю кашу. Англію ждетъ ударъ отъ полнокровія и день первой панихиды по быломъ ея величіи будетъ Пасхою для Россіи.

77.

Днемъ я больше вѣрю въ Бога, ночью — въ Россію. Но и днемъ и ночью одинъ у меня Богъ — Россія.

78.

Въ шелковомъ мѣшечкѣ есть у меня щепотка родной земли съ родной могилы. Когда не изжить уже сердцу горя, я прижимаю мѣшечекъ къ губамъ и слушаю, что говоритъ родная земля: „мы еще увидимся! еще припадешь ты къ моей груди!“ Вѣрю! вѣрю! Часу не прожилъ бы безъ этой вѣры.

79.

Ной Джорданія почему то былъ избранъ въ Первую Государственную Думу и здѣсь, публично, площадными словами изругалъ правительство. Это было въ 1906 году. Въ 1917 тотъ же Джорданія и его, отнюдь не болѣе культурные, соплеменники — Чхеидзе, Гегечкори и Церетелли, обругали уже не то, что правительство (правительство на то и существуетъ, чтобъ его ругали), а весь русскій народъ, да даже не обругали, а сверху донизу окатили грязною слюной. И наши красноармейскіе михрютки внимали, развѣся уши, какимъ-то тифлисскимъ погонщикамъ ишаковъ и духанщикамъ, которые учили глуповцевъ великимъ завѣтамъ интернаціонала. Посодѣйствовавъ, насколько было возможно, развалу арміи, а, слѣдовательно, и Россіи, грузины бросили потемкинскій дворецъ и поспѣшили домой. Здѣсь они немедленно сожгли тѣ пятикопѣечныя брошюры, изъ которыхъ поучали и поучались сами, и провозгласили, какъ вѣнецъ политическаго откровенія, шовинизмъ, да еще какой! пряный и забористый до рвоты, какъ все на Востокѣ. „Грузія для грузинъ! (Молчаливо подразумѣвается: но и Россія, когда опять будетъ богатою, тоже для грузинъ) Долой русскихъ!“ И вотъ крохотная окраина, которую

всегда любилъ нашъ народъ и никогда не обижало правительство, становится на цыпочки, чтобы придать себѣ росту, грозно машетъ картоннымъ мечомъ надъ лежащимъ въ обморокѣ Гулливеромъ, на что-то жалуется версальской конференціи, противъ чего-то протестуетъ въ Лигѣ Націй, однимъ словомъ, шумитъ на весь міръ. Въ болотахъ Малороссіи водится такая птичка, „водяной бугай“, маленькая. но препротивная; день и ночь она кричитъ буквально, какъ быкъ! Въ пору Деникина тотъ же Ной Джорданія торжествено (такого типа люди даже сморкаются торжественно) заявилъ: „пусть знаютъ золотопогонники, что всѣ симпатіи свободной Грузіи на сторонѣ Р. С. Ф. С. Р.!“ Грузины не то, что ударили въ тылъ арміи Деникина, но когда она уже изнемогала, они кусали ее въ пятки. Ушелъ Деникинъ, ушелъ Врангель, у большевиковъ руки освободились и они скушали машинально Грузію: такъ, лѣтомъ сонный большой песъ проглатываетъ муху, даже не замѣчая, какъ она попала въ страшныя челюсти. „Бѣжали робкіе грузины...“ Политическимъ кинто пришлось быстро юркнуть изъ Батума въ Парижъ и здѣсь разразиться новымъ потопомъ нотъ, резолюцій и т. д. по адресу большевиковъ. Но этихъ господъ словами не проймешь. Они сами такія ноты пишутъ, что никакая заборная литература съ чичеринскою не сравнится. Такъ кончился фарсъ подъ названіемъ „Грузинское великодержавіе“. Кстати: засѣдавшіе въ Парижѣ учредиловцы пресерьезнѣйшимъ образомъ обсуждали вопросъ, пригласить или нѣтъ, къ участію въ своихъ занятіяхъ г. Гегечкори, когда-то, до самоотдѣленія Грузіи отъ Россіи. избраннаго въ члены русскаго учредительнаго собранія. Человѣкъ открыто объявилъ себя врагомъ Россіи, арестовывалъ и высылалъ русскихъ изъ Грузіи, ограбилъ боржомскій дворецъ в. к. Михаила Николаевича, разстрѣливалъ нашихъ офицеровъ, и находятся русскіе, которые не знаютъ, звать или не звать его помочь русской бѣдѣ... О, святая Пошехонщина, и дубоголова же ты, родимая!

80.

Старообрядчество, да еврейство — вотъ два единственныхъ консервативныхъ слоя въ Россіи. Многое, начиная съ гоненія на вѣру, и слѣдовъ, которые это гоненіе оставило

на народномъ характерѣ, психологически роднитъ евреевъ и старообрядцевъ. Тѣ и другіе консервативны по одному ужъ тому, что каждый вновь прибавленный камешекъ угрожаетъ паденіемъ всему зданію ихъ обособленности; нельзя прикасаться къ традиціямъ и авторитетамъ, когда ими одними держится самобытность; въ такихъ случаяхъ каждая новизна — соблазнъ и смертельная опасность. Неофобія — стержень еврейства и старообрядчества. Мудрое правительство наше подвергало преслѣдованіямъ тѣ единственные круги, которые были консервативны не за страхъ, а за совѣсть, не по полицейской указкѣ, а по природѣ свой. Объ евреяхъ и говорить нечего, но что продѣлывали съ несчастными старообрядцами, *руссѣйшими* изъ русскихъ? Ссылали въ Сибирь, ломали храмы, запечатывали алтари, сжигали иконы, — вспомнить стыдно! Еще только 17 лѣтъ тому назадъ главное управленіе по дѣламъ печати (вотъ тоже была тихая заводь Асмодеевъ мысли и взяточниковъ) циркулярно приказало, чтобы газеты не смѣли именовать старообрядческій клиръ, по принадлежности, епископъ, іерей или дьяконъ, но обязательно впереди приставляли бы частицу *лже*: т. е. *лже*-епископъ, *лже*-іерей и т. д. Сквозь эту мерзость ясно просвѣчивали уши Побѣдоносцева. Но каково же было кушать этотъ финикъ читателямъ и писателямъ! Въ то время въ одной изъ московскихъ газетъ печатался романъ изъ старообрядческой жизни. Автору, покойному И. И. Мясницкому, пріятно было, послѣ опубликованія циркуляра, у самого себя читать: „благословите, *лже*-батюшка! склонился Иванъ Петровичъ (или тамъ другое лицо романа) предъ сановитымъ *лже*-священникомъ". О, насильники (увы! не-*лже*) и лжеумники!

81.

Въ три часа, бѣлой ночью, на николаевскомъ мосту. Солнце уже золотитъ петропавловскій шпицъ, легло румянцемъ на тяжело-синюю Неву, которая, точно зябкая красавица, поеживается и вздрагиваетъ отъ холодка на своемъ гранитномъ ложѣ. Налѣво на скалѣ — Великанъ, коронованный революціонеръ, все, включая родного сына, пожертвовавшій Молоху государственности. Всадникъ на дыбы поднялъ Коня-Россію, но вы видите, что это только игра жи-

выхъ силъ, требующихъ себѣ выхода, что Конь увѣренно и легко пойдетъ по пути, указываемому Желѣзною Рукою. Въ другомъ концѣ города возвышается другой всадникъ, послѣдняя статуя послѣдняго русскаго самодержца: конь пятится передъ пропастью, куда завели его тупость и самомнѣніе сѣдока. Не провидитъ будущаго наѣздникъ: даетъ шпоры коню и все летитъ въ кровавую бездну: и сынъ всадника и вся Россія. Петръ умертвилъ наслѣдника, чтобы спасти страну отъ реакціи; Александръ III, чтобы сохранить страну наслѣднику, установилъ мертвящую реакцію. Одинъ имѣлъ въ виду интересы Родины, другой — рода. Петръ — апофеозъ идеи единовластія, Александръ — ея вырожденіе. Въ три часа, бѣлой ночью, на Николаевскомъ мосту, какъ близко чувствуешь Тебя, Полубогъ, Полузвѣрь, единственный царь, достойный Россіи!

82.

Всѣ революціи въ первые ряды выдвигаютъ журналистовъ и адвокатовъ; Камилль Дюмулэнъ и Маратъ — журналисты; Дантонъ и Робеспьеръ — адвокаты. Керенскій, Ленинъ, Троцкій, Зиновьевъ — все это журналисты или адвокаты или, даже, то и другое вмѣстѣ. Конечно, не отъ того это происходитъ, что адвокаты и журналисты пекутся изъ какого-то особеннаго тѣста и даже не потому, что они хорошо владѣютъ перомъ или языкомъ. Происходитъ это, думается, по тѣмъ же причинамъ, въ силу которыхъ забираютъ въ свои руки мірской сходъ и подсказываютъ ему свои рѣшенія, не найболѣе совѣстливые и разумные мужики, а найболѣе горластые и озорные. Наглость и самомнѣніе, такъ невыгодно отличающія большинство адвокатовъ и журналистовъ, драгоцѣннѣйшія, необходимѣйшія качества для дѣятелей революціи. Вѣдь они не смѣютъ колебаться, имъ все должно быть ясно, ими все предрѣшено. Гамлетовщина — для революціонера самоубійство. Онъ не можетъ не быть самоувѣреннымъ невѣждою; какъ только онъ начнетъ не дѣйствовать слѣпо, а размышлять, онъ погибъ для революціи. Въ процессѣ кипѣнія, революція, какъ пѣну, выбрасываетъ поверхъ котла щепки, соръ, всякую дрянь. Что нелегковѣсно, остается на днѣ. И каждая щепка ду-

маетъ, что это она командуетъ клокочущей стихіей, а не стихія швыряетъ ее, куда хочетъ.

83.

Что такое русское общественное мнѣніе? Я думаю, что его, собственно, нѣтъ, да никогда и не было. Въ чеховскомъ разсказѣ о чествованіи юбиляра, на одномъ концѣ стола кричатъ „ура!", на другомъ — „бей его!" Каково же было истинное общественное мнѣніе объ юбилярѣ? Анекдотъ? Выдумка художника? Спросите К. Бальмонта, такіе-ли анекдоты бываютъ въ жизни. Послѣ семилѣтняго отсутствія, Бальмонтъ, въ ореолѣ политическаго изгнанника, (неужели мы могли быть такъ наивны? А были, были!) возвращается въ Россію. Чуткіе петербуржцы хотятъ привѣтствовать любимаго поэта. Устроивается ужинъ-gala! Участвуетъ весь цвѣтъ интеллигенціи. За ужиномъ „любимцу боговъ" благодарные сограждане, извините за грубое выраженіе, „набиваютъ морду". Для существованія общественнаго мнѣнія необходимы: минимальное уваженіе къ самому себѣ и, слѣдовательно, другимъ, и общее признаніе хотя бы самаго незначительнаго числа моральныхъ, культурныхъ и политическихъ цѣнностей. Для англійскаго и французскаго, скажемъ, общества, при всемъ разнообразіи оттѣнковъ сужденій, существуютъ нѣкоторыя положенія, воспринимаемыя всѣми, какъ безспорныя. Ихъ нарушеніе сразу вызываетъ отпоръ общественнаго мнѣнія, ибо это послѣднее является извѣстной дисциплиной, съ опредѣленнымъ положительнымъ содержаніемъ. Если, напр., французскимъ общественнымъ мнѣніемъ признано, что нельзя бить юбиляровъ, то кулачная расправа съ Анатолемъ Франсомъ на вечерѣ, устроенномъ въ его честь, встрѣтитъ всеобщее осужденіе. У насъ же надъ аналогичнымъ явленіемъ только добродушно посмѣются. Мы не скифы, какъ увѣряетъ А. Блокъ, мы — хамы, каждый вершокъ въ насъ — хамъ.

84.

Мы всѣ-люди безъ паспорта, безъ прошлаго, безъ традицій, безъ нитей, пріобщающихъ насъ къ культурному достоянію предковъ, — а вѣдь таковое было. Мы голые люди. Эта моральная нагота порождаетъ русское хамство.

Мы тащимъ на улицу и проституируемъ самую возвышенную идею. Мы опошляемъ все, къ чему ни прикоснемся. Мы за панибрата съ Сократомъ, Шекспиромъ, Бетховеномъ, ибо хамъ все, включая Вседержителя, рисуетъ себѣ въ хамскомъ видѣ, какъ негры воображаютъ Христа тоже негромъ.

85.

„У Деникина была душа военнаго писаря", сказалъ мнѣ политическій дѣятель, близко стоявшій къ Деникину и съ воодушевленіемъ, казалось, проводившій его политику на югѣ Россіи. Оставимъ Деникина въ покоѣ. Вотъ вамъ типичнѣйшій образчикъ русскаго хамства; человѣкъ у власти, раздаетъ чины и оклады, онъ — геній, у него цѣлуютъ руки (*буквально:* 30 мая 1919 г., въ день признанія Колчака Деникинымъ). Разбитый врагомъ, послѣ нечеловѣческой борьбы, тотъ же Деникинъ становится предметомъ поруганія. Съ чьей стороны? Да тѣхъ же, что еще чуть не вчера, недѣлями, какъ счастья, выжидали аудіенціи у него. Потерпѣвъ пораженіе и, выражаясь по нынѣшнему, интернированный на Эльбѣ, Наполеонъ возвращается во Францію. Войска, не колеблясь, переходятъ на сторону полководца, которому счастье уже измѣнило. Оно измѣняетъ ему еще разъ, подъ Ватерлоо, но это не мѣшаетъ гренадерамъ рыдать при прощаніи съ императоромъ. Еслибы наполеоніада разыгривалась бы въ Россіи, сами приближенные связали бы его, при погрузкѣ на Эльбѣ, или надавали бы пинковъ въ Фонтенебло. Какъ безжалостно топятъ Врангеля тѣ же люди, что недавно, захлебываясь, пѣли хвалу ему.

86.

Я, какъ и все поколѣніе 900-хъ годовъ, былъ воспитанъ если не въ прямомъ презрѣніи, то на холодномъ пренебреженіи къ офицерству. „Пушечное мясо", „тупые люди, пригодные лишь на то, чтобы убивать другихъ или самимъ быть убитыми". „физическая сила, которою держится сгнившій строй"-вотъ, приблизительно, шаблоны, по которымъ мы мыслили объ офицерствѣ. Мы, конечно, знали, что всѣ замѣтные декабристы, кромѣ Каховскаго, были офицеры, мы помнили, что офицерами были и Лермонтовъ, и Левъ Толстой, и Достоевскій, и Фетъ-Шеншинъ, и Лавровъ, и

Крапоткинъ, — но всѣхъ ихъ мы считали тѣмъ исключеніемъ, которое не колеблетъ правила. Я сталъ прозирать въ 1917 г. и окончательно упала пелена съ моихъ глазъ, когда мнѣ выпало счастье провести нѣсколько дней въ боевой обстановкѣ. Русскіе офицеры! Будетъ время и не повѣрятъ потомки, что могли существовать на грѣшной землѣ люди, во всемъ, казалось бы, похожіе на насъ, съ такою же плотью и кровью, а на самомъ дѣлѣ возвышающіеся надъ нами, какъ вершина Монблана возвышается надъ долиною Роны. И создадутъ потомки легенды о герояхъ, и окутаютъ память ихъ поэтическою дымкою . . . А пока весь міръ, англичане, друзья-французы и даже русскіе люди, вродѣ Милюкова и Зензинова, распинаютъ святую нашу армію: кто дробитъ голени, кто доколачиваетъ послѣдній гвоздь въ руку, кто помилосерднѣе — готовитъ на копьѣ губку съ уксусомъ... Сжальтесь! Нѣтъ, не сжалитесь, политика не знаетъ жалости! О себѣ подумайте! Русскіе крестоносцы сражались не только за Россію; они отстаивали, противъ новыхъ Гунновъ, свободу, культуру и достояніе всѣхъ народовъ Запада. Еслибы не Колчакъ, Деникинъ и Врангель, давно бы Европа была залита такимъ океаномъ крови, предъ которымъ игрушечными показались бы всѣ человѣческія гекатомбы недавней міровой бойни. А теперь опасность развѣ миновала? Какъ же можно соглашаться на распыленіе врангелевской арміи, на уничтоженіе единственно вѣрнаго орудія борьбы противъ большевизма?

87.

Русскій средній офицеръ — существо достаточно забитое, нищее и измызганное; старый строй имъ держался, но самъ его не поддерживалъ. Никогда офицерство наше не было кастою и ему чужды всѣ отрицательныя стороны кастоваго духа, такъ живо представленныя въ „Маленькомъ гарнизонѣ“ Бильзе. Я разумѣю офицеровъ, находившихъ удовлетвореніе въ своемъ дѣлѣ, любившихъ его, а не тѣхъ, которымъ рѣшительно все равно было стать военнымъ, священникомъ или акцизнымъ. Конечно, въ арміи было не мало людей, случайно попавшихъ въ ея среду, даже тяготившихся ею и, въ своихъ мундирахъ, остававшихся глубоко-штатскими людьми, съ интеллигентски-трухлявою ду-

шонкой. Къ числу ихъ принадлежатъ почти всѣ герои купринскаго „Поединка", гдѣ представленъ бытъ не военныхъ людей, а обывателей, которымъ все военное, кромѣ форменнаго одѣянія, чуждо. Наша литература знаетъ другіе образы офицеровъ, писанные тоже офицерами, и вдобавокъ боевыми. Я говорю о лермонтовскомъ Максимѣ Максимычѣ и толстовскомъ капитанѣ Тушинѣ. Купринскіе персонажи проиграли японскую кампанію 1904 года, и недавно составляли ту массу осторожныхъ „выжидающихъ", которая примыкала то къ краснымъ, то къ бѣлымъ, въ зависимости отъ видовъ на окончательную побѣду Не таковы Максимъ Максимычъ и Тушинъ: подъ неказистой внѣшностью они таятъ настоящую душу солдата; это люди истиннаго, глубоко прятаемаго отъ другихъ, безстрашія и самоотверженія. Максимъ Максимычей и Тушиныхъ съ 14 года били нѣмецкіе пулеметы, въ клочья рвали „чемоданы", душили ядовитые газы; въ 17 году — ихъ топили, варили въ пару, бросали въ пылающую нефть свои же братья въ Кронштадтѣ, Севастополѣ, Владивостокѣ; съ 1918 большевики сдираютъ кожу съ ихъ рукъ и череповъ, вырѣзываютъ имъ лампасы на тѣлѣ, прибиваютъ гвоздями погоны къ плечамъ, насилуютъ ихъ женъ и дочерей, разстрѣливаютъ малолѣтнихъ дѣтей; недавно добрые союзники бросили ихъ на какую то турецкую свалку и осудили на голодную смерть, — и все-таки ничего нельзя подѣлать съ Максимами Максимычами и Тушиными, хотя жатвенная машина смерти десятки разъ прошла надъ ихъ непреклонными головушками! Не падаютъ духомъ и просятъ объ одномъ: „не мѣшайте намъ сохранить горсточку солдатъ, — они еще пригодятся Россіи: это будетъ тотъ мускусъ, который въ моментъ послѣдняго натиска недуга на организмъ, производитъ благодѣтельный переломъ въ болѣзни и гонитъ прочь мрачную смерть".

88.

Геройство безъ рисовки, страданіе безъ жалобъ, терпѣніе безъ конца, самопожертвованіе безъ позы, патріотизмъ безъ фразы — вотъ русскій офицеръ, какимъ намъ показали его 1917—1921 годы. *Средній* русскій офицеръ — аполитиченъ, онъ только націоналенъ. Онъ не грозитъ намъ ни

реставраціей, ни преторіанствомъ. Онъ, молчавшій, онъ, дѣйствовавшій, онъ поможетъ намъ вернуть родину, а не ученые дрозды, до головной боли насвистывающіе одну и ту же фальшивую партійную пѣсенку. „Кшш... постылые!"

89.

„Новая тактика", „новая тактика"... Какая новая тактика? Опытъ, видите-ли, выяснилъ, что оружіе не можетъ сломить большевизма. Долой, поэтому, оружіе! Что это? Усталость и апатія, охватывающія слабыхъ въ минуту опасности, когда они закрываютъ глаза и отдаются волѣ Божьей, забывая, что только тому помогаетъ Богъ, кто самъ себѣ помогаетъ? Или это институтско-маниловское щебетанье, совершенно не дозволительное въ устахъ зрѣлаго мужа? Или же это такая чудовищная оторванность отъ дѣйствительности, такое глубокое невѣдѣніе истиннаго положенія Совѣтской Россіи, при которыхъ должно молчать и прислушиваться, а не выступать въ роли совѣтчика и судьи? Если „генералы" будутъ вести противонародную политику или солдаты не будутъ имѣть сапогъ, бѣлья, платья, хлѣба, патроновъ и медикаментовъ, то, конечно, генералы не сдѣлаютъ ничего. Но можно-ли вообще сказать, что „генералы", уже потому только, что они генералы, никакъ не могутъ быть избраны орудіемъ освобожденія Россіи? Нѣтъ, безъ генераловъ не обойтись, потому что ни организовать планомѣрно возстаніе внутри, ни руководить тѣмъ регулярнымъ военнымъ ядромъ, которому будетъ принадлежать рѣшающая роль въ послѣднемъ столкновеніи, — кромѣ генераловъ некому. „Новая тактика" требуетъ отказа отъ интервенцій. Что такое интервенція? Если подъ нею разумѣть вмѣшательство иноземной вооруженной силы, то спорить тутъ не приходится: вмѣшательство было бы лишь наруку большевикамъ, позволивъ имъ задрапироваться въ тогу защитниковъ попираемаго національнаго чувства. Такая интервенція или укрѣпила бы большевиковъ или, въ лучшемъ случаѣ, обезпечила бы ихъ возвратъ послѣ ухода оккупантовъ. Освобожденіе Россіи отъ большевизма должно быть сдѣлано только русскими руками. „Я тебя родилъ", говоритъ Тарасъ Бульба Андрію: „я тебя и убью!" Русскій народъ, солдатъ, рабочій и

мужикъ — родилъ большевизмъ, русскій народъ долженъ и убить его. Но есть и другого рода интервенція — экономическая, и она то во всякомъ случаѣ пріемлема, желательна и необходима. Широкая помощь военнымъ снаряженіемъ и кредитомъ не оскорбительна для національнаго самолюбія; послѣ пораженія большевизма (а въ этомъ пораженія коммунисты сомнѣваются столь же мало, какъ и не-коммунисты) у побѣдителей будетъ достаточно средствъ для расплаты съ кредиторами. Такой интервенціей, лишь за наличныя, сейчасъ широко пользуются сами большевики. Извѣстно-ли, кстати сказать, большой публикѣ, что ген. Врангелю не ссудили ни одного франка, не отпустили въ кредитъ ни одного патрона? Какой тамъ кредитъ! Изъ своей скудной казны онъ за наличныя купилъ аэропланы въ Болгаріи. Англичане не выпустили ихъ въ Крымъ. „Новая тактика", — это нехорошая и старая тактика. Тактика непротивленія злу, тактика какого-то политическаго Пацюка, который ждетъ, чтобъ вареники сами, окунувшись сперва въ сметанѣ, прыгали ему въ ротъ.

90.

Тэнъ находитъ, что все искуство и міросозерцаніе древняго грека были обусловлены чувствомъ мѣры, разлитымъ въ природѣ Эллады, гдѣ всѣ элементы красоты (море, горы, лѣса) сливались въ гармоніи. Русская природа воспитала насъ на отсутствіи чувства мѣры, на утратѣ его, на потерѣ всякаго масштаба. Выходя за ворота древне-греческаго города, вы попадали уже въ другое государство. Отъ Вержболова до Владивостока вы ѣхали 15000 верстъ по русской землѣ. У насъ если лѣса, такъ ужь лѣса, вродѣ архангельскихъ или сибирской тайги, которые вмѣстятъ въ себя полъ-Европы; если пушка, такъ ужь такая, что изъ нея и палить нельзя; если колоколъ, то никакая колокольня его не держитъ, если революція, то самому пеклу жарко становится. „Размахнись рука, раззудись плечо!" — все это тотъ максимализмъ русской души, который смѣется надъ нѣмецкими умѣренностью и аккуратностью и знаетъ лишь двѣ „мѣры: или все или ничего. А безъ масштаба строить что-либо, кромѣ классическаго „тяпъ, ляпъ, да и корапъ", довольно затруднительно.

91.

Струве могъ и долженъ бы быть однимъ изъ вождей, но толпа никогда не пойдетъ за нимъ: онъ слишкомъ высокъ для нея, чтобы не быть одинокимъ. Это суровый, честный и безстрашный умъ: онъ не побоится всякую свою мысль довести до конца и никогда не устыдится и не скроетъ собственнаго логическаго пораженія. Умъ, однако, не русскій; здѣсь нѣтъ той поправки на ирраціональность, которою всегда кокетничаетъ русскій умъ. Струве напоминаетъ тургеневскаго поэта Юнія, умѣвшаго схватывать настроенія массы за полчаса до того, какъ она ихъ осознавала. Толпа не понимала поэтому Юнія, освистывала его, а черезъ полчаса вѣнчала лаврами Юлія, повторявшаго юніевскія же рѣчи: за этотъ промежутокъ толпа доросла до Юнія, но самъ онъ опять ушелъ впередъ. Основоположникомъ марксизма въ Россіи былъ Струве; когда марксизмъ, усиліями Юліевъ, пошелъ, какъ накрашенная дама, гулять по панели, Струве сталъ основоположникомъ патріотизма и опять очутился въ положеніи Юнія.

92.

Мрачна бѣженская психологія: отсутствіе привычнаго дѣла, тоска по родному углу, тяжелая борьба за неприглядное существованіе, правовая и матеріальная необезпеченность, — не люди, а призраки. Но страдаютъ они не по призрачному: они ссорятся, грызутся, сплетничаютъ, клевещутъ, завидуютъ другъ другу... Чего не сдѣлаешь въ отравленной атмосферѣ бездѣлья и нужды? Понять ихъ надо, а не травить. Кричатъ: „такова-ли была эмиграція во времена Герцена?“ Во-первыхъ, именно, точь въ точь, такова, хотя всѣхъ-то эмигрантовъ можно было усадить за одинъ среднихъ размѣровъ столъ. Сколько ихъ было? Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, Эдельсонъ, Долгорукій... Еще кое-кто. А вѣдь насъ — цѣлыхъ 2 милліона. Во-вторыхъ, хорошо было самому Герцену: ему принадлежали отель въ Парижѣ, на rue Amsterdam, и кругленькая сумма — на текущемъ счету у Ротшильда. Когда Александру Ивановичу надоѣдала эспаньолка Наполеона III, онъ уѣзжалъ въ Лондонъ или Лозанну. Это эмиграція — экспрессъ, эмиграція —

люксъ, а нашъ бѣженскій поѣздъ — разбитыя теплушки, вагоны „8 лошадей или 40 человѣкъ". „Въ Константинополѣ на моихъ глазахъ", — разсказывалъ человѣкъ, которому я не могу не довѣрять, — „русскій офицеръ продавалъ свою молодую жену турку; они долго торговались, наконецъ, одинъ уступилъ, другой накинулъ и сдѣлка состоялась". Возмущены вы или растроганы?

93.

Карамзинъ на своемъ прекрасномъ старомодномъ, звучащемъ, какъ клавикорды, языкѣ различаетъ три вида любви къ отечеству; она можетъ быть физическая („человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія", по ядренному выраженію нигилистовъ — „любовь коровы къ стойлу"), нравственная („съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ") и политическая („мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная"). Трудно согласиться съ этими мыслями: первые два вида любви — собственно любовь не къ отечеству, а скорѣе къ старому, мягко-грѣющему халату, къ теплой лежанкѣ и привычнымъ лицамъ, что же касается „политической любви", то какая-же это любовь, которая вытекаетъ изъ соображеній „собственной пользы?" Это ужь не любовь, а расчетъ. Вл. Соловьевъ находилъ нужнымъ оправдывать добро. Если нужно логически обосновывать любовь къ отечеству, — естественное чувство всякаго неизвращеннаго человѣка — то, думается, она проистекаетъ (да будутъ прощены мнѣ не старомодныя, а просто уже „забытыя слова") изъ необходимости для каждаго нравственно обосновать право на жизнь — трудомъ для облегченія и улучшенія общей жизни. Альтруистическій мотивъ съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ въ близкой намъ духовно и потому наиболѣе благопріятной средѣ Я люблю отечество потому, что только въ немъ моя личность можетъ наиболѣе полно развернуть всѣ духовныя возможности, сдѣлать поэтому здѣсь больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, для общаго блага и тѣмъ доставить мнѣ наиболѣе полное моральное удовлетвореніе. Жить для отечества только и даетъ право на жизнь, даетъ счастье жизни.

94.

„Проклятый городъ Кишиневъ! Тебя бранить языкъ устанетъ . . .“ Буржуазія, злосчастная буржуазія! Никто у насъ не уставалъ бранить буржуазію. А по настоящему, надо только пожалѣть, что ея почти не было и пожелать, чтобъ наконецъ-то она укрѣпилась на Руси (я говорю о средней и крупной промышленной буржуазіи, мелкую земельную Ленинъ уже создалъ). Буржуазный классъ въ зачаткѣ, конечно, у насъ былъ, но у него не было классового самосознанія и потому буржуазія напоминала какой-то кисель: чтобы ѣсть ее, не надо было тратить никакихъ усилій, достаточно было имѣть ложку, а то просто можно было брать пригоршнями. И, дѣйствительно, ее „ѣли“ всѣ, кому не лѣнь: и правительство, которое третировало en canaille своего естественнаго союзника, и интеллигенція, считавшая буржуазію темною силою, хотя именно буржуазія исторически вездѣ была стражемъ политическихъ свободъ, источникомъ и хранителемъ прогресса, и рабочіе — съ ихъ сакраментально-лживой фразой о „достаточномъ испитіи кровушки“, и даже крайніе лѣвые, начиная съ Ленина и Максима Горькаго, умудрялись у этой же самой „презрѣнной“ буржуазіи брать деньги на агитацію противъ ея же самой. Исторія самоубійства Саввы Морозова — прообразъ судебъ всей нашей буржуазіи: она погибла, и своимъ паденіемъ обезкровила государство, потому что никакъ не могла разобраться, — обыкновенная-ли она буржуазія, безъ которой, часу не можетъ стоять государство, или же такое видоизмѣненіе буржуазіи, что въ ней и буржуазнаго ничего нѣтъ („самимъ Ленину и Максиму деньги даемъ“), т. е. сапоги въ смятку.

95.

Русскій „торговый мужикъ“, какъ звали представителей промышленной буржуазіи въ старой Москвѣ, былъ человѣкъ большого государственнаго розмаха и разума; онъ собиралъ Россію не такъ шумно и замѣтно, какъ московскіе цари, но не менѣе прочно. Это онъ поклонился родинѣ Сѣверомъ и всею Сибирью. Это онъ изъ рядовъ своихъ выдвинулъ Минина, когда пришло первое лихолѣтье. А что

дѣлали современные „торговые мужики“, когда пришло второе лихолѣтье, — гроза 14 года и революція 17-го? Спекулировали на крови и переводили валюту заграницу. Гдѣ нынѣшніе Минины? Я помню рѣчь одного изъ донскихъ министровъ, Мельникова, въ засѣданіи Круга, въ Новочеркасскѣ. Онъ называлъ фамиліи, приводилъ факты и цифры, — какія блестящія купеческія фамиліи, какіе убійственные факты, какія астрономическія цифры! . . . Нѣкто, напр. взялъ авансомъ у правительства *восемьдесятъ милліоновъ* рублей (по тогдашнему курсу — *четыреста тысячъ англійскихъ фунтовъ*) въ счетъ поставки рыбы для арміи и дѣйствительно доставилъ *три съ половиною пуда* осетрины (которую, между прочимъ, немедленно съѣли сами чины присутственнаго мѣста, куда осетрина была препровождена), и затѣмъ скрылся. Фунтъ осетрины обошелся правительству, такимъ образомъ, приблизительно въ 600.000 рублей! Бокалъ съ растворенною въ уксусѣ жемчужиной (бываютъ же вкусы!), который Антоній поднесъ Клеопатрѣ, — нищенское угощеніе въ сравненіи съ новочеркасскою осетриною. Два слишнимъ часа, спокойнымъ мѣрнымъ голосомъ, называлъ г. Мельниковъ новыхъ Мининовъ и излагалъ ихъ подвиги. Новаго Минина не представляешь себѣ иначе, какъ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

96.

Эсъ-эры считаютъ себя естественными наслѣдниками большевиковъ и Керенскій съ Черновымъ уже распредѣляютъ портфели. Этого же мнѣнія склонна держаться и часть буржуазіи: „помилуйте, эсъ-эры такъ популярны въ народѣ. Вспомните-ка, въ какомъ большинствѣ прошли они въ Учредительное Собраніе . . . А сверхъ того, это единственно организованная партія, имѣющая корни въ низахъ“. Думается, эсъ-эровскимъ вожделѣніямъ суждено остаться тщетными. Начать съ того, что нынѣ утраченъ самый смыслъ существованія партіи и даже право на старое ея именованіе. Кому нужны революціонеры, когда революція уже свершилась, и соціалисты, когда для всѣхъ выяснилось, что народъ хочетъ не соціализаціи, а частной собственности? Возможенъ, конечно, какой-то ревизіонизмъ, пересмотръ

программы, но сколько ни штукарьте фасадъ, фундаментъ партіи, ея логическое и политическое обоснованіе, рухнули. Имѣетъ-ли она корни въ низахъ? Сомнѣваюсь: будь, дѣйствительно, эти корни, народъ не выдалъ бы партіи, не позволилъ бы матросу Желѣзняку отправить спать членовъ эсъ-эровскаго Учредительнаго Собранія, какъ посылаютъ спать дѣтей. А если даже были какіе-нибудь корнишки, то послѣ четырехлѣтнихъ соціалистическихъ экспериментовъ, мужикъ при одномъ словѣ „соціалистъ" будетъ хвататься за вилы. Сочувствіе интеллигенціи къ эсъ-эрамъ вообще не могло бы поднять ихъ шансовъ, вдобавокъ теперь оно испарилось. Интеллигенція до неприличія, до какого-то элемента спротивности, поощряла террористическую борьбу эсъ-эровъ съ агентами царскаго правительства (аплодисменты при чтеніи телеграммы о покушеніи на адм. Дубасова, отказъ Г. Думы осудить терроръ и т. д.) и была твердо увѣрена, что партія проявитъ и въ борьбѣ съ большевиками прежнія энергію и неутомимость. Эсъ-эры же правильно разсудили, что бить, какъ куропатокъ, мирныхъ сановниковъ — легче и безопаснѣе, чѣмъ производить покушенія на вооруженныхъ „товарищей", тоже добрыхъ мастеровъ террора. Партія провозгласила отказъ отъ террора противъ большевистскихъ террористовъ и престижъ ея, мрачный и кровавый, но все-таки престижъ, — въ глазахъ интеллигенціи разсѣялся. Эсъ-эрамъ, какъ эсъ-эрамъ, уже не воскреснуть, но смрадъ и грязь, которые они оставили, долго еще будутъ давать себя чувствовать. Среди этихъ сентиментальныхъ убійцъ только одинъ человѣкъ твердо зналъ, чего онъ хочетъ, но и то — это былъ Азефъ!

97.

Не соціализмъ страшенъ буржуазіи, а соціалисты, особливо русскіе, т. е. невѣжественные, самоувѣренные и тупые. Ужъ по одному тому онъ не страшенъ, что большевиками соціализмъ скомпрометтированъ во всемъ мірѣ на многіе и многіе годы. У соціализма есть положенія, которыя буржуазія должна себѣ усвоить, и заданія, которыя она, въ цѣляхъ самосохраненія, должна выполнить. У соціализма есть, чему поучиться и чѣмъ позаимствоваться. У соціалис-

товъ можно поучиться лишь одному; какъ разрушать государство.

98.

Соціалисты тѣмъ страшнѣе для государства, чѣмъ они умѣреннѣе. Плехановы гораздо опаснѣе и вреднѣе Ленинныхъ. Крайности соціализма въ самихъ себѣ уже носятъ противоядіе, какіе-то антитоксины. Режимъ большевиковъ, голый, грубый, желѣзный, непереносимъ и будетъ свергнутъ народомъ. Режимъ умѣренныхъ соціалистовъ былъ бы пріодѣтъ условностями, временно шелъ бы на компромиссы, рубилъ бы по живому тѣлу не иначе, какъ подъ хлороформомъ, и незамѣтно, не вызвавъ въ народѣ спасительнаго сопротивленія, привелъ бы все равно къ неизбѣжному, одинаковому, что и у большевиковъ, слѣдствію: гибели буржуазіи и государства. Даже убогіе энъ-эсы, партія, которая по краснотѣ и крохотности всего болѣе напоминаетъ божью коровку, и тѣ вреднѣе большевиковъ: при встрѣчѣ съ медвѣдемъ можно или свалить его или отскочить въ сторону, но трудно уберечься отъ незамѣтныхъ паразитовъ, передающихъ сыпной тифъ.

99.

Всѣ старыя политическія партія, справа на-лѣво, тоже есть старый режимъ и никакая, съ прежнею программою, вернуться въ Новую Россію не можетъ. Одна изъ нихъ (правое крыло к.-д.) на нашихъ глазахъ начала трудный процессъ самоперерожденія. Но не ей, при всѣхъ ея положительныхъ сторонахъ, принадлежитъ будущее; какъ чисто интеллигентская, не она будетъ тою, за которою пойдетъ океанъ-народъ. За тѣми лишь хлынетъ онъ и вынесетъ того на гребень, кто сумѣетъ формулировать его, народа, собственную идеологію, близкую къ землѣ, какъ самъ народъ, очистившійся въ огнѣ большевизма отъ многихъ скверны. Понять и выразить политическое „вѣрую" народа — вотъ повелительная задача дня. Угадать мысли господина. Стать языкомъ его.

100.

Что будетъ „на другой день?" Послѣ сверженія большевизма, которое послѣдуетъ столь же внезапно и быстро,

какъ пало и самодержавіе, воцарится или анархія, еще болѣе хаотичная, нежели „совѣты“, или военная диктатура. Третьяго не дано. Всякое третье будетъ первымъ, т. е. тѣмъ же хаосомъ. Если сперва даже воцарится анархія, то закончится она все-таки военною диктатурою. Послѣ попранія всяческаго права путь въ рай правовыхъ началъ идетъ чрезъ чистилище военной диктатуры, которой конецъ придетъ лишь послѣ того, какъ право, путемъ принужденія, станетъ силою. Старый споръ о темъ, сила-ли является источникомъ права или право источникомъ силы, по своей наивности напоминаетъ препирательства уѣздныхъ барышенъ на тему: „что лучше? ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?“ Право безъ силы не можетъ претвориться въ жизнь и потому является насмѣшкой надъ правомъ; сила безъ права всегда можетъ создать внушительное право и стать силою — правомъ. Послѣ паденія большевизма сила должна будетъ насадить право. Успѣшно же командовать вооруженною силою не можетъ ни коллегія, ни мирный гражданинъ. А потому безъ „генерала“ не обойтись. Жизнь требуетъ Бонапарта и она создастъ его, позволяютъ-ли это наши бумажныя программы или запрещаютъ.

101.

Русскій Бонапартъ будетъ, но будетъ-ли у него свое „18 брюмера“ и будетъ-ли когда-либо русскій бонапартизмъ, въ этомъ сомнѣваюсь. Для этого нуженъ ореолъ внѣшнихъ побѣдъ, ослѣпляющее зрѣлище утвержденія національной идеи подъ чужими широтами и долготами, личное легендотворчество и склонность къ воспріятію цезаристской легенды народомъ. — этихъ условій нѣтъ на Руси. Русскій Бонапартъ въ Наполеоны не попадетъ. Откуда онъ придетъ, Бонапартъ? Не могу забыть унтеръ-офицера л.-гв. Волынскаго полка Кирпичникова. Эта-была та копѣечная свѣча, отъ которой сгорѣла Москва. За всю исторію Россіи Кирпичниковъ былъ первый, который открыто, никого не обманывая, вывелъ на улицу императорскія войска противъ императорской власти. Шли на царя и Стенька Разинъ, и Пугачевъ, и декабристы, но всѣ они шли во имя поддержки попираемаго будто бы монархическаго принципа: Разинъ,

чтобы избавить царя-батюшку отъ лиходѣевъ-бояръ, Пугачевъ — потому, что онъ самъ былъ „царь“, у котораго злая жена отняла престолъ; декабристы увлекли солдатъ за собою, объяснивъ имъ, что Николай обманомъ хочетъ лишить короны Константина и что конституція, въ честь которой сейчасъ надо кричать „ура!“, есть жена Константина. Задачу сверженія царизма Кирпичниковъ ставилъ на чистоту, безо всякаго флера. Черезъ нѣсколько дней послѣ отреченія царя Кирпичниковъ провелъ у меня вечеръ и подробно разсказалъ всѣ памятныя событія. Ему нацѣпили Георгія, во всѣхъ журналахъ были напечатаны его портреты, Керенскій куда-то уже возилъ его, но весь этотъ шумъ нисколько не вскружилъ головы Кирпичникову. Предо мною сидѣлъ до застѣнчивости скромный, вѣжливый и по своему воспитанный деревенскій парень, съ выправкою и манерами примѣрнаго гвардейскаго служаки, о которомъ ротный командиръ говоритъ: „ну, этотъ не выдастъ...“ У Кирпичникова не было ни опредѣленнаго плана, ни одного пособника, онъ не былъ орудіемъ ни одной изъ партій, потому что даже не зналъ толкомъ, какія такія партіи бываютъ на свѣтѣ. Проведя весь день на „усмиреніи“, онъ, взволнованный, не спалъ ночь и утромъ предложилъ товарищамъ по казармѣ идти бить полицію: „зачѣмъ она народъ мучаетъ?“ Втеченіе дня, пока Кирпичниковъ втягивалъ въ возстаніе другія части петроградскаго гарнизона, столько разъ счастье оборачивалось къ нему спиною и столько разъ угрожалъ вовсе потухнуть едва занимавшійся огонекъ революціи, что я диву давался, слушая безхитростный, чуждый малѣйшей рисовки, разсказъ. Съ одной стороны, русская революція была неизбѣжна и безо всякаго Кирпичникова. съ другой-когда бы еще она пришла, не найдись жалостливый Кирпичниковъ. Всѣ привычныя понятія, экономическій матерьялизмъ, карлейлевская теорія „героевъ“, полѣзли, въ моемъ воображеніи, съ кулаками другъ на друга, и я почувствовалъ, какъ богиня Кліо тихо стала мѣшать чайною ложечкою въ моемъ мозгу... Вотъ готовая схема русскаго Бонапарта: второй Кирпичниковъ поведетъ красноармейцевъ противъ совнаркомовъ столь же для самого себя неожиданно, какъ противъ царизма повелъ гвардейцевъ первый.

102.

Не могъ существовать строй, гдѣ попы служили полиціи (Гапонъ), полиція служила революціи (Азефъ), революція — чужой державѣ (Бьюкенэнъ), а дворъ — конокраду (Распутинъ).

103.

Послѣ революціи отечественное хамство стало пухнуть, точно капуста отъ поливки. Какой-то пройдоха въ рясѣ предложилъ, въ виду замѣны царизма совѣтской властью, молитву „Царю небесный“ читать „Совѣте небесный“; Шаляпинъ, зачѣмъ-то разъ публично ставшій предъ царемъ на колѣни и тѣмъ весьма смутившій скромнаго по натурѣ императора, заявляетъ, что только теперь, получивъ званіе „солиста совѣтовъ“, онъ сталъ счастливъ; Гредескулъ, торговавшій своимъ положеніемъ члена центральнаго комитета к.-д. партіи, задѣлался большевикомъ и приглашаетъ бѣженцевъ вернуться на родину, т. е. для Че-ка играетъ ту же роль, что визжащій поросенокъ-приманка при охотѣ на волковъ; буржуазнѣйшій изъ буржуазовъ, Іеронимъ Ясинскій, въ одномъ изъ своихъ романовъ доказывавшій, что евреи употребляютъ кровь для ритуальныхъ цѣлей, заявилъ Луначарскому, что въ „душѣ“ (а, по моему, у него и души-то нѣтъ: только „паръ“, какъ говаривала моя няня) онъ всю жизнь былъ большевикомъ; Гржебинъ, поддѣлывавшій векселя покойнаго Леонида Андреева, нынѣ насаждаетъ культуру въ Совѣтіи и, придавивъ колѣнкомъ горло голодныхъ писателей, покупаетъ полныя собранія ихъ сочиненій за мѣшокъ гнилого картофеля; Максимъ Горькій, художественный талантъ котораго заслуживаетъ вѣнца, а цивическое поведеніе — веревки, за деньги продался большевикамъ, которыхъ самъ ожесточенно громилъ въ „Новой Жизни“, и пишетъ Ленину дифирамбы столь неприличные, что исторія придворной лести не знаетъ имъ подобныхъ... Это больше, чѣмъ хамство: это какое-то Эльдорадо хамства, всемірная, внѣ конкурса, его выставка!

104.

Неужели такъ-таки и казнить Максима Горькаго, когда мы вернемся и, если, конечно, къ тому времени онъ

опять не убѣжитъ на какой-нибудь островъ? Убила же революціонная Франція Лавуазье? Да, убила, но тѣмъ запятнала себя и, по правильному выраженію историка, укоротила всю націю на цѣлую голову. Не дай Богъ разыграться бѣлому террору: только фигурамъ большевизма долженъ быть сдѣланъ шахъ и матъ, но полная амнистія — всѣмъ его пѣшкамъ! Максимъ Горькій больше, чѣмъ фигура: онъ пророкъ и вдохновитель невѣжественныхъ палачей. Онъ водитъ рукою Дзержинскаго, онъ въ кровавомъ убрусѣ, незримый, идетъ впереди латышей. И все-таки нельзя казнить его. При своемъ сатанинскомъ честолюбіи онъ, видя, что игра проиграна и надо платить, пожалуй, только и думаетъ теперь перейти въ исторію политическимъ мученикомъ. Онъ не достоинъ казни, но и не можетъ быть оставленъ безъ наказанія. Одинъ мой пріятель совѣтуетъ ограничиться публичною поркою Горькаго, давъ ему *одну* только розгу, не болѣе, чтобы никакого элемента физическаго мучительства тутъ не было. Получи одну розгу и живи на свободѣ, *если можешь жить!* Пожалуй, перспектива такой главы въ біографіи и такой отмѣточки въ будущемъ курсѣ русской литературы — для Горькаго пострашнѣе лютой расправы!

105.

У насъ когда начнутъ бить, то битье идетъ какою-то полосою. Помню, опереточный баритонъ Бобровъ соблазнилъ бѣдную гимназистку. И вотъ пошло битье: Боброва били въ Крыму, на Волгѣ, на Уралѣ, въ Сибири; при обширности нашего отечества, никакая земская давность не спасла бы Боброва отъ слишкомъ ему уже надоѣвшихъ побоевъ, если бы онъ не догадался укрыться подъ псевдонимомъ. Пора уже, кажется, и Керенскому подумать о псевдонимѣ. Вѣдь Русь живетъ сейчасъ не только у себя дома, но еще и заграницею, и теперь получается дистанція столь огромнаго размѣра, что, пожалуй, и Боброву позавидуешь.

106.

Я видѣлъ армію Врангеля, и его самого, и въ мирной, и въ боевой обстановкѣ. Онъ — выдающійся стратегъ, исключительный организаторъ и воспитатель массъ, источ-

никъ воодушевленія арміи. Врангель — порывъ, ураганъ, пламя: огнемъ энтузіазма онъ умѣетъ зажигать всѣхъ окружающихъ. Душа солдата — послушный Врангелю инструментъ: онъ ее завораживаетъ, онъ ее устремляетъ, онъ ее направляетъ. Какъ гражданскій правитель, Врангель обладаетъ свѣтлымъ, гибкимъ умомъ. Онъ умѣетъ подниматься надъ преходящими интересами дня, рвать съ вреднымъ прошлымъ и стоять *надъ* интересами отдѣльныхъ классовъ. Россія для Врангеля — все, личные интересы — ничто, партіи и люди — только орудія для служенія родинѣ. Врангель — вождь отъ рожденія, по самой природѣ своей. Онъ былъ имъ, когда его войска, одинъ противъ двадцати, гнали красныхъ, онъ имъ остался, проявивъ истинное величіе души, и въ тотъ горькій часъ, когда съ остатками арміи покидалъ родную землю. Кто помогалъ ему? Никто. Кто мѣшалъ? Всѣ: злорадство тайныхъ враговъ, обгладывавшихъ русскія окраины, какъ шакалы въ пустынѣ рвутъ куски мяса у еще агонизирующаго путника, равнодушіе и и медлительность „друзей“, партійная склока соотечественниковъ. У него уже была въ Галлиполи своя „Св. Елена“ и, вѣрится, еще будетъ свой Австерлицъ . . .

107.

Почти всѣ мы прошли теперь практическій курсъ славяновѣдѣнія. Кто за эти годы бѣженства не ѣлъ шербета со Стамболійскимъ, не пилъ чернаго кофе съ Пашичемъ, не курилъ съ Крамаржемъ? Болгары — это японцы славянства, чехи – его евреи, сербы – его Сандрильона. Боюсь, что курсъ этотъ вызвалъ у экспансивныхъ соотечественниковъ довольно-таки кислую отрыжку. Большинство ихъ, подобно тѣмъ воробьямъ, которыхъ, съ зажигательнымъ составомъ на хвостахъ, княгиня Ольга послала въ предѣлы древлянъ, вернется въ Россію если не совсѣмъ славянофобами, то ужь, конечно, весьма охладѣвшими къ славянской идеѣ. Панславизмъ существовалъ только въ подозрительныхъ умахъ засохшихъ совѣтниковъ Ball Platz'a. Легенда о „русскомъ рублѣ“, катящемся по Дунаю и Балканамъ, и собирающемъ славянство „подъ бѣлаго царя“, лишь на нашихъ дняхъ перестала быть легендою, потому что теперь

красные цари Москвы, дѣйствительно, покатили рубль, но не во имя собиранія славянства, а для повсемѣстнаго укрѣпленія большевизма. О панславизмѣ можно говорить не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ о пантуранизмѣ; это архивныя petits jeux для докторовъ исторіи. Но что славянофильство потерпитъ ущербъ, это сомнѣнію не подлежитъ. Бѣженская масса въ афоризмѣ Бисмарка „всѣ Балканы не стоятъ костей однаго померанскаго гренадера“ готова четыре послѣднихъ слова замѣнить слѣдующими: „одной онучи русскаго мужика“. Бѣженецъ разсуждаетъ, не какъ политикъ, а какъ обиженный, больной и голодный обыватель: „въ свое время мы всѣхъ васъ освободили, теперь изъ-за Сербіи же ввязались въ войну, а вы и визъ на жительство не даете, и работы не предоставляете. Эка невидаль сербскій „размѣнъ“, едва обезпечивающій отъ голодной смерти. Это намъ, русскимъ, наши же русскія деньги возвращаются: много золота перебрала Сербія у Россіи, вотъ она и возвращаетъ часть долга, да только не золотомъ, а скверными бумажками.“ Что отвѣтить на эти обывательскіе вопли? Развѣ лишь указаніемъ, что просто смѣхотворно расчитывать въ политикѣ (да, пожалуй, и въ частной жизни) на какую-то „благодарность“, „справедливую оцѣнку“ и т. д. Политика — дѣло черное, это — не нравоучительная хрестоматія, гдѣ добродѣтель всегда получаетъ конфекты, а порокъ — лозаны. Въ политикѣ порокъ сплошь и рядомъ поѣдаетъ всѣ сласти и, не довольствуясь тѣмъ, еще самъ всыпаетъ лозановъ добродѣтели.

108.

Сербія, обратившись изъ крохотной страны въ крупное королевство С. Х. С. съ 12 милл. гражданъ, получивъ (да еще какой!) выходъ къ морю, заболѣла мегаломаніей и стала смотрѣть на Россію сверху внизъ. Достаточно извѣстна зачаточность сербской культуры, но сербы взяли подъ подозрѣніе русскую культуру и похлопываютъ ее по плечу, какъ баринъ — слугу. Бѣженецъ ущемленъ и отсюда естественное бѣженское брюжжанье. Объ ущербѣ не такого практическаго, вѣрнѣе шкурнаго, славянофильства я говорю. По швамъ трещитъ идейное славянофильство. Съ очевидностью выясняется, какъ разъ въ противоположность реальной

фантастикѣ нашихъ дней, что понятіе „Россія“ шире, чѣмъ понятіе „славянство“, что Россія вмѣщаетъ въ себѣ славянство, а не славянство — Россію, что Россія можетъ прожить безъ славянства, а славянство не можетъ устоять безъ Россіи. Осюда всѣ тяготѣнія славянства къ Россіи, хотябы и къ совѣтской, но только Россіи, безъ пониманія того, что не національная Россія — не есть славянская Россія и вообще даже — не есть Россія. Отсюда же и нашъ выводъ: пусть тихо умираетъ отжившее и никому въ сущности не нужное *романтическое* славянофильство; когда мы встанемъ, его мѣсто заступитъ трезвый расчетъ новаго славянофильства, основаннаго не на общности происхожденія, а на общности экономическихъ и политическихъ интересовъ. Всякому донкихотству приходитъ конецъ и бѣдный ламанчскій рыцарь долженъ же когда-нибудь убѣдиться, что Дульцинея — совсѣмъ не красивая дама, а просто грязная пастушка.

109.

И всѣ мы нѣмые... Какъ бы блестяще мы ни владѣли тѣмъ или другимъ чужимъ языкомъ, заграницею мы все-таки нѣмые... Ужь на что виртуозно писали и говорили на многихъ языкахъ Герценъ и Тургеневъ, и они были нѣмыми въ Западной Европѣ, были чужды ей. Потому что языкъ — больше, чѣмъ средство выраженія мыслей. Языкъ самъ формируетъ мысли, языкъ есть таинство, опредѣляющее все наше міросозерцаніе. Все оно есть преломленіе языка въ психикѣ. Общность національной псйхики утверждена на языкѣ и потому даже въ какомъ-нибудь дворцѣ Majestic чувствуешь себя сиротливѣе, чѣмъ въ послѣдней русской лачужкѣ.

110.

У насъ слишкомъ ужь часто повторяютъ слово „демократія“, такъ что начинаешь бояться, какъ бы оно не испошлилось. Не нужно бить себя въ грудь и божиться, что Новая Россія будетъ демократическою. Какою же другою можетъ быть страна, 90 % гражданъ которой — крестьяне, нынѣ *дѣйствительно* раскрѣпощенные? Конечно, все для народа, все чрезъ народъ, все волею народа. Таково естественное слѣдствіе дѣйствительнаго соотношенія силъ. Въ

излишнемъ усердіи мы всегда готовы, молясь на каждую новую торжествующую формулу, разбивать себѣ лобъ. Слово „народъ“ не должно быть въ Новой Россіи ложно толкуемо, будто это только крестьяне и рабочіе; нѣтъ и мы, остальные 10 %, — тоже народъ. Не потому Ллойдъ-Джорджъ сталъ первымъ министромъ Англіи, что въ юности былъ рабочимъ, а, несмотря на то, что онъ былъ рабочимъ, т. е. происходитъ изъ среды мало-культурной, онъ все-таки пришелъ къ власти, такъ какъ политическія дарованія, а не милость правителя или знатность происхожденія даютъ въ демократической странѣ право на власть.

111.

Когда же прекратятся эти разговоры объ „оріентаціи“ въ области внѣшней политики? Неужели еще не всѣмъ понятно, что только одна у насъ можетъ быть „оріентація“ — русская, на самихъ себя; прежде я добавилъ бы: и на св. Николу, но за послѣдніе 4 года Никола рѣшительно пренебрегаетъ нами. Прежніе союзники отворачиваются отъ насъ: всѣхъ коробятъ заношенный костюмъ, грязный воротничекъ, голодный блескъ въ глазахъ. У насъ будетъ до отвращенія много друзей, когда Россія встанетъ. Александръ III, смѣясь, говаривалъ: „на русскомъ національномъ знамени слѣдовало бы написать: „гдѣ наше не пропадало!“ На національномъ знамени Новой Россіи мы напишемъ: „нигдѣ наше не пропадетъ!“ Мы пойдемъ лишь съ тѣмъ и только до той поры, покуда это *намъ* будетъ выгодно. Кто любитъ горячіе каштаны, пусть самъ таскаетъ ихъ изъ камина.

112.

Объ Учредительномъ Собраніе всѣ толкуютъ, но мало кто думаетъ. Нелегализованная Учредительнымъ Собраніемъ Россія была бы мыльнымъ пузыремъ, только въ конституантѣ — утвержденіе бытія, основа права-силы и страховка отъ покушенія на власть со стороны отдѣльныхъ честолюбцевъ. Съ созывомъ его надо спѣшить, какъ съ посылкою за кислородомъ для умирающаго. Но удастся-ли быстро сдѣлать это въ ужасныхъ условіяхъ разрухи транспорта, отсутствія прессы и бумаги для агитаціи, необходимости вести, вѣро-

ятно не кратковременную, вооруженную борьбу съ разбойничьими шайками, переполняющими провинцію и т. д.? Необходимъ, естественно, и новый избирательный законъ. Во имя формальнаго торжества демократическаго принципа нельзя выдавать этотъ принципъ головою демагогамъ, нельзя продавать самой демократіи, какъ это сдѣлалъ избирательный законъ Керенскаго, предоставлявшій активное и пассивное избирательное право всѣмъ, начиная чуть не на слѣдующій день послѣ отлученія отъ груди. Необходимъ рядъ поправокъ, начиная хотя-бы съ возрастной. Я простого галстуха не довѣрю купить неграмотному деревенскому, 18-лѣтнему парню, потому что онъ выберетъ какое-либо безобразіе, а урву минуту и самъ схожу въ магазинъ: какъ же этому самому парню могу я довѣрить выбрать не фасонъ галстуха, а форму государственнаго бытія великой страны?

113.

За границей возродилась почти вся прежняя печать. Скверное предзнаменованіе: въ ней все осталось безъ перемѣнъ, только въ „Рулѣ" и личныхъ писаніяхъ Савинкова слышишь новыя ноты. „Новое Время" какъ будто попрежнему выходитъ въ Эртелевомъ пер., а не въ Бѣлградѣ; „Волю Россіи" смѣло можете датировать 1917, а не 1921 годомъ. Величайшая міровая катастрофа въ безсиліи отступила предъ этими твердынями окаменѣвшей, безплодной, приходской мысли. Мысли? Нѣтъ! безсмысленнаго упорства въ старыхъ заблужденіяхъ. Жизнь вихремъ мчится мимо, а, за малымъ исключеніемъ, газетные люди все тянутъ на партійныхъ волынкахъ надоѣвшую погудку. Кое-кто, однако, излѣчился отъ соціалистическаго душка, полученнаго, по догадкѣ гоголевскаго Аммоса Федоровича, отъ ушиба въ дѣтствѣ мамкою, напр. Е. Н. Чириковъ. Революція выдвинула изъ новыхъ талантовъ лишь Алданова, Дроздова и Ветлугина; старые, къ счастью, не полиняли, а иные пріобрѣли даже новый блескъ: парижскія выступленія А. А. Яблоновскаго затмеваютъ его прежнія въ Кіевѣ и Москвѣ. Что-то копятъ въ сердцахъ своихъ несчастные, оставшіеся „тамъ"? Услышимъ-ли мы отъ нихъ откровенія или только безсвязныя проклятія и жалобы?

114.

„Былъ у Христа-Младенца садъ...“ А теперь, вмѣсто Христова сада, осталось для русскихъ дѣтей только отхожее мѣсто. Несчастныя дѣти Совдепіи! Вѣдь нашихъ чувствъ къ ихъ отцамъ мы не переносимъ на дѣтей, и совѣтскія дѣти намъ дороги, какъ свои. Что съ ними дѣлать послѣ подлѣйшихъ опытовъ проститутки и палача, Лилиной и Дзержинскаго? Нельзя же махнуть рукою на цѣлое поколѣніе и сказать: „эти вымрутъ, придутъ другіе“? Нужна сверхественная общественная санитарія и дезинфекція, чтобы очистить эти, безъ вины виноватыя, унавоженныя души. Церковь? Ей самой надо почиститься. Школа? Много ли у насъ педагоговъ по призванію? Только трудъ, но въ совсѣмъ новыхъ, исцѣляющихъ и облагораживающихъ условіяхъ, можетъ быть здѣсь спасеньемъ.

115.

О, эти ночи бѣженца! Душа тонетъ въ жути и чувствуешь острую физическую боль тоски по родинѣ!...

116.

Природу русскаго интеллигента лестно рисовалъ покойный С. Ю. Витте. Своимъ гнусавымъ фальцетомъ онъ пищалъ: „какая разница между честнымъ и безчестнымъ интеллигентомъ? Честному надо платить вдвое больше, чѣмъ безчестному, — вотъ и все!“

117.

Русскія бѣженскія дѣти — и на дѣтей непохожи: первыя ихъ сознательныя впечатлѣнія — зловѣщій шорохъ коммиссарскихъ шинъ, ночные обыски, приносъ отцу хлѣба въ тюрьму, валяющіеся кругомъ тифозные, теплушки, глубокій трюмъ парохода. Моя знакомая трехлѣтная дѣвочка горько жаловалась, что ея куклѣ не даютъ визы. Бѣженскія дѣти не умѣютъ смѣяться: они кривятъ губы. Они не умѣютъ плакать: они стискиваютъ зубы. За то они освѣдомлены о валютныхъ колебаніяхъ въ Цюрихѣ и Парижѣ, знаютъ, сколько въ какой столицѣ стоитъ каратъ бриль-

янтовъ и за какимъ угломъ находится ближайшій Mont de Pieté. Ростетъ практичное, хмурое поколѣніе. Хватитъ-ли всей идеализирующей силы старой русской литературы, чтобы оно не стало поколѣніемъ мстителей?

118.

Государства не умираютъ въ одночасье: они не страдаютъ порокомъ сердца. Они отмираютъ, какъ геологическія эпохи — незамѣтно для современниковъ, поучительно — для потомковъ. Не могла Россія умереть именно 25 октября 1917. Но ночью дыбомъ иной разъ становятся волосы и Мефистофель шепчетъ: а если процессъ умиранія начался еще 200 лѣтъ назадъ, послѣ Петра Великаго, а мы наблюдаемъ только конецъ агоніи? Но нѣтъ! Не государство наше умерло: оно богато, молодо и сильно, оно не довершило развитія идеи, которою существуетъ: выработки новой европейско-азіатской культуры, синтеза духа Запада и Востока. Умерла только та форма государственности, которая стѣсняла народъ, какъ дѣтская курточка — богатыря.

119.

Есть-что то общее между софійскимъ кн. Н. С. Трубецкимъ и Иваномъ Карамазовымъ: полетъ мысли, ея дерзновенность и въ то-же время умиляющая юность, чтобы не сказать — наивность мысли. Представляешь себѣ безусаго доцента, который экзаменуетъ сѣдобородаго Саваофа. Возмущенный несовершенствомъ творенія, Иванъ Карамазовъ хочетъ обратно вручить Богу свой „билетъ". Разочаровавшись въ европейской культурѣ, кн. Трубецкой совѣтуетъ вернуть „билетъ" Европѣ и зоветъ насъ „домой", въ Азію. Ну, а если „домъ" нашъ какъ разъ и Европа и Азія одновременно, и душа у насъ евр-азійская, тогда что же дѣлать? Отъ себя не убѣжишь.

120.

Среди развалинъ Палатина, въ нишѣ, заботливо предохраненной отъ ненастья, вы видите выцарапанную на мраморѣ фигуру распятаго Человѣка съ головою осла. Подъ каррикатурою подпись: „Anaxagoras adorat deum". Здѣсь

были дортуары пажей цезарей (нашъ пажскій корпусъ); мальчишки выслѣдили, какъ одинъ изъ сверстниковъ поклонялся не великому Юпитеру, а смѣшному Еврею, распятому гдѣ то въ глухой провинціи, и осмѣяли товарища и его курьезнаго Бога. Съ тѣхъ поръ этотъ Богъ заполонилъ землю. Тринадцать простыхъ, невѣжественныхъ и нищихъ людей утвердили свое владычество надъ тѣмъ Римомъ, который включалъ въ себя orbis terrarum. Идея оказалась сильнѣе и понтифекса максимуса, и капитолійской Венеры, и самого Платона, и тончайшихъ пандектовъ, и мечей мѣднoблещущихъ гоплитовъ. А что, если отъ высмѣваемой нами идеи большевиковъ такъ же безславно рухнетъ наша старая культура? Никогда! Выживаютъ и побѣждаютъ лишь тѣ идеи, которыя, сравнительно съ настоящимъ, являются шагомъ впередъ и, чрезъ то, обѣщаютъ моральныя, культурныя и матеріальныя выгоды наибольшему количеству людей. Исторія человѣчества не знаетъ регресса: и средневѣковье было прогрессомъ. Коммунизмъ въ жизненномъ осуществленіи даетъ свободу и счастье сотнямъ, угнетеніе и горе — милліонамъ. Онъ можетъ стоять только на рабствѣ. Это — практическое ницшеанство и большевизмъ могъ имѣть успѣхъ только въ пору рабовладѣнія, въ томъ же классическомъ Римѣ, гдѣ не-свободный, всѣми, начиная съ самого себя, почитался рабочею скотиною. Ленинъ родился слишкомъ поздно послѣ Спартака. Поскольку личная и общественная свобода есть становой хребетъ современнаго человѣка и первое требованіе, предъявляемое имъ къ государству, постольку московскимъ ловцамъ душъ никогда не повторить исторіи галилейскихъ рыбаковъ и Плотника.

121.

Константинопольскія цѣны, когда первый разъ пріѣзжаешь изъ Крыма на берега Босфора, прямо сшибаютъ съ ногъ, такъ какъ умственно все время переводишь лиры на россійскую, съ позволенія сказать, „валюту". Комната во второстепенной гостинницѣ въ сутки стоитъ (ноябрь 1920) на русскія деньги 250.000 руб.! Незначительный конецъ на извозчикѣ — 100.000! Въ день, однимъ словомъ, на русскія деньги тратишь $1^1/_2$—2 милліона рублей. Сперва

возникаетъ горячее желаніе утопить семью въ Золотомъ Рогѣ. Потомъ успокаиваешься, машешь рукою и говоришь: „и Крезъ лидійскій не могъ бы швырять такого количества монетныхъ единицъ. А я могу. И потому именно, что могу, я, русскій „Крезъ", есть нищій". Буквально исполняется щедринское пророчество: „предъявителю сего россійскаго государственнаго кредитнаго билета выдается плюха". По теперешнимъ временамъ, и не-предъявителю, лишь бы русскому, плюхи выдаются гдѣ угодно и кѣмъ угодно, особенно друзьями-французами въ томъ же Константинополѣ. Base Navale — это русская плюхораздавательница! Сначала Олегъ прибилъ свой щитъ къ воротамъ Константинополя, а теперь кто только самихъ насъ не прибилъ здѣсь . . .

122.

Прекрасную рѣчь на русскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Парижѣ (май 1921) сказалъ П. П. Рябушинскій. Впрочемъ, и всѣ, весьма, къ сожалѣнію, рѣдкія — дореволюціонныя публичныя выступленія его носили характеръ исключительнаго государственнаго ума. Вотъ *этотъ* могъ бы быть Мининымъ! Но не везетъ Россіи: злой недугъ давно мучаетъ Рябушинскаго и П. П. приходится больше быть наблюдателемъ, чѣмъ активнымъ бойцомъ. Онъ былъ Кассандрою стараго строя, какою опорою онъ будетъ новаго, если позволитъ здоровье!

123.

Если только большевики не опозорятъ окончательно въ глазахъ народа идею федераціи, какъ они опозорили идею соціализма, то новая Россія будетъ федеративною. Это идея стара, еще декабристы клали ее въ основу своей программы; этихъ же воззрѣній держался и Витте. Людей, настроенныхъ патріотически, но мало развитыхъ въ политическомъ отношеніи, федерація пугаетъ. Деникинъ запрещалъ это слово на своей территоріи. Многіе, преемственно привыкшіе къ централизму власти, — въ свое время, совершенно вѣрно, даже спасительному, — не могутъ мыслить Россію, иначе какъ въ видѣ аракчеевскаго военнаго поселенія, гдѣ всѣ дома построены по одному образцу, вытянуты въ одну линію, окрашены въ одинъ цвѣтъ и т. д.

Весь XIX вѣкъ ушелъ въ Европѣ на самоопредѣленіе націй, покуда больше культурное, чѣмъ политическое; довершить это послѣднее выпало на долю XX столѣтія. Народы, весьма безпечные ранѣе относительно своихъ правъ и чужихъ правъ надъ ними, напоминавшіе опернаго „Трубадура", который, будучи подкидышемъ, живетъ въ пышномъ наслѣдственномъ замкѣ, вдругъ запаслись метриками, подлинными и сомнительными документами, и начали рядъ историческихъ тяжбъ. Націи нашли свое лицо и стали требовать права жить, достойно этому лицу. Открылось, что государство, вмѣщая въ себѣ много національностей, не поглащаетъ ни одной, и что каждая, для успѣшнаго своего развитія, требуетъ предоставленія ей нѣкоторыхъ аттрибутовъ государственности. Государственное цѣлое, при этомъ не только не терпитъ ущерба, но еще и укрѣпляется, ибо прежнія тренія между цѣлымъ и частями исчезаютъ, а старыя политическія и экономическія связи остаются. Конечно, смѣхотворно федерировать съ какими-нибудь зырянами, которые никогда не имѣли исторіи и въ интеллектуальномъ отношеніи мало чѣмъ отличаются отъ собственныхъ оленей. Но Украина? Но Литва? Но Латвія? Грузія? Цѣлый рядъ нашихъ окраинъ давно созрѣлъ, кто для федераціи, кто для автономіи и не продоставить имъ, по принадлежности, того или другого было бы преступленіемъ съ самаго начала противъ Россіи.

124.

Есть люди (къ числу ихъ принадлежалъ, между прочимъ, покойный Пуришкевичъ) на которыхъ слово „Украина" дѣйствуетъ, точно красный цвѣтъ на быка: приводитъ въ отупѣніе и ярость. „Малороссійскія губерніи!", внушительно поправляютъ они. Да то-то и оно, что вовсе не малороссійскія губерніи. У Украины есть собственный языкъ, собственная исторія, собственная культура, во многомъ, вслѣдствіе совмѣстнаго 250-лѣтняго историческаго существованія, сливающіяся съ нашими языкомъ, исторіей и культурою, но отнюдь не поглощаемыя нашими. Съ другой же стороны, и утвержденіе нѣкоторыхъ украинскихъ ученыхъ, будто украинцы не имѣютъ ничего общаго съ великороссами, такъ какъ первые — славяне, а

вторые — туранцы (помѣсь татаръ съ финнами) тоже есть лишь плодъ политическихъ запальчивости и раздраженія. Между этими крайностями, малорусскостью Украины и туранствомъ Великороссіи, находится искомая истина: украинскій народъ имѣетъ право, *если онъ того хочетъ*, быть Баваріей въ томъ великомъ русскомъ государствѣ, гдѣ роль Пруссіи принадлежитъ великорусскому народу. Что этого хочетъ украинская интеллигенція, — это и естественно, и несомнѣнно. Насколько подобное желаніе дѣйствительно раздѣляютъ украинскія массы, — судить, до умиротворенія Россіи и предоставленія имъ возможности свободно высказаться, очень трудно. До революціи эти массы молчали, потомъ отъ ихъ имени, безо всякаго на то уполномочія, стали говорить всевозможные самозванцы, Кошуты изъ Кобылякъ и Гарибальди изъ отставныхъ бухгалтеровъ. Самостійники, т. е. сторонники полнаго отдѣленія Украины отъ Россіи, корней въ народѣ не имѣютъ, но весьма возможно, что слѣдствіемъ централистской до тупости политики стараго правительства, упорно продолжаемой совнаркомомъ, явится желаніе украинскаго народа не отдѣлиться, но обособить нѣкоторыя формы общаго нашего государственнаго бытія. Полная же наша раздѣльность повлекла бы за собою экономическую, а затѣмъ и политическую смерть обоихъ организмовъ. Они такъ неразрывно соединены другъ съ другомъ, что ножъ хирурга принесъ бы тутъ гибель.

125.

Въ большинствѣ случаевъ, не потому мужья начинаютъ ревновать, что жены имъ измѣняютъ, но потому именно жены измѣняютъ, что мужья безосновательно ревнуютъ: „терплю, такъ хотя было бы за что!“ Старый строй такъ сурово гналъ идею автономіи, такъ ревниво искалъ повсюду слѣды сепаратизма, что главнымъ образомъ онъ самъ привилъ маленькимъ націямъ не склонность, конечно, къ „измѣнѣ“, а нетерпѣливую, страстную мечту о самоопредѣленіи. Отсюда — это молніеподобная центробѣжность нашихъ окраинъ. Но не отъ русскаго народа бѣжали окраинныя націи: онѣ бѣжали отъ мертвой воды русскаго полицейскаго строя, на смѣну которому пришелъ еще худшій и

ужь, конечно, никакъ не могущій вызвать центростремительнаго движенія. Окраины сами возсоединятся на началахъ федераціи, какъ только почувствуютъ увѣренность, что мы создали прочную Новую Россію, достойную и насъ, и ихъ.

126.

Еслибы не то, что С. П. Бѣлецкій лежитъ въ могилѣ, да, пожалуй, еслибы еще не космическіе размѣры опыта (а покойный былъ человѣкъ экономный и осторожный), я иной разъ подумалъ бы: не является ли насажденіе большевизма въ Россіи дѣломъ рукъ департамента полиціи и аггеловъ его, вѣрныхъ рыцарей провокаціи? Надо было обладать всею ловкостью Бѣлецкаго, чтобы однимъ ударомъ убить въ Россіи соціализмъ и возродить въ нетвердыхъ умахъ симпатіи къ строю, для всѣхъ давно ненавистному. Каждый декретъ большевиковъ точно задается цѣлью провести аналогію между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что есть, и все къ видимой выгодѣ стараго порядка. Изъ-за строкъ всякаго декрета такъ и гремитъ: „а! вы не были довольны полицейскою опекою? Такъ отмѣняется свобода передвиженія и въ каждый домъ, подъ видомъ „комбѣда“, внѣдряется полицейскій постъ! Вамъ претила „охранка“? Получите че-ка, гдѣ безъ суда разстрѣливаютъ тысячами! Прежней свободы печати было для васъ мало? Закрываются всѣ газеты, запрещаются всѣ книги, кромѣ коммунистическихъ! Вы жаловались на стѣсненія политической жизни? Члены всѣхъ партій, кромѣ большевистской, посажены въ тюрьму. Былъ стѣсняемъ духъ почина въ торговлѣ и промышленности? Партія забираетъ себѣ всѣ магазины и заводы, и закрываетъ всякую торговлю! Вы . . .“ Нѣтъ, не кончишь! Это не партія, а практическая школа реставраторства. Въ Москвѣ—Кобленцъ, а не заграницей.

127.

Русскій человѣкъ исторически привыкъ относиться къ нѣмцу, какъ ученая собака къ дрессировщику: и не терпитъ, да боится, и хочетъ укусить, но не смѣетъ, а какъ только дрессировщикъ беретъ хлыстъ, повинуется. Хлыстъ теперь сломанъ.

128.

Григ. Спирид. Петровъ разсказывалъ мнѣ: въ періодъ, когда богоборчество было модою петербургскихъ салоновъ, къ нему, тогда еще священнику, явились три инженера и заявили, что они опытнымъ путемъ убѣдились въ небытіи Бога. Въ свое время они, принявъ св. Причастіе въ уста, тайно его выплюнули, и вотъ ничего: Богъ не покаралъ ихъ; напротивъ, дѣла ихъ процвѣтаютъ. Популярный проповѣдникъ буквально такъ отвѣтилъ имъ: „это просто потому, что у Бога много дѣлъ поважнѣе и нѣтъ времени заниматься такими дураками, какъ вы!" Я думаю, что и теперь, и именно по той же причинѣ, Богъ оставитъ безъ вниманія, недавняго чернаго изъ черныхъ, архимандрита Илліодора, который на-дняхъ, вернувшись изъ Америки въ Царицынъ, провозгласилъ себя „краснымъ патріархомъ" и заявилъ: „царя свергли, теперь идемъ свергать Бога!" Изъ какого скотнаго двора выползли подобные пастыри душъ? Безбрежно и бездонно ты, русское хамство!

129.

Уцѣлѣли: Керенскій, Брусиловъ, Черновъ, Стишинскій, Захарій Ждановъ, еп. Варнава, Митька Рубинштейнъ и тысячи другихъ славныхъ; разстрѣляны: Шингаревъ, Кокошкинъ, Колчакъ, Радко Дмитріевъ, Васнецовъ, Науменко, Флоринскій, — нѣтъ конца скорбному свитку. Не знаешь, когда большевики болѣе жестоки къ намъ: когда губятъ или когда щадятъ нѣкоторыхъ изъ насъ.

130.

Репутація, которая возстановлена большевиками, и дѣятель, которому теперь нужно дать другое прозвище: Иванъ IV Васильевичъ. Царь въ своемъ синодикѣ, читавшемся по ночамъ и орошавшемся слезами, столько же искренними, сколько и пьяными, винился въ 4937 казняхъ; въ это число огуломъ входили и жертвы тогдашней гражданской войны, потопленные и порубленные новгородцы, — всего 4000 человѣкъ. За нихъ Иванъ Васильевичъ былъ предъ своею совѣстью отвѣтственъ не больше, чѣмъ всякій завоеватель — за погибшихъ противниковъ. Индивидуальныхъ казней, со-

вершенныхъ по прямому приказу Іоанна, было, за длиннѣйшее царствованіе, 937. Послѣ взятія Крыма, большевики не въ бояхъ убили, какъ москвичи новгородцевъ, а *казнили*, на одномъ только крохотномъ этомъ клочкѣ земли, втеченіе десяти лишь дней, 15,000 человѣкъ! И такого-то царя называютъ Грознымъ! Да послѣ большевиковъ онъ — царь Милостивецъ.

131.

Потрясающее впечатлѣніе, совсѣмъ, вѣроятно, не то, которое хотѣлъ вызвать талантливый и искренній авторъ, оставляютъ „Воспоминанія" В. Б. Станкевича (Берлинъ, 1920) это — документъ эпохи, это — та кость, по которой, какъ когда-то Кювье — мастодонтовъ, будущіе историки будутъ возстанавливать мо¦альный и политическій обликъ интеллигента нашихъ дней. Станкевичъ — исключительно одаренная натура, которою интеллигенція, по истинѣ, вправѣ гордиться: глубоко-штатскій человѣкъ, доцентъ университета, редакторъ толстаго журнала, видный энъ-эсъ, вначалѣ міровой войны онъ рѣшаетъ пойти на защиту родины. Онъ бросаетъ семью, науку, журналъ, въ свои солидные годы поступаетъ въ юнкерское училище, спѣшитъ въ армію, составляетъ новый учебникъ полевой фортификаціи, принятый даже въ Военной Академіи. Временное Правительство назначаетъ его коммисаромъ Сѣвернаго фронта, т. е. ввѣряетъ громадную политическую и военную власть. И вотъ, подводя итоги, Станкевичъ въ январѣ 1920 г. спрашиваетъ себя (стр. 351): „куда же мнѣ пойти? Къ Деникину, или къ литовцамъ . . . или къ украинцамъ . . . или къ донцамъ . . . или къ грузинамъ . . . или къ Колчаку и Дидерихсу . . . или къ ихъ противникамъ . . . или въ Одессу, гдѣ были французы . . . или въ Архангельскъ, къ англичанамъ . . . или къ нѣмцамъ . . . или, наконецъ, къ большевикамъ . . ." Еслибы Шекспиръ вкупѣ съ Пушкинымъ попытались бы обрисовать психологію современнаго русскаго интеллигента, они не сумѣли бы это сдѣлать съ такою геніальною выпуклостью, какъ это удалось г. Станкевичу. Ученый, писатель, политикъ — онъ, послѣ богатѣйшаго житейскаго опыта, все еще не можетъ разобрать, съ кѣмъ ему по дорогѣ, и амплитуда его колебаній — отъ Деникина до больше-

виковъ! Такъ и хочется сказать Станкевичу (собственно, всей интеллигенціи, которой онъ можетъ служить собирательнымъ именемъ): „вы сами не разобрались въ себѣ, и мечтаете руководить народомъ? Да вѣдь вы хуже большевиковъ: они вѣрятъ, пусть въ химеру — но вѣрятъ, и это одно уже объясняетъ многое. Вы же — плѣсень, заражающая душу націи: безъ вѣры себя и въ народъ, безъ единой собственной мысли, прислушивающіеся только къ своимъ мокричнымъ переживаніямъ, зачѣмъ тяготите вы землю?“ Если таковы лучшіе изъ интеллигенціи, каковы остальные?

132.

Въ 1921 г. В. Б. Станкевичъ зоветъ бѣженцевъ обратно, въ Россію. Вооруженнымъ вмѣшательствомъ подѣлать, — говоритъ онъ, — ничего нельзя: вернемся домой, примемся за мирный трудъ, большевизмъ станетъ эволюціонировать и все пойдетъ по-хорошему. На первыхъ порахъ бѣженцы могутъ заняться въ Совѣтіи хоть выдѣлкою каолиноваго мыла! Это не бредъ: все это Станкевичъ возвѣщаетъ въ своихъ лекціяхъ въ Берлинѣ. Возвращаться, дѣйствительно, нужно, но совсѣмъ не для каолиноваго мыла . . . Нужно не всѣмъ, а только смѣлымъ, ловкимъ и умѣлымъ, съ тѣми же цѣлями, съ какими большевики, подъ покровомъ тайны, проникали въ Россію, когда мы находились тамъ, а они — въ Женевѣ и Парижѣ . . .

133.

Старому строю нельзя отказать въ остроуміи: единственное въ Россіи свободолюбивое сословіе, чуждое рабства и хамства, онъ обратилъ въ орудіе борьбы со свободою. Казачьей нагайкой, главнымъ образомъ, врачевались внутренніе недуги наши. Еще Петръ I началъ расхищать вольности Дона, этой своеобразной республики, самымъ существованіемъ своимъ протестовавшей противъ крѣпостного права. Преемники Петра, щедрымъ предоставленіемъ различныхъ привиллегій, обособили Донъ, Кубань и Терекъ отъ населенія остальной имперіи; за своими предѣлами казакъ былъ пріученъ дѣйствовать, какъ во вновь покоряемой землѣ. „Россія“ противополагалась „Дону“. Послѣднія

десятилѣтія совсѣмъ уже зазнавшаяся бюрократія стала пренебрегать и казаками; матеріальныя невзгоды заставили казачество углубиться въ себя, осмотрѣться и вскорѣ придти къ заключенію, что причина казачьей разрухи — та же, что и всего государства: разложившійся старый строй не хочетъ уступить мѣста новому. Роль казачества въ низверженіи царизма была огромна: это казаки — первые отказались стрѣлять въ народъ; это казачья пуля днемъ, всенародно, убила полицейскаго пристава. Единственно казаки были не взбунтовавшимися рабами, а свободными людьми, возвращавшими себѣ отнятую свободу. Вотъ почему они же первые выступили за возстановленіе порядка, безъ торжества котораго свобода всегда находится въ опасности. Не случайность, что Корниловъ былъ сибирскимъ казакомъ; не случайность, что именно на земляхъ южнаго казачества формировалась Добровольческая армія. Ворота Москвы — всетаки Ростовъ и Екатеринодаръ. Этого не понималъ Деникинъ и потому сидитъ теперь въ Брюсселѣ.

134.

Не шумихи прежней жизни жалко, не красоты, не блеска ея, не картинной галереи, не Собинова, не автомобиля, не Кюба, *меня* мнѣ жалко за то, что мнѣ не жалко всего этого. Новая жизнь будетъ сѣрѣе, но творчественнѣе и радостнѣе, какъ если первый разъ встаешь послѣ сыпняка.

135.

Чтобы строить Бога, у насъ нѣтъ другого матеріала и масштаба, кромѣ человѣка; мы можемъ только раздвигать циркуль до ста восьмидесяти градусовъ. Поэтому нашъ Богъ ограниченъ. Для большинства Онъ удобство и попустительство. Для бѣженца — то мишень, то щитъ.

136.

Архипастыри Антоній и Евлогій, точно клизмами, накачиваютъ монархическія идеи въ народный организмъ: но содержимое быстро возвращается назадъ... и въ какомъ видѣ... А новаго Гермогена нѣтъ, какъ нѣтъ.

137.

Двѣ профессіи будутъ лишними въ Новой Россіи: царей и цензоровъ. Каждая неотдѣлима отъ другой. Двѣ профессіи всегда особенно жалки: попы и проститутки. Обѣ торгуютъ любовью. Обѣ не любятъ.

138.

У большевиковъ не было прошлаго, есть настоящее, нѣтъ будущаго; у насъ было прошлое, нѣтъ настоящаго и есть будущее. Они все выиграли, но терять имъ нечего. Мы все потеряли, но намъ будетъ, что терять. Чтобы сохранить настоящее, они проявляютъ чудеса дерзновенія и воли. Чтобъ приблизить будущее, мы должны выковать себѣ революціонную психику, ибо только революція уничтожитъ большевизмъ и въ этой революціи каждому изъ насъ дана роль.

139.

Большевики обманываютъ массы, называя насъ „контръ-революціонерами". Контръ-революціонеры — тѣ, которые хотятъ придушить революцію, чтобы возстановить старый строй. Мы же должны уничтожить большевизмъ, именно для того, чтобъ восторжествовалъ новый строй, основы котораго заложила революція, но который почти сразу придушили большевики. Это они — контръ-революціонеры.

140.

Въ 1861 г. можно было развязать тотъ гордіевъ узелъ, который назывался земельнымъ вопросомъ. Въ 1917 мужикъ разрубилъ его. Съ этимъ надо честно и окончательно примириться. На отрицаніи помѣщичьей собственности выросъ вкусъ крестьянина къ своей, — политическая и экономическая база Новой Россіи.

141.

Жизнь въ совѣтской Россіи не клянутъ только комиссары да выкидыши: для остальныхъ день смерти лучше дня рожденія.

142.

Что переживаетъ онъ, когда ночью, одинъ, прижимается раскаленнымъ лбомъ къ холоднымъ окнамъ кремлевскаго дворца? Вѣдь не можетъ ужъ больше онъ вѣрить въ себя? Изъ этихъ самыхъ стѣнъ народъ сумѣлъ триста лѣтъ назадъ изгнать поляковъ, двумя вѣками позже — Наполеона. Порѣшитъ и этихъ „воровъ". Молимъ Россію: раскачнулась, матушка, до Звѣря, роди же намъ теперь Человѣка.

143.

Самоубійство! Сколько разъ, какъ свѣтлая точка, какъ заря освобожденія отъ этой мерзости, которая называется бѣженскою жизнью, мелькала эта мысль у каждаго изъ насъ. Если проданъ браунингъ, рука тянется къ полотенцу. Не много надо воли, чтобы кончить съ собою. Наоборотъ, достаточно вовсе потерять ее. Все, что религія и философія говорятъ противъ самоубійства, — лицемѣріе страха и соображенія „устава благочинія". Другіе доводы должны теперь удерживать насъ: подумайте, какъ мы живемъ здѣсь, и какъ наши братья — *тамъ*. Мы сказочно взысканы судьбою сравнительно съ ними. Если они терпятъ, какъ *мы* можемъ падать духомъ? Закусите губу до крови! Молчите! Работайте, какъ можете, для чуда Воскресенія. Тотъ не увидитъ его, кто позволитъ тлѣну угнѣздиться въ душѣ.

144.

Какія блага дала революція? Навсегда поконченъ нѣмецко-татарскій режимъ, ведшій государство къ гибели. Деспотизмъ уступитъ мѣсто народоправству. Разрушена община и у Россіи ноги, вмѣсто глиняныхъ, стали желѣзными: власть подопрутъ и возьмутъ мелкіе земельные собственники. Народъ получилъ вкусъ къ политической и хозяйственной самодѣятельности. Мы ушиблись больше всѣхъ въ міровой и гражданской войнѣ, но мы же раньше всѣхъ и оправимся. Впервые не рабскій, а свободный трудъ коснется сказочныхъ нашихъ богатствъ и быстро затянутся язвы.

145.

Послѣ Владиміра Святого, который, судя по былинамъ, былъ доволенъ своими богатырями, жалобы на отсутствіе людей не прекращаются. „Нѣтъ людей" — припѣвъ всякаго правительства, кончая врангелевскимъ. Но людей нѣтъ въ томъ слоѣ, придворно-бюрократическомъ, откуда ихъ брали сотни лѣтъ и гдѣ они исчерпались. Когда Петру I понадобились „люди", онъ ихъ лѣпилъ изъ пирожниковъ и деньщиковъ. А „люди", которыхъ поставилъ большевизмъ? Имъ нельзя отказать въ веревкѣ, но нельзя отказать и въ талантахъ и волѣ. „Людей" среди молодого 150 милліоннаго народа сколько угодно, только берите ихъ не изъ тѣхъ, кто обанкротился при старомъ режимѣ. *Новые* люди впередъ!

146.

Гейне, будучи эмигрантомъ, вѣрилъ, что въ Германіи, когда „лучшихъ людей вспоминаютъ, всегда вспомянутъ обо мнѣ". Если русскіе бѣженцы говорятъ о своихъ лучшихъ людяхъ, то вспоминаютъ, главнымъ образомъ, ихъ родительницу. Такова та особенная наша „стать", о которой толковалъ Тютчевъ.

147.

...И подзоветъ Господь къ подножію престола Своего новыхъ праведниковъ. И съ просвѣтленными ликами, въ бѣлыхъ ризахъ, приблизятся къ Нему великомученики наши, и Алексѣевъ, и Корниловъ, и Калединъ, и Назаровъ и другіе. И скажетъ Господь: „очень ужъ много мерзавцевъ развелось на Руси! Почти весь старый генеральный штабъ служитъ у большевиковъ. Стыдно!" И за слова эти потребуютъ себѣ отъ Троцкаго дополнительныхъ сребренниковъ совѣтскіе „воен-спецы".

148.

Это не поляки побѣдили красную армію прошлымъ лѣтомъ подъ Варшавою, какъ они говорятъ, — и даже не французы, какъ думаютъ въ Парижѣ: это Врангель спасъ Варшаву и Францію отъ потока и разграбленія, оттянувъ на себя большевистскія силы изъ Польши. Тухачевскій не

могъ перешагнуть данцигскій „корридоръ“ и дальше съ нѣмцами двинуться къ Сенѣ. Нужно-ли было помогать полякамъ? Въ роли политическаго совѣтника расчетливый Санхо-Панса иногда лучше восторженнаго Струве.

149.

Г. Алексинскому поручена Русскимъ Совѣтомъ пропаганда. Если онъ, дѣйствительно, соціалистъ, то его на пушечный выстрѣлъ нельзя подпускать къ дѣлу агитаціи. Если же онъ изъ тѣхъ „соціалистовъ“, про которыхъ правые говорятъ: „послушайте, какой же онъ соціалистъ? вѣдь это — нашъ братъ, Исаакій!“, то тѣмъ непріемлемѣе Алексинскій на посту главы вѣдомства пропаганды. Маргариновые соціалисты — ни буржуазіи свѣча, ни соціализму кочерга.

150.

Отношеніе къ бѣженцамъ любого русскаго комитета, спеціально вѣдающаго дѣло помощи имъ, чрезвычайно напоминаетъ ту систему благотворительности, которой держался одинъ изъ гоголевскихъ героевъ. Иванъ Ивановичъ Перерепенко былъ добръ и, встрѣтивъ нищую, всегда спрашивалъ: „тебѣ хочется хлѣба?“ „Какъ не хотѣть! Голодна, какъ собака.“ — „Такъ тебѣ, можетъ и мяса хочется?“ — „Да все, что ваша милость дастъ, всѣмъ буду довольна.“ — „Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?“ — „Гдѣ ужь голодному разбирать? Все, что пожалуете, все хорошо.“ При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку. — „Ну, ступай же съ Богомъ“, говорилъ Иванъ Ивановичъ. „Чего же ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью?“ Дѣйствительно, земгорскіе и прочіе „особоуполномоченные“ не бьютъ бѣженцевъ, а бѣженцы совсѣмъ не цѣнятъ этого.

151.

Какъ быстро обуржуазиваются соціалисты, едва получатъ доступъ къ власти и деньгамъ! Керенскій, послѣ убогой своей квартиры, не могъ жить иначе, какъ въ Зимнемъ, спать непремѣнно на кровати Александра III и кушать только на золотомъ сервизѣ Александра II. Пильсудскій поселился въ Бельведерѣ, Массарикъ — въ градчанскомъ дворцѣ Франца-

Іосифа. А раньше — острожныя нары, и какъ идеалъ — койка въ мансардѣ и „бокъ“ пива въ сосѣднемъ кафэ. Жадность къ жизни понятна въ изголодавшихся людяхъ; коробятъ не чревоугодничество и не „игра въ короли“, коробятъ пышныя фразы о соціалистическомъ равенствѣ, которыми прикрываются всѣ эти низменныя вожделѣнія. Субсидіи отъ буржуазной казны соціалисты-газетчики берутъ съ такою непреклонностью, что самъ Илья Гурляндъ позавидовалъ бы.

152.

Эсъ-эры, купно съ чехами, обокрали сибирскія казначейства и теперь издаютъ газету въ Прагѣ и журналъ въ Парижѣ. Голодный русскій мужикъ (ибо кто же другой пополнялъ казначейства?) долженъ платить за благоглупости, которыя благоугодно печатать великимъ народолюбцамъ — Зензинову и Ко.

153.

Соціализму можетъ и должно быть мѣсто въ Новой Россіи: соціалистамъ — никакого. Соціализмъ — безъ соціалистовъ, потому что русскіе соціалисты — безъ соціализма.

154.

Ахъ, эта anima russa, душа-changeant! Не разберешь, въ чемъ усматриваютъ ее иностранцы: въ сквозныхъ панталонахъ Маріи Тарновской, или въ анархическомъ ученіи Петра Крапоткина. Послѣдніе годы показали самому Крапоткину, что онъ былъ государственникомъ (протестъ противъ большевизма), а не анархистомъ. Анархія, какъ форма государственности (что за чудовищное противорѣчіе!), мыслима лишь при томъ условіи, чтобы нравственный уровень средняго человѣка не былъ ниже крапоткинскаго. Если *всѣ* будутъ, какъ Крапоткинъ и Левъ Толстой, не нужны ни армія, ни судъ, ни полиція. До тѣхъ же несбыточныхъ временъ суровое принужденіе, умѣряемое мыслью о человѣческой слабости, будетъ основою всякаго строя. Крапоткинъ жилъ апостоломъ фразы, но умеръ ея врагомъ.

155.

Сплетни, доносы, драки, выбиванія зубовъ, взаимообвиненія въ шпіонствѣ въ пользу иностранныхъ державъ, вызовы на дуэль (дальше вызова дѣло не идетъ), мелкая спекуляція, точнѣйшія справки, кто что вчера продалъ, кто у кого „изловчился" взять взаймы и кто съ какою изъ дамъ „живнулъ" — вотъ, что наполняетъ жизнь бѣженскихъ колоній. Съ такимъ багажемъ наши Парсифали идутъ къ Граалю Новой Россіи.

156.

Мы проходили по Dorotheenstrasse. „Вотъ моя гимназія", со слезами умиленія сказалъ спутникъ, знаменитый нѣмецкій ученый: „alma mater!" — „Да… матерь!" тоже со слезами, — ненависти и гнѣва, — подумалъ я о своей русской, толстовско-деляновской гимназіи. Это ты, сумѣвшая выхолостить въ насъ Россію, дала Ленина и Троцкаго.

157.

М. В. Родзянко, какъ Лепорелло, хотѣлъ свести Донъ-Жуана, Царизмъ, съ Донной-Анной, Общественностью. Онъ не слышалъ, за кулисами, тяжелой поступи Командора, Революціи. Подъ холодной десницею Каменнаго Гостя погибли и царизмъ и общественность. Родзянко сидитъ въ какомъ-то глухомъ сербскомъ селѣ и русскіе бѣженцы берутъ съ него подписку (?), что онъ не будетъ посѣщать ихъ собраній. Сводничать тоже надо умѣючи: это не предсѣдательствованіе въ Г. Думѣ.

158.

В. А. Маклаковъ — одинъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей, если не самый умный. Но это „рабъ лѣнивый и лукавый". Онъ закопалъ въ землю свои таланты (куда побольше пяти евангельскихъ) и не пускаетъ ихъ въ ходъ. Себя онъ — въ противоположность покойному брату, Н. А. — не дооцѣниваетъ и въ себя не вѣритъ. Еслибы вмѣсто свища-Керенскаго министромъ юстиціи въ составъ Временнаго Правительства вошелъ Маклаковъ, въ идеалистическій государственный кретинизмъ Львова и К° влилась бы струя здороваго скепсиса и практичности. Въ тяжкій мо-

ментъ Маклаковъ свою хату утвердилъ съ краю. Позиція — не безъ пріятности, но, право, хоть иногда, надъ подумать не только о себѣ, но и о родинѣ.

159.

А. И. Гучковъ — честолюбецъ, въ благородномъ смыслѣ этого слова, но какой-то несчастный честолюбецъ. Въ молодости онъ ѣдетъ сражаться за буровъ и попадаетъ въ плѣнъ къ англичанамъ. На Дальнемъ Востокѣ его военная карьера обрывается на чинѣ чуть не сотника. Онъ образовываетъ впервые въ Россіи націоналъ-либеральную партію, его чураются и національные элементы, и либеральные. Чортъ веревочкой связываетъ его со Столыпинымъ и премьеръ вскорости забываетъ объ октябристахъ, какъ о заѣзженной клячѣ. Наконецъ, Гучковъ становится военнымъ министромъ. Здѣсь онъ напоминалъ врача, впервые призваннаго къ агонизирующему больному. Убѣдите близкихъ въ безсиліи науки! Они все равно будутъ клясть врача. Гучковъ, конечно, не повиненъ въ развалѣ арміи. Онъ все дѣлалъ, чтобы воспрепятствовать развалу, а никого такъ не безчестятъ за катастрофу, какъ именно Гучкова. Политическій герцогъ Лоранъ, только безъ Маскотты.

160.

Представьте себѣ мошку, которая, сѣвъ на ручку паровоза, пытается дать контръ-паръ и повернуть вспять огнедышащее чудовище. Это В. I. Гурко и его единомышленники, послѣдніе министрэли помѣщичьей Аркадіи. У гласа, вопіявшаго въ пустынѣ, было больше, чѣмъ у Гурко, шансовъ найти сочувствіе: въ пустыню, счастливою случайностью, могъ забрести кто-либо. Но вопить въ безвоздушномъ пространствѣ, гдѣ и звукъ-то не слышенъ?! . . . Аграрный вопросъ уже рѣшенъ: было 130 тысячъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, большинство которыхъ не умѣло разумно распоряжаться землею, стало 130 милліоновъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые всѣ умѣютъ распоряжаться ею. Самъ архангелъ Михаилъ со своимъ огненнымъ мечомъ не сгонитъ теперь крестьянина съ помѣщичьей земли.

161.

Власть — не игрушка, не приманка, не призъ, не учительная каѳедра. Пріятіе власти — жертвенный подвигъ. Хорошо, если власть популярна; плохо, если она популярничаетъ. Не грозная власть — не власть вообще; популярною можетъ быть только грозная власть. Петръ, рубящій голову Алексѣю, — воплощеніе популярной власти, понимаемой, какъ жертвенный подвигъ. У кого нѣтъ силъ на это, пусть принимаетъ бромъ или идетъ въ монастырь. Храни насъ Богъ отъ бѣлаго террора: онъ на слѣдующій день сломаетъ шею диктатору. Но диктаторъ погибнетъ къ вечеру перваго же дня, если захочетъ быть популярнымъ какъ кн. Львовъ, а не грознымъ, какъ Петръ.

162.

При столкновеніи государственности съ ея разрушителями — колебаній быть не можетъ. Проконсулъ Рима былъ правъ, когда утвердилъ смертный приговоръ потрясателю основъ тогдашней государственности Іисусу и, во имя государства, распялъ Само Божество. Если, при коллизіи интересовъ „кесаревыхъ“ съ „божіими“, вы поддержите „божіи“, то государство погибло: „божіе“ непримиримый врагъ „кесарева“. Выбора нѣтъ: „божіе“ значитъ безвластіе, анархія; „кесарево“ значитъ власть, принужденіе. Святынѣ одно мѣсто на землѣ — на Крестѣ, служитъ-ли Святыня предметомъ оплеванія или поклоненія.

163.

Луначарскій — это большевистская пародія на великаго князя Константина Константиновича: состоитъ членомъ ленинской династіи, пишетъ стихи, драмы, покровительствуетъ наукамъ и искуству. „К. Р.“ былъ скроменъ, и до смерти обидѣлся бы, еслибы его печатали и хвалили не потому, что онъ, дѣйствительно, талантливый поэтъ, а за то, что онъ — великій князь. Луначарскій тупъ, какъ бритвенный ремень. Онъ портитъ послѣдніе остатки бумаги въ Совдепіи, заставляя всѣхъ коммунистическихъ редакторовъ, подъ угрозою Чека, печатать его пошлости. Аполлонъ изъ каторжнаго майдана.

164.

Свѣтящійся столбъ указывалъ евреямъ путь въ Палестину. Чернымъ столбомъ стоитъ наше бѣженское горе, столбомъ отъ земли до солнца и пути не видать никому! И намъ не съ кѣмъ поплакать и по насъ некому плакать. Современники говорили дѣтямъ, показывая на смуглаго Данте: „смотрите, вотъ загаръ адскаго пламени на его лицѣ". Мы-то, взаправду, прошли чрезъ адскій пламень. Живительная роса Россіи нужна намъ. Но тѣмъ не вернуться домой, кто не выжегъ въ себѣ все прежнее, смрадное, кто не преобразился въ огнѣ революціи. Новая Россія для новыхъ русскихъ. Рейхенгалль — danse macabre.

165.

Соціалисты разрушили Россію; поэтому соціалистовъ нельзя пускать въ правительство. Борьба съ соціалистами не есть борьба съ соціализмомъ. Все, что есть положительнаго въ соціализмѣ, должно полно и честно претворить въ жизнь буржуазными руками.

166.

Всеобщее и даже справедливо заслуженное уваженіе еще не даетъ права на власть. Есть талантъ власти, какъ талантъ ораторскій, музыкальный, писательскій и т. д. А. В. Карташевъ — человѣкъ голубиной чистоты, но на посту оберъ-прокурора святѣйшаго синода даже Плевицкая была бы умѣстнѣе, чѣмъ онъ. Ибо сколь ни паскудно „искусство" Плевицкой, она все-таки умѣетъ зажигать имъ непритязательныя сердца. Карташевъ же со всей своей ученостью только мертвитъ все, къ чему прикасается. Ему и подобнымъ — мѣсто на Афонѣ, а не на томъ базарѣ, который принято называть политикою.

167.

„Патріоты" типа Маркова II всю жизнь кричали „ура!"; еслибы они были просто патріоты, то должны были, видя, что творилось въ Россіи, кричать „караулъ!" Они осрамили Николая II и тѣмъ уготовили его гибель, вовлекши слабовольнаго царя въ маффію „союза русскаго народа". Мар-

ковъ — это Вій нашихъ монархистовъ: вся черная нечисть собирается вокругъ него, а онъ, слѣпой, тычетъ указующимъ перстомъ въ неопредѣленномъ направленіи . . . Пропоётъ пѣтухъ истинной свободы и сгинетъ нечисть.

168.

„Счастье . . . А что такое счастье?" — спрашиваютъ бѣженскія дѣти. Попробуйте объяснить имъ то, чего они еще не извѣдали. Вы начинаете говорить о Россіи, и больше — о будущей Россіи. „Да можетъ-ли это когда-нибудь статься?" Будетъ, дѣти, счастье, будетъ Россія! Одно для этого нужно: не подражайте намъ, сквернымъ отцамъ вашимъ, что не умѣли ни жить, ни умирать достойно Россіи. Презирайте склизняковъ.

169.

Мы промолчали тысячу лѣтъ: исторія урѣзала намъ языкъ. Да и не въ національномъ характерѣ нашемъ паѳосъ, — вѣнецъ ораторскаго искусства. Мы всегда боимся ходульности и потому до грубости просты. Съ 1917 Россія точно съ цѣпи сорвалась и какъ будто хочетъ высказать все, чего не могла или не умѣла за всѣ десять вѣковъ. Во всей странѣ умѣютъ говорить только В. А. Маклаковъ и Ѳ. И. Родичевъ, а хотятъ говорить всѣ. Получается галдежъ. Тошно и вредно. Иныхъ изъ ораторовъ слушаешь даже не безъ пріятности, — а прочтите стенограмму и вы поразитесь убожеству мысли. Они линючій ситецъ за ліонскій бархатъ продаютъ.

170.

Въ Россіи насъ встрѣтятъ двѣ группы населенія: преобладающая — несчастные люди, алчущіе хлѣба и порядка; меньшинство — неуспѣвшіе бѣжать комиссары и остатки разбойничьихъ бандъ въ провинціи, т. е. тѣ, которые лишатся хлѣба, когда придетъ порядокъ. Въ первую очередь станутъ вопросы продовольствія. Мы не можемъ вернуться иначе, какъ съ хлѣбомъ для голодныхъ въ одной рукѣ и съ бичомъ для комиссаровъ въ другой. Изъ трехъ человѣкъ въ Совѣтской Россіи двое — убійцы, вольные или невольные, изъ десяти девять — сознательные грабители. За про-

шлое Господь и Народъ простятъ ихъ. Но воля къ *новымъ* убійствамъ и грабежамъ должна быть подавлена бичомъ закона. На буйныхъ надѣваютъ смирительную рубашку, а не читаютъ имъ резолюціи и призывы, какъ дѣлали Львовъ и Керенскій.

171.

Германія, во время наполеоновскихъ войнъ, изобрѣла систему всеобщей воинской повинности и тѣмъ въ круговоротъ вооруженной борьбы втянула уже не армію, а весь народъ. Спустя сто лѣтъ, въ 1914—1918 гг. другъ на друга шли не солдаты, а цѣлыя націи. Всеобщей воинской повинносъ долженъ быть положенъ конецъ въ Россіи. Съ насъ достаточно, на первыхъ порахъ, добровольческой, прекрасно оплачиваемой арміи изъ людей, *по призванію* избирающихъ военную дорогу. Обходятся же громадные С. Штаты добровольческою арміей въ 150.000 человѣкъ. Напередъ слышу: „преторіанцы! янычары!" Не бойтесь словъ: да, преторіанцы соціальнаго мира и янычары русской государственносъ. Милліоны рукъ, у которыхъ будетъ отнята винтовка, обратятся къ производительному труду и залѣчатъ раны, причиненныя гражданскою войной.

172.

Отъ махновщины нельзя отмахнуться дешевымъ утвержденіемъ, будто это — бандитизмъ и все тутъ: она очень показательна. Махновщина — безповоротный разрывъ съ „панскою", феодальною, Россіей и дѣйственный протестъ противъ совѣтскаго строя. Это – судороги народнаго организма, изнывающаго въ тоскѣ по Новой Россіи, и не могущаго еще ее построить. Одинаково ненавидя и полицейскую кокарду и красноармейскую звѣзду, махновщина будто только шириться и рости, пока въ Россіи не начнетъ хозяйствовать истинная демократія, опирающаяся на право и силу.

173.

В. Д. Набоковъ соблюлъ партійное цѣломудріе и преодолѣлъ соблазнъ стать у власти въ мартѣ 17 г. Онъ несъ только обязанности управляющаго канцеляріей Вре-

меннаго Правительства, и то всего полтора мѣсяца. Что онъ былъ бы идеальнымъ министромъ любого европейскаго государства, за это ручаются весь государственный складъ его мышленія, широкая терпимость, умѣнье разбираться въ обстоятельствахъ и людяхъ. Былъ-ли бы онъ хорошимъ министромъ горячечной Россіи? Въ немъ совсѣмъ нѣтъ элементовъ авантюризма, а безъ этого, въ какихъ-то доляхъ, пожалуй, было и не обойтись въ тѣ дни авантюризма. Во всякомъ случаѣ никто такъ ясно, какъ онъ, не видѣлъ всего ничтожества и всѣхъ ошибокъ кадетскихъ министровъ. Прочтите его „Воспоминанія“ въ „Архивѣ русской революціи“, по стилю очень напоминающія Бенжамена Констана. Какой суровый обвинительный актъ, составленный любящею, но безтрепетно-правдивою рукой. Изъ кадетовъ Набоковъ, да Гессенъ — найменѣе кадетообразные. Въ нихъ, однако, вы слышите ритмъ гекзаметра, а сейчасъ нужнѣе частушка.

174.

Въ Новой Россіи „соціалистъ“ будетъ такимъ же ругательствомъ, какъ въ старой „черносотенецъ“. Одинъ другого стоитъ.

175.

Подъ флагомъ борьбы съ большевизмомъ у насъ больше укрывалось наглое хищеніе казенныхъ и частныхъ денегъ; *у нихъ* — точь въ точь такое же хищеніе творилось подъ краснымъ знаменемъ борьбы съ контръ-революціей. Тутъ фронтъ нашъ и *ихъ* прорывался и... объединялся: братанье по воровству.

176.

Стѣнка. Грязная. Вся исщербленная и въ бурыхъ пятнахъ. Поставятъ, уже голаго. Одинъ махнетъ рукою, другіе стрѣляютъ. Это — русская Евхаристія, это мы своей съ Тобою причащаемся кровью, Новая Россія!

177.

Увлекательны воспоминанія П. Краснова въ гессеновскомъ „Архивѣ Революціи“, но какъ, порою, нуденъ его

романъ „Отъ двуглаваго орла до краснаго знамени“. Красновъ — и храбрый генералъ, предъ боевыми подвигами котораго нельзя не обнажить головы, и недурной беллетристъ. Но онъ страдаетъ политическою куриною слѣпотою и потому часто жестоко разбиваетъ себѣ лобъ и на государственномъ и на писательскомъ поприщахъ. На Дону, какъ атаманъ, онъ поставилъ на Вильгельма II. Въ Берлинѣ онъ объединяетъ монархическую шпану. Въ романѣ онъ тужится, какъ политикъ, дать психологическую концепцію большевизма; получается нѣчто неудобоваримое, въ противоположность тѣмъ сочнымъ страницамъ, гдѣ безпритязательно рисуется военный бытъ. Сколь ни велика кавалерійская слава генерала, этой лошади, политики, ему не объѣздить: она непремѣнно занесетъ его въ болото, гдѣ водятся Бельгарды и квакаютъ Римскіе-Корсаковы.

178.

А. А. Бубликовъ — найболѣе практичный изъ нашихъ парламентаріевъ. У него всегда на-готовѣ ведро холодной воды, чтобы вернуть къ дѣйствительности увлекшагося строителя воздушныхъ замковъ. Это благоразумный Санхо-Панса въ цѣлой толпѣ политическихъ Донъ-Кихотовъ. Онъ — земной, по землѣ ходитъ. Въ этомъ, да въ его отвращеніи къ интеллигентскимъ шаблонамъ, его сила теперь и, особенно, въ будущемъ.

179.

Армія Врангеля особнякомъ будетъ стоять въ лѣтописяхъ. Ни одна не можетъ сравниться съ нею. Почти цѣликомъ сформирована она изъ добровольцевъ, ибо что же могла дать мобилизація въ крохотномъ Крыму? Передъ посадкою генералъ предложилъ остаться всѣмъ, кто того пожелаетъ. Солдаты послѣдовали за нимъ. Они бѣдствовали въ Галлиполи. Франція требовала, чтобы они не подчинялись офицерамъ, оставили Врангеля и разсѣялись. Солдаты еще плотнѣе сомкнулись вокругъ Главнокомандующаго. Ихъ — хитростью и насиліемъ заманивали на суда, они бросались въ воду и плыли къ своему генералу. Врангель уже самъ разрѣшилъ оставить армію тѣмъ, кому стало

невмоготу константинопольское посвященіе въ мученики. Никто не покинулъ страстотерпческихъ рядовъ. Развѣ не кощунство покушаться на эту монолитную армію, послѣднее сокровище сиромахи-народа? Развѣ не преступленіе — попытка оторвать ихъ другъ отъ друга, Вождя отъ Арміи, когда Армія и Вождь — одно, когда Врангель не назначенъ, а *рожденъ* Вождемъ?

180.

Порогъ, отдѣляющій старую Россію отъ Новой, Б. Савинковъ уже перешагнулъ; онъ успѣлъ натурализоваться въ странѣ, смутныя очертанія которой мы едва видимъ. Таковъ долженъ быть интеллигентъ будущаго, — полная противоположность интеллигентскому скопчеству настоящаго. Савинковъ — не слово, а дѣло, не остывающій порывъ, а несокрушимое упорство, не партійный Азра, а головою выше всякой партіи, самъ себѣ партія, не революціонный Кифа Мокіевичъ, а глубинный революціонеръ. „Онъ все-таки террористъ„ — шепчутъ политическія салопницы, думающія допечь большевиковъ резолюціями порицанія и обращеніями къ чувству порядочности. Савинковъ — порожденіе не террора, а воли къ свободѣ. Онъ паладинъ свободы. Терроръ для него не самоцѣль, а средство! Савинковъ знаетъ, когда время убивать, и когда время строить.

181.

Англійскіе журналы даютъ рядъ фотографическихъ снимковъ, изображающихъ, „какъ живетъ и работаетъ“ Красинъ. Вотъ, въ стосильномъРолльропсѣ, гордо катитъ самъ мистеръ; вотъ мистриссъ милостиво раскланивается со знакомыми изъ глубины элегантнаго Паккара (у мистриссъ — отдѣльный автомобиль); вотъ обѣ миссъ, въ фланелевыхъ бѣлыхъ нарядахъ, играютъ въ лаунъ-теннисъ и граціозно подняли ракеты... Газеты удивляются: „какой же это большевикъ? Онъ отлично говоритъ по англійски, умѣетъ одѣваться, дать тонкое указаніе мэтръ д'отелю, мило пошутить за кулисами загороднаго театра. „Онъ — самый настоящій буржуа.“ Вы правы, англійскіе коллеги: потому-то такъ и омерзителенъ намъ Красинъ, что онъ не безумецъ, какъ Ленинъ, не фанатикъ, какъ Троцкій, не садистъ,

какъ Дзержинскій, а ловкій биржевой дѣлецъ, презирающій коммунистовъ, но играющій теперь на большевизмѣ, какъ въ свое время игралъ въ Петербургѣ на брянскихъ и сормовскихъ. Нѣтъ, конечно, никакого оправданія для Ленина и его присныхъ, но учебникъ психопатологіи даетъ нѣкоторое объясненіе ихъ поступковъ. Красинымъ руководитъ одно — корысть: онъ продаетъ мать-Россію, какъ, слѣдовательно, продастъ и своихъ дочерей, если понадобится. „Миссъ“ Красины! Знаете-ли вы, что за ваши автомобили уплачено краденнымъ золотомъ и что ваши бѣлыя платья черны отъ той крови, которую въ Россіи льетъ вашъ „dear father“?

182.

„Сандвичи и пирожки. Консоме де воляйль. Кулебяка. Филе соль по гаврски. Молодой картофель. Барашекъ брэзе съ мадерой. Грибы въ сметанѣ. Яблоки Шато. Молодая спаржа. Слоеный пирогъ-тысячелистникъ. Муссъ ваниль.“ (Честное слово, пока выписывалъ — слюнки текли.) Что это? Меню обѣда, даннаго на дняхъ г. Керженцевымъ, совѣтскимъ уполномоченнымъ въ Стокгольмѣ. За обѣдъ ресторатору было уплаченъ 57.000 французкихъ франковъ (Echo de Paris). Такъ кушаютъ новые спартанцы, представители „рабоче-крестьянскаго“ правительства. Случаи (?) самоубійствъ подданныхъ этого самаго правительства, самоубійствъ отъ голода, по офиціальнымъ даннымъ исчисляются десятками тысячъ; сотни тысячъ умираютъ отъ голода, не накладывая на себя рукъ. Когда объявилъ добровольную голодовку мэръ ирландскаго города Коркъ, лицемѣрная Европа вздыхала и служила о немъ молебны. Шайка насильниковъ голодомъ моритъ 150-милліонный народъ, Европа молчитъ... Да гдѣ тамъ молчитъ! Ухаживаетъ за насильниками! Отслужите же своему отцу хоть черную мессу по насъ!

183.

Въ Парижѣ равненіе бѣженцевъ — по политической шумихѣ, въ Лондонѣ — по деньгамъ, въ Стокгольмѣ — по спекуляціи, въ Берлинѣ — по самодѣятельности, въ Будапештѣ — по правизнѣ, въ Прагѣ — по лѣвизнѣ, въ Бѣлградѣ — по размѣну, въ Софіи — по сѣрости, въ Кон-

стантинополѣ — по несчастію, и всякая русская колонія напоминаетъ стеклянную банку съ голодными пауками.

184.

Въ сентябрѣ 1920 г. корниловцы и съ ними я переправлялись черезъ Днѣпръ и были на Хортицѣ, столицѣ Сѣчи. Какъ капризно изогнулась здѣсь рѣка! Къ сѣверу видны непроходимые плавни, съ юга нависли крутизны скалъ, разбросаны островки и отмели, правый берегъ весь въ горахъ. Я созерцалъ тѣ же виды, что и запорожцы триста лѣтъ назадъ. Не только мѣсто дѣйствія, но и содержаніе трагедіи, и даже дѣйствующія лица были тѣми же самыми Тарасами и Остапами Бульбами, только въ другомъ одѣяніи, да безъ прежнихъ чубовъ. Здѣсь опять дрались за родину, одинъ противъ десятковъ; опять рыцари свободы крушили насильниковъ. Привели плѣнныхъ, ту русскую сѣрую скотинку, которая теперь сдѣлалась красною и перестала быть, по слову Драгомірова, „святою". Подъѣхалъ Кутеповъ. „Вы голодны? Накормить ихъ!" были первыми словами генерала. — Такъ сражались солдаты Врангеля, такъ относились они къ побѣжденнымъ Мудрено-ли, что красноармейцы, черезъ 2—3 недѣли пребыванія въ плѣну, становились надежнѣйшими частями врангелевской арміи, а былъ случай, когда, взятые въ 9 ч. утра, красные въ 6 ч. вечера пошли въ штыки на коммунистовъ и дрались, какъ львы. И такую-то армію хотятъ распылить „союзники".

185.

Мимо своего начальника, 26-лѣтняго генерала Туркула, церемоніальнымъ маршемъ проходитъ дивизія дроздовцевъ. Красные въ пяти верстахъ. Дивизія дралась вчера; сегодня къ вечеру опять вступитъ въ бой. Солдаты отчетливо выбиваютъ шагъ. Расширенными глазами они впились въ генерала; на всѣхъ лицахъ выраженіе радостнаго порыва. Гремитъ музыка и подъ ея, зовущіе въ сѣчу, звуки начинаешь мучительно завидовать этимъ людямъ, жизнь которыхъ потому такъ полна и прекрасна, что они совсѣмъ не дорожаютъ ею, что она — не ихъ, а отдана родинѣ. Съ такими

лицами, должно быть, выходили христ'ане на арену Колизея. Я чувствую, какъ что-то, забытое съ дѣтства, щекочетъ у меня въ горлѣ. Я отворачиваюсь, и вижу откровенно заплаканное лицо милаго Шарля Риво („Temps“), моего жизнерадостнѣйшаго, веселаго спутника. Послѣ смотра мы просимъ генерала показать намъ поближе обмундированіе солдатъ. Они поднимаютъ полы шинелей: у однихъ вовсе нѣтъ брюкъ, у другихъ однѣ дыры. „Красные — мой интендантъ“, говоритъ Туркулъ: „запасы патроновъ и медикаментовъ я беру у нихъ. 2000 моихъ дроздовъ имѣютъ *только* винтовку, фуражку и рубашку; когда холодно, они принуждены сидѣть въ избахъ“. — „А офицеры?“ — „У кого есть смѣна бѣлья, тотъ счастливъ.“ И въ этихъ условіяхъ каждый день — побѣды, и *ни одного* случая обиды или грабежа мирнаго населенія. Такъ воспиталъ Врангель своихъ солдатъ! Врангелевская эпопея — четьи-минеи русскаго народа.

186.

Большевики пишутъ, что Дорошевичъ призналъ совѣтскую власть и изъявилъ желаніе служить ей своимъ перомъ. Обычная ложь! Я жилъ у Дорошевича осенью 1920 г. Этотъ блестящій умъ погасъ безнадежно, какъ мнѣ *письменно* засвидѣтельствовали мѣстныя медицинскія свѣтила. Растительная жизнь продолжается, духовная кончилась навсегда и несчастный В. М. не знаетъ, что дѣлается въ Россіи, которую онъ всегда такъ любилъ. Несчастный? А, можетъ быть, единственно счастливый среди насъ...

187.

Всю жизнь Бурцевъ разрушалъ не Россію, а ту форму государственности, которая калѣчила Россію. Собирать Новую Россію, — какъ это дѣлаетъ В. Л., вовсе не значитъ стать ренегатомъ, что бы ни кричали враги Бурцева. Это значитъ, что періодъ разрушенія кончился и что нѣтъ другого фундамента для государственнаго зодчества, кромѣ національной идеи. У Бурцева — сердце Шиллера въ тѣлѣ тамбовца.

188.

Будущее Новой Россіи — въ школѣ. Послѣ арміи она нужнѣе всего. Она уродовала у насъ души, какъ башмачекъ китаянки — ногу. Теперь она должна стать санаторіемъ и арсеналомъ, утвержденіемъ національной идеи, залогомъ расцвѣта демократіи. Необозримы цѣлины, мало сѣятелей, а предстоитъ тяжій трудъ выработки типа *собственной* школы, не копіи съ чужеземныхъ образцовъ.

189.

Авторъ „Правленія ген. Деникина", Деміургъ подкупленныхъ газетъ, К. Н. Соколовъ — Нарциссъ, любующійся своимъ отраженіемъ въ навозной лужѣ. Что лучше: фонъ иль самъ портретъ?

190.

Въ пушкинскомъ вопросѣ: „славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ, оно-ль изсякнетъ?", по истинѣ, геніально это уподобленіе Россіи — морю, славянскихъ народностей — ручьямъ. До Пушкина и послѣ Пушкина моремъ считали славянство, а Россію лишь одной, — правда, крупнѣйшею, — изъ рѣкъ, поящихъ это море. Но глубоко ошибочна альтернатива, которая представляется поэту: *или* ручьи славянства будутъ поглощены нашимъ моремъ, *или* же ему придетъ конецъ. „Слитіе" этихъ ручей совершенно нежелательно ни для насъ, ни для нихъ: красота славянства въ его многоцвѣтности, а „слитіе" повлекло бы къ водворенію славянства въ русскую кордегардію. И поздно, и довольно! Но чтобы ни случилось съ ручьями, вплоть до полнаго ихъ высыханія, русское море отъ того никакого ущерба понести не можетъ. Въ системѣ славянства Россія есть солнце; спутники потухаютъ или возгораются новымъ свѣтомъ, солнце довлѣетъ себѣ.

191.

Единственное сейчасъ за рубежомъ представительство Россіи, достойное ея, — Художественный Театръ. Обитатели нашихъ посольскихъ зданій напоминаютъ „Носъ" гоголевскаго маіора Ковалева: и въ бѣлыхъ штанахъ съ позумен-

тами ходятъ, и шляпы съ пышными плюмажами носятъ, и въ автомобиляхъ ѣздятъ, — но все-таки не люди, а какіе-то носы, сорвавшіеся съ чужого лица, — конфузъ и фантастика.

192.

„Предоставленіе несобственникамъ политическихъ правъ ведетъ къ одному изъ трехъ возможныхъ результатовъ: или несобственники дѣйствуютъ самостоятельно и тогда они разрушатъ общество; или они поддаются вліянію лицъ, находящихся у власти, и являются орудіемъ тиранніи; или они подчиняются претендентамъ на власть и дѣлаются слугами группъ и партій" (Бенжаменъ Констанъ). Эти слова умнаго француза были пророческими для Россіи нашихъ дней; „богоносцы", хотѣвшіе вмѣсто камня общины получить хлѣбъ собственности, ухитрились сочетать всѣ три "или": и разрушили общество, и стали орудіемъ тиранніи, и явились слугами коммунистической партіи. Только теперь, когда крестьянинъ сталъ собственникомъ, онъ, съ политическими правами, долженъ будетъ признать за собою обязанность хранить государственность, которая одна можетъ, противъ соціалистовъ, сохранить собственность за нимъ. Раньше всѣ имѣли права, обязанности — никто.

193.

Въ Новой Россіи будетъ почва для клерикализма: послѣ потрясеній усталыя души, прибѣгая къ Богу, подпадаютъ на самомъ дѣлѣ подъ вліяніе духовенства. Но дѣлателей клерикализма я не вижу. Все, что въ нашей церкви было живого и христіанскаго, т. е. анти-синодальнаго, или само ушло изъ клира или принуждено было снять рясу. Григорій Петровъ, этотъ русскій Ламеннэ, не въ Москвѣ, а въ Бѣлградѣ, и не въ митрѣ, а въ „каскеткѣ". Неужели старые синодальные подлипалы и проныры думаютъ возглавлять духовенство и въ Новой Россіи? Православіе отомретъ, если не найдетъ Лютера съ душою Аввакума: нужна метла и нужна реформація.

194.

Куда хорошо бы, еслибы въ массовомъ масштабѣ повторилась чудо, уже разъ содѣянное надъ отцомъ Іоанна

Предтечи, Захаріей, и ангелы запечатали бы уста тѣмъ изъ русскихъ политическихъ дѣятелей, которые страдаютъ неудержаніемъ слова. Да нѣтъ! Въ самой небесной канцеляріи не хватитъ достаточнаго количества печатей.

195.

Политика — почти всегда оппортунизмъ, въ иные моменты — *только* оппортунизмъ. При нашей привычкѣ думать и дѣйствовать въ шорахъ, политикантствующая интеллигенція готова считать „оппортунизмъ“ браннымъ словомъ. Біографію Гамбетты хотя бы почитали! Когда о комъ-либо теперь говорятъ: „онъ не оппортунистъ“, то тѣмъ самымъ заявляютъ: „онъ не имѣетъ ни данныхъ, ни права заниматься политикою“.

196.

Можно не принадлежать къ т. н. цензовымъ элементамъ, и быть убѣжденнымъ буржуазомъ, ибо буржуазія гораздо больше, чѣмъ классъ: это — міросозерцаніе. Поэтому парѳянскія стрѣлы эсъ-эровъ, направленныя противъ цензовиковъ, не отравляютъ существованія буржуазіи, — этого очага и центра цивилизаціи. Буржуазія враждебна не соціализму, а соціалистамъ, какъ и Марксъ протестовалъ противъ того, чтобы его называли марксистомъ. Она неразрывна съ демократіей, ибо въ томъ выгода буржуазіи и ея страховка отъ соціалистовъ.

197.

Предложите пріятелю сдѣлать самую немудрящую вещь: подковать лошадь, сложить печь, поставить самоваръ или вырѣзать мозоль. Онъ резонно откажется: „не учился, не умѣю“. Предложите ему любой министерскій портфель, — возьметъ, не мигнувъ, такъ же рѣшительно и невозмутимо, какъ папиросу. Страна, гдѣ всѣ — „государственныя головы“, и рѣдко, хотя бы въ одной головѣ, государственная мысль!

198.

Любовь къ Отечеству — есть религія, наиболѣе угодная Богу. Богъ есть Отечество и Отечество есть Богъ. Свобода есть средство служенія Богу и Отечеству.

199.

Двадцать пять часовъ въ сутки думайте о томъ, что теперь все отечество наше находится на остріяхъ штыковъ солдатъ Врангеля.

200.

Нынѣшній фазисъ франко-русскихъ отношеній — какъ будто исторія Периколлы (Франція) и Пикилло (Россія): Пикилло — въ тюрьмѣ, Губернаторъ (Англія) — такъ богатъ: „какимъ виномъ насъ угоща-а-а-а-ли, какой обѣдъ намъ подава-а-а-а-ли“ ... Всѣ мечты Периколлы — о соединеніи съ Пикилло, но Пикилло долженъ освободиться самъ, пока же — кокетничанье съ знатнымъ вельможею. Обманутъ, — клянутся парижскіе бульвардье, — будетъ онъ, а не узникъ. На родинѣ Оффенбаха опереточная политика Маккіавели. Очень весело, но только подъ мотивы Бріана умираетъ армія Врангеля.

201.

Не будетъ частной собственности, и жизнь остановится: солнце будетъ освѣщать не землю, а ледышку.

•202.

Право на трудъ, обезпеченіе всякаго, неспособнаго къ труду, участіе рабочихъ въ прибыляхъ — такова соціальная база буржуазной Новой Россіи. Мы объявимъ священную войну не пролетаріату, а *пролетаризаціи*, — результатомъ которой являются нищенство, голодъ, болѣзни, проституція, преступность. Пролетаріевъ не должно быть на нашей землѣ: лѣстница имущественнаго неравенства будетъ начинаться съ той ступени, которая обезпечиваетъ слабѣйшему и малѣйшему достойное человѣка существованіе. Государственная богадѣльня? Нѣтъ: государственная солидаризація. Предохранительная вакцина противъ соціализаціи.

203.

Пролетаріатъ не самое цѣнное ядро человѣчества, какъ учитъ Ленинъ, а самое несчастное. И нельзя пособить ему, отдавъ невѣжественнымъ и голоднымъ монопольную власть

надъ государствомъ; надо создать власть, которая сдѣлаетъ пролетаріатъ сытымъ, просвѣщеннымъ, счастливымъ, — обуржуазитъ его. Утопическій соціализмъ? Проще: практическій расчетъ буржуазовъ.

204.

Ужъ какихъ только мы визъ не выклянчивали, а вскорѣ придется хлопотать о послѣдней. Какой же еще? О русской, о правѣ возвращенія на Родину, когда уйдутъ большевики. Говорю, конечно, фигурально: черезъ таможенную рогатку, кромѣ завѣдомыхъ предателей, насъ пустятъ всѣхъ, но всѣхъ-ли допустятъ къ строительству общественной и государственной жизни? Бѣженцы склонны себя разсматривать, какъ цвѣтъ народа, учителей жизни и будущихъ правителей той сѣрой Россіи, которая осталась за проволокою. Какое заблужденіе! Подлинная-то Россія, страдающая, защищающая послѣднія цѣнности человѣческаго, осталась именно *тамъ; сюда*, въ большинствѣ, прибыли найболѣе трусливые и ловкіе. Борьба вѣдь идетъ тамъ и грамадное большинство насъ — дезертиры. Не разумѣю подъ этимъ именемъ тѣхъ, кто былъ объявленъ большевиками внѣ закона или приговоренъ къ казни. Для такихъ желаніе остаться въ Россіи было бы опасной фанфаронадой и могло лишь повести къ утратѣ отечествомъ одной изъ столь нужныхъ ему культурныхъ силъ. Эти имѣли право и даже обязаны были спасаться заграницу. Но подавляющее большинство прочихъ? Каждому изъ насъ придется дать отчетъ въ томъ, что для Россіи онъ сдѣлалъ здѣсь. Нелегко будетъ получить „русскую визу“; ни по знакомству ее не вымолишь, ни за деньги не купишь.

205.

Кромѣ пяти обычныхъ чувствъ, — зрѣнія, слуха и т. д. есть еще шестое: *чувство Россіи.* Поддѣлать его нельзя: съ нимъ нужно или родиться или, какъ это сдѣлали теперь многіе, его надо выстрадать. Кто лишенъ его, тому не объяснишь, что это за чувство, какъ слѣпорожденному не втолкуешь разницу между бѣлымъ и чернымъ. Можно и пони-

мать и любить Россію и не испытывать чувства Россіи; но кто обладаетъ имъ, не можетъ не понимать и не любить Россію.

206.

О Тебѣ, растлѣнная и чистая, о Тебѣ, прободенная и живая, о Тебѣ, гніющая и благоуханная, о Тебѣ, чьи раздѣлены ризы и кому ткутся новыя, ослѣпляющія свѣтомъ нездѣшнимъ, — о Тебѣ всѣ мысли, Тебѣ всѣ чувства, горимъ Тобою! Не тѣмъ я горжусь, что — я русскій; нельзя гордиться случайностью. Но я *счастливъ* тѣмъ, что я русскій, хоть и нѣтъ въ томъ моей заслуги: счастливымъ вѣдь можно быть и незаслуженно. И еслибы богъ Случай спросилъ меня, кѣмъ бы я хотѣлъ родиться вновь, я, зная все, что меня ожидаетъ, твердо отвѣтилъ бы: „только русскимъ!"

207.

Боже справедливости! Если Ты есть, къ чему терпишь все это? А если терпишь, къ чему — Ты?

Іюль 1921.

Isola Bella (Lago Maggiore).

Въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ

того же автора:

Христосъ и Ленинъ.

Коммунизмъ въ Россіи.

Что такое „буржуй“?

Классовая борьба.

Классовая солидарность.

Частная собственность, какъ условіе прогресса.

Красная или національная армія?

Соціалисты — враги демократіи.